

Сын мага

заговор во дворце

Единственный сын главы тайной службы Императора возвращается ко двору после окончания важной миссии (не вполне удачного окончания, но кто посмеет упрекнуть наследника могущественнейшего рода...)

Отдохнуть не получается: при дворе в схватке за право стоять возле трона сошлись две партии, и обеим мешает его отец. Испорченная аристократия, правящая при помощи магии, интриги, заговоры, тёмное колдовство и никакого покоя. Придётся распутать заговор, иначе не отстанут.

Сын мага: заговор во дворце
Константин Мартов

Самые важные события происходят незаметно. Это потом, когда тебя от важнейшего в твоей жизни момента отделяет пара-другая десятилетий кто-то спрашивает: а как оно всё было-то, на самом деле? Тогда ты начинаешь вспоминать и рассказывать. Приукрашиваешь немного, куда ж без этого. Но в тот самый момент, в ту самую минуту, когда корабль твоей судьбы ложится на новый курс, ты этого не замечаешь. Не до того тебе, поскольку события начинают нестись словно чистокровные кони, думать становится некогда. А про корабли... Я с детства мечтал на них посмотреть. Только вот когда довелось, уже не в радость было.

Моя жизнь переменилась когда Алты — водоноса окатило из кувшина, который он носил за спиной. Вопреки Божьей воле и естественному порядку вещей вода тугой струёй вырвалась из узкого горлышка кувшина, поднялась круто вверх, а потом, изогнувшись подобно атакующей змее, ударила старому водоносу прямёхонько в бритый затылок. Помню, у него был настолько ошарашенный вид и это было так уморительно, что мы с друзьями покатывались со смеху в переулке, откуда наблюдали за моей шалостью, оказавшейся впоследствии судьбоносной.

Я теперь и имён-то их не помню, своих друзей из прошлой жизни. Зато прекрасно помню зарево на горизонте — это горел наш дом на окраине оазиса. Отец успел забросить меня на круп своего коня и умчаться прочь, в пустыню, прежде чем пришли охотники за колдунами. Мать ушла ещё раньше, другой дорогой, на верблюде, груженном нашим нехитрым скарбом.

С тех пор я никого кроме отца и матери и не видел — до того памятного дня, когда из пустыни в наш новый дом пришёл путник. Я бы удивился любому человеку, но этот поразил меня до глубины души. Белая кожа на его лице не была обожжена солнцем, от палящих лучей путника защищало странное приспособление на палке, которое он нёс в одной руке. Позже путник рассказал что это называется «зонтик» и даже подарил его мне перед уходом. В другой руке он нёс кожаную сумку солидных размеров.

Отец время от времени взнуздывал своего жеребца, закидывал за спину лук, препоясывался мечом и направлялся в пустыню, откуда возвращался через несколько дней нагруженным добычей: свертками ткани, мешками с мукой и солью, иногда — со сладостями для меня и матери. Она придирчиво осматривала всё принесенное отцом и раскладывала добычу на две неравные кучки. Одна, поменьше, предназначалась для нас и, как правило, состояла из еды и нарядных тканей — мать любила красиво одеваться. В ответ на добродушные подшучивания отца она шипела как змея и говорила что наряжается не для кого — то, а для себя, а если кому-то что-то не нравится, то можно и не смотреть. А ещё лучше — выколоть себе глаза и отрезать язык, чтобы больше не произносить глупостей. Мать и отец любили друг друга, и когда пришёл мор я не сжёг их тела, а похоронил в одной могиле.

Вторую часть добычи мать неизменно грузила на верблюда, и уезжала в пустыню. Так вот: и отец, и мать из своих походов возвращались с кожей, сморщенной как у меня, когда я слишком долго просижу в озерце, да к тому же покрытые ожогами и с потрескавшимися губами. В отличие от них путник был свеж. Он даже не вспотел.

Отец глядел на незваного гостя настороженным взглядом, но, по всему было видать, его разбирало любопытство. Мать же незаметно сунула свой верный кинжал в широкий рукав

цветастого халата и пошла гостю навстречу, вроде бы радушно, но я уже видел такое выражение у неё в глазах, обычно оно означало что мне следует спрятаться и переждать бурю её негодования. Гость широко улыбнулся матери, зашёл в тень скал, нависавших с трёх сторон над нашим маленьким оазисом, поставил сумку и зонтик на песок и вскинул вверх обе руки. Раздался плеск воды, и мать пошатнулась.

Дело в том, что наш источник начал угасать. Источник, бьющий из скалы никогда не был щедрым, даже в лучшие времена с трудом был способен обеспечить водой троих человек, верблюда, коня и пару коз. Он никогда не изливался в озеро с одинаковой силой, становился мощнее зимой и слабее летом, но в тот год он иссяк вовсе. Мы держались на запасах воды в озере, которые быстро таяли. По ночам, засыпая, я слышал как отец с матерью обсуждают, куда поведут наш маленький караван, когда воды в озере совсем не останется. Как я понял из их разговоров, источник выбрал не самое лучшее время чтобы иссякнуть — в пустыне шла война. Не обычная война между племенами, в ходе которой мужчины бьются в пустыне, а женщины и дети продолжают мирно жить в оазисах, но война большая, доселе не виданная. В нашу пустыню пришли армии из далёких стран, защищающие интересы правителей столь могущественных, что для них старейшины и вожди самых больших оазисов были чем-то вроде букашек, населяющих чахлые заросли на берегу нашего озера.

И вот неведомо откуда пришедший путник одним движением рук заставил наш источник биться с новой силой, да так, как и зимой не бывало. Помню, я подумал тогда о том что наконец-то мне вновь разрешат купаться в озере.

Отец подошёл к матери, положил одну руку ей на плечо, а второй мягко отобрал кинжал. Показал его спутнику, развернув рукоятку и жестом пригласил к ковру, на котором были разложены лепёшки и стоял кувшин с козьим молоком — мы как раз собирались ужинать. Путник принял приглашение, а после задержался у нас на несколько дней. За это время он рассказал и показал мне много интересных штук, которые впоследствии изменили всю мою жизнь.

Когда гостю пришло время уходить, отец подвёл к нему своего коня — лучшего из тех что можно купить за деньги или принять в дар. Родословная скакуна количеством знаменитых предков не уступала самым знатным людям пустыни. Отец держал стремя, пока гость садился в седло, а мать в то время неодобрительно поглядывала на отца. Она никогда не одобряла лишних трат, считая что нужно отдавать как можно меньше, а брат как можно больше. Если конь вернётся к нам в оазис самостоятельно — в трудные времена родители уже не раз продавали его, но он всегда находил способ бежать от новых хозяев и вернуться домой — то сшитые ей по приказу мужа наряды гость не вернёт. Хорошо хоть гость не просил дорогих одеяний из шёлка, его устроило рубище, вроде тех, что надевают на себя бродячие дервиши. Свою же одежду путник оставил в оазисе.

Путник помахал ей рукой на прощание, а мне подмигнул, давая понять, что пришло время для небольшого представления, которое мы с ним подготовили. Я зажмурился, поднял руки как он учил, и очистил разум. Через пару мгновений плеск родника заметно усилился. Я открыл глаза и торжествующе взглянул на отца. Он довольно улыбался. Усилившийся ненадолго поток почти сразу ослабел и снова начал ронять скупые капли из расщелины в озеро. Мать презрительно фыркнула и позвала нас ужинать. Я в тот вечер получил двойную порцию сушеных фиников.

Глава 1

Рожденный для скачек по пустыне конь мчался сквозь ночь бесшумной стремительной тенью, едва касаясь песка. Всадник поглядывал на звёзды и прикидывал расстояние до цели своего путешествия. Ему пришлось задержаться в случайно найденном оазисе и ему очень повезло, что не возникло необходимости утопить всё это разбойничье семейство в их заповедном озере, хотя намерение такое было. Во время путешествия от конечной станции железной дороги, ведущей в глубины пустыни из центра Империи, и до пограничья, не принадлежащего пока никому (ну не принимать же всерьёз претензии местных вождей на суверенитет), путешественнику не раз приходилось слышать рассказы о страшном семействе демонов-разбойников, обитающем в глубинах пустыни. Они были неуловимы и умели повелевать силами пустыни. Они насылали песчаные бури на караваны, и умели выколдовывать воду — что и позволяло им скрываться в глубинах пустыни, где не мог выжить ни зверь, ни человек. Сказки, как есть сказки. Он намеренно отклонился от намеченного маршрута — благо у него в запасе имелась неделька-другая, дабы отыскать вышеупомянутых демонов. Всё оказалось именно так, как он и предполагал. Ну, почти что так. Ни мать, ни отец не были наделены способностями, а вот их пасынок имел вполне выраженный дар Воды. Похоже, даже обучался когда-то, ну или был чрезвычайно одарен от природы. Он на лету ловил уроки, преподаваемые ему, скажем без ложной скромности, сильнейшим водным магом Империи. Сдавать мальчика священникам нет нужды, ведь юрисдикция Вселенской Церкви пока не дотянулась до этих мест, что избавило от мук выбора его тщательно скрываемую от окружающих совесть. Родители одаренного парнишки оказались обычными людьми. Папаша разбойничал, пользуясь своим маленьким оазисом, скрытым от посторонних глаз нависшими с трёх сторон скалами, как базовым лагерем. Мамаша сбывала краденое — очевидно, по ту сторону границы. Семейный бизнес, так сказать. Неизвестно, были ли они такими всегда, или вынуждено пошли по скользкой дорожке из-за запретного дара парнишки. Теперь это и неважно, ведь они позади, а путешественник не привык забивать голову тем, что не могло повлиять на его судьбу. Сейчас перед ним стояла задача, и задачу надлежало решить.

Коллега из Иргенча наконец-то соизволил сделать свою работу и Луна скрылась на время за невесть откуда взявшейся на чистом небе тучей. Путник спешил, погладил коня по морде, угостил его куском сахара напоследок и шлепнул по крупу. Да, разбойник говорил что дарит ему коня, но он явно ожидал, что его кормилец вернётся. Конь, конечно, породистый и статный, но с собой забрать его не получится. Надо будет купить такого же по окончании задания, иначе в Александровской Слободе не поймут. Как можно вернуться в Империю из южных пустынь без породистого аргамака? Нет, решительно не поймут. Надо будет ещё загореть напоследок, знатные девицы это любят.

Путник пешком поднялся на небольшой холмик, взглянул ещё раз на звёзды, несколько мгновений постоял молча, а после со вздохом опустился на землю и пополз. Ужом проскользнув между камнями и пучками жёсткой травы он приблизился к своей цели, о чём свидетельствовал гомон множества голосов. Впереди большой лагерь повстанцев, туда ему и надо проникнуть. Местные дикари, хоть и не были способны к хоть какой-то дисциплине, но охранять свои поселения, даже временные, умели неплохо. Сказывалась непрекращающаяся многовековая война всех против всех. Ничего, скоро и здесь воцарится мир. Вопрос лишь с

том, какая держава его установит.

Путник умел наколдовать воды, если поднапрягся, то и дождь смог бы вызвать, но вот отводить глаза не умел. Пришлось прибегнуть к врученному ему по папенькиной протекции ордену Алексея Тишайшего. Шестилучевая звезда, сделанная из тёмного металла слегка завибрировала, когда он сжал её в кулаке и тут же смолкла. Безлунная ночь непостижимым образом стала серой, и он смог разглядеть замершего у камня часового. Путник потихоньку пополз прямо на него — иного пути пробраться в лагерь не было, он знал это точно. Шпион, несколько лет назад внедрённый в ряды повстанцев тайной службой, и исправно исполняющий обязанности палача, сообщил в одном из своих донесений, что островитяне передали повстанцам некоторое количество световых ловушек. Пренеприятнейшая штука, они взрываются при приближении противника с внешней стороны охраняемого периметра. Да к тому же эти островные подлецы изыскали-таки способ как обучить свои мины отличать человека от всего остального, что населяет эту брэнную землю — тушканчиков, например, или пустынных волков. Проход в заминированном периметре имелся только один, и именно его охранял часовой. Бородатый воин с намотанным вокруг головы платком сидел на песке, прислонившись спиной к камню и прикрыв глаза. Опытный охотник не пытается рассмотреть что-то в темноте, он слушает. Но это не беда, активированный орден Тишайшего скрадывает награжденного им не только от зрения наблюдателя, но и от слуха. Некоторые даже уверяют, что охраняемый орденом объект и запах перестаёт издавать.

Путник прополз мимо часового, едва не задел того локтём, но всё обошлось благополучно. Он преодолел ещё несколько десятков шагов, заполз в своеобразный переулок между несколькими палатками, встал на ноги и вышел на свет, поправляя штаны. Вроде как отлучался по естественной надобности.

В полевом лагере мятежников творилось форменное безобразие, даже по меркам пустынных дикарей. Ну что ж, папенькины агенты подготовили почву, осталось лишь запустить процесс, и эта честь предоставлена ему.

— Добрый человек, подскажи где водички взять можно? — ухватил он проходящего мимо воина за полу толстого стёганого халата. Тот окинул взглядом согнувшегося едва не до земли косматого дервиша и махнул рукой в сторону колодца, возле которого выстроилась очередь желающих утолить жажду.

— Спасибо тебе, добрый человек! — крикнул мнимый дервиш в спину уходящему воину.

Когда находишься в лагере врага под прикрытием, ни на мгновение нельзя прекращать играть роль. Даже когда остаёшься наедине с самим собой. Особенно когда остаёшься наедине с собой.

Путник подошёл к очереди и пристроился в конец. Очередь продвигалась медленно, возле колодца дежурил специальный служитель, внимательно следивший за тем, чтобы воду набирали не быстрее, чем подземный источник успеваеет пополнять запасы. По его сигналу к колодцу подходил очередной страждущий и наполнял кувшин или бурдюк. Дервиш подождал пока двое человек не наберут воды и прикрыл глаза. Он мысленно потянулся к протекающей на глубине медленной речушке. Ощутил её всю, нашёл исток, прочувствовал весь её путь, и после этого направил в сторону, обходя колодец. После этого он призвал всю воду, до какой мог дотянуться и забрал её, направив в небо. В шумном лагере на несколько мгновений стало немного тише. Это замолчали от удивления все, кто сейчас утолял жажду или совершал омовение. В этот самый момент мимо дервиша проходил с кувшином в руках

человек, только что наполнивший его из колодца. Он замедлил шаг и с недоумением уставился на кувшин, из которого упругой струёй в небо ударила вода, после чего наклонил его, из носика не упало ни капли. Он заголосил, подняв кувшин над головой, ещё через мгновение к нему присоединился колодезный служитель, с факелом в руках наклонившийся над колодцем и пытающийся разобрать в темноте блеск воды. Над лагерем раздался крик множества возмущённых голосов. Дервиш выскочил на свет факелов, воздел руки к небу и завопил со всей возможной громкостью:

— Горе, горе нам! Небо забирало воду в наказание за грехи наши! Мы допустили неверных иноземцев на нашу священную землю!

После этого он побежал в глубину лагеря, продолжая выкрикивать что-то про грехи, богов, водяное проклятие и виноватых во всё этом проклятых чужестранцев. Побегав немного по лагерю и учинив неразбериху, он замолк, смешался с толпой и в конце концов затаился в тени большого шатра, принявшись наблюдать. В толпе замелькали клинки, кому-то показалось, что это всё хитрость торговцев, придумавших очередную уловку, дабы вздуть цены на воду и нажиться на честных воинах, взявших в последнем сражении богатую добычу. Толпа тут же принялась с упоением резать и грабить сопровождавших армию торговцев и блудниц, но этой добычи надолго не хватило. Тогда жадный взгляд одного из распалённых воинов упал на старого колдуна, пытавшегося вымолить у духов воду, стоя на коленях у колодца. Воин поднял над головой кривую саблю и завопил. Дервиш выскочил из тени, подскочил к колдуну, отвесил ему зубодробительного пинка и погнал бедного старика прочь из лагеря. Воин крикнул ему вслед что-то одобрительное и побежал обратно к палатке торговца.

— Беги!

Дервиш сорвал с пояса и кинул старому колдуну бурдюк с водой. Старик схватил бурдюк, мелко закивал, трясая чахлой бородёнкой и побежал в пустыню. Зад у него поболит, конечно, но жив останется. Тоже маг, всё-таки. Дервиш вернулся в лагерь изалёг у палаток, укрываясь в тени.

К этому времени пущенный лже — дервишем слух о виновности иностранцев вызрел до нужной стадии. Толпа же успела нагулять аппетит в ходе разграбления торгашей и обратила голодный взор на стоящий особняком десяток палаток, окруженных тонкой цепью солдат в красных мундирах с пиками наизготовку. Дервиш хищно улыбнулся, наблюдая за происходящим из своего убежища. Вооруженные кривыми саблями воины медленно сжимали кольцо вокруг палаток иностранцев. У них нет ни единого шанса против магов из благородных семей, а как минимум двое таких в лагере сейчас находятся — дервиш знал это точно. Однако, он не желал победы ни воинам пустыни, ни магам, ему требовалось лишь столкнуть их лбами друг с другом. Пройдёт совсем немного времени, у кого-то не выдержат нервы и тогда кривая сабля ударит, а солдат в красном мундире отобьёт выпад наконечником копья. Последует ещё несколько ударов, и рано или поздно один из них достигнет цели. Неважно, вспорет ли сабля красный мундир или бритвенно — острое жало копья пронзит кожаный доспех — результат будет один. Начнется свалка, и тогда откинется полог и из палатки выйдет безукоризненно одетый хладнокровный бледнокожий человек. Он неторопливо осмотрится и небрежно взмахнёт рукой, после чего всем планам островитян придёт конец. Им придётся убраться с южных рубежей Империи, хотя бы на некоторое время. Император выразит благодарность, его супруга протянет руку для поцелуя, и репутация молодого сына князя Плечеева укрепитя.

Планам скрывающегося под маской дервиша шпиону не суждено было сбыться. На границе лагеря вспыхнули салюты, раздались ржание множества коней и на площадь перед палатками иностранцев ворвалась конница эмира. Всадники врезались между толпой и красными мундирами, принялись оттеснять размахивающих оружием воинов от палаток островитян. Посыпались удары кнутов, раздались крики боли и проклятия, зарождавшийся бунт был подавлен в зародыше. Шпион понял, что задумываемая им диверсия не удалась и начал потихоньку отползать назад, в темноту. Он сунул руку за пазуху, собираясь использовать орден повторно, но не успел — на его плече железной хваткой сомкнулась рука. Его грубо потащили по песку в сторону площади. Там всадники согнали бунтовщиков в кучу и тычками тупых концов копий и ударами кнутов удерживали их от бегства. Шпиона втокнули в круг, где он тут же получил по плечу плетью от охранявшего их всадника. Решив, что лучше держаться от всадников подальше, он предпринял было попытку пролезть в гущу толпы, но там его встретили недружелюбно, выпихнув наружу, попутно наградив парочкой синяков. Он смирился со своей участью, получил ещё несколько ударов от всадников, после чего проследовал вместе со всеми на окраину лагеря, где бунтовщиков разоружили и загнали в ямы, из которых без лестницы выбраться было невозможно. Глянув на звёзды шпион вспомнил один из уроков, который гласил: если не можешь повлиять на ситуацию, попробуй выспаться. Отвоевав себе немного места он свернулся клубком и заснул. Утром, когда их будут судить, ему придётся вести себя крайне осмотрительно. Если на суде будет присутствовать не только представитель эмира но и кто-нибудь из высокородных островитян, можно будет раскрыться и сдаться им в плен. По крайней мере, хоть сносные условия содержания они собрату по сословию обеспечат. С этой мыслью он и уснул.

Долго проспать не получилось. Шпион сквозь сон понял, что за ним наблюдают. Кожей почувствовал, безо всякой магии, инстинктивно. Он не пошевелился и не изменил ритм дыхания, наблюдатель не должен понять, что он проснулся. Чуть шевельнул веками, осмотрелся сквозь тонкую щель между ними. Луна вышла из-за тучи, стало светлее. Пленники в яме в большинстве своём не спали: кто-то постанывал и шипел от боли в разорванном ударом плети боку, некоторые переговаривались, прикидывая, какое наказание им назначит эмир. Все сходились в том что на кол не посадят, ведь идёт война и бойцы нужны как эмиру, так и его иностранным друзьям. При слове «друзья» кто-то отпустил двусмысленную шутку. На него тут же зашикали, заставили замолчать. Один воин высказал мысль, что скорее всего их всех отправят штурмовать ущелье Габет, где засели шайки разбойников. Все приуныли. Ущелье слыло гиблым местом.

Один из сидящих в яме заметно отличался от остальных — он сидел молча и вокруг него было с пол-шага свободного пространства, несмотря на скученность. Шпион прислушался внимательнее. Из разговоров он понял, что этот узник — единственный, кто сидел в яме ещё до начала бунта. Это разбойник, причём довольно известный, на него смотрели со смесью страха и уважения. Он, в свою очередь, ни на кого не смотрел.

— Попить бы — просипел кто-то, и ему вторили несколько голосов.

— Эй, стража, вода вернулась?

— Да, чужестранцы вернули, — ответили сверху.

— Так дайте попить, вы ж такие же как мы! — взмолились узники.

— Обойдётся, — отрезал стражник. Он стоял у самого края ямы. Один из узников резко подпрыгнул и ухватил стражника за лодыжку, остальные одобрительно заревели.

Стражник ткнул копьём по руке узника. Тот зарычал от боли, отпустил ногу обидчика и свалился назад. На шум прибежали ещё несколько стражников, для острастки несколько раз ткнули копьями в яму, и узники успокоились. Стражники приволокли клетку из брусьев, с кряхтением подняли и накрыли её яму, после чего удалились, рассудив, что бежать пленникам всё равно некуда, пустыня кругом.

Шпион немного напрягся и материализовал у себя во рту немного воды. Глотнул. Ещё раз и ещё. Надо пить потихоньку, чтобы никто не заметил, но и восстановить силы необходимо. Завтра придётся что-то придумывать, ещё одну ночь в яме он проводить не собирается. Вернувшуюся было мысль о сдаче в плен он отбросил. Это лёгкий выход, но такой поступок поставит крест на карьере, а жить беззаботной жизнью, подобно большинству выходцев из благородных семей всё равно не получится. Отец рано или поздно покинет этот мир, к этому времени надо быть готовым к самостоятельной жизни.

Его взгляд вновь упал на разбойника. Тот едва заметно облизнул потрескавшиеся губы. Тоже страдает от жажды. С этих варваров станется не дать пленнику воды. Они вперёд своих коней напоят, потом напьются сами, наполнят бурдюки, а с остальными как получится. Шпион создал каплю воды на языке разбойника. Тот поперхнулся от неожиданности, закашлялся, завертел головой. Шпион открыл глаза и поймал блуждающий взгляд разбойника, подмигнул ему и отправил ещё немного воды. Разбойник проглотил, благодарно кивнул. Пожевал губами, встал, подошел и сел рядом.

— Усыпить всех можешь, колдун? — тихо спросил он у шпиона.

Тот помотал головой.

— Тогда удержи дыхание, — с этими словами он сунул руку в штаны. Сморщился, вытащил ладонь — на ней лежала горстка серебристо поблескивающего в лунном свете мелкого порошка. Он дунул на ладонь и облачко пыли накрыло узников. Те, кто не спал, тут же заклевали носами, улеглись поудобнее и провалились в сон. Разбойник вернулся на своё место. Несколькими быстрыми движениями он выкопал ямку в песке, достал оттуда верёвку с закрепленным на конце камнем, раскрутил её и запустил промеж брусьев решётки, накрывающей яму. Подтянулся, ухватился за брусья, они скрипнули, но выдержали. Он ужом проскользнул между брусьями, пролез к краю ямы, свесил оттуда голову и вопросительно посмотрел на шпиона. Тот повторил за разбойником его манипуляции и вскоре они вдвоём оказались на окраине лагеря.

— Так ты умеешь воду колдовать? — спросил разбойник у шпиона.

— Сам всё видел, — коротко ответил тот.

— Значит, пустыню пересечь сможем минуя колодцы и оазисы. Это хорошо. Моё имя Дилмурод.

— Павел, — представился шпион и пополз к выходу из лагеря следом за своим новым другом.

Род Плечеевых, восходящий к Рарогу Объединителю по прямой мужской линии, относится к самой верхушке иерархии аристократических родов Империи. Лишь Император и Его Августейшее Семейство превосходят их благородством происхождения. Как и положено столь родовитому и влиятельному семейству — а богатство Плечеевых не сильно уступало знатности происхождения — они имели множество усадеб и имений по всей Империи. Вторым из них по роскоши был особняк, расположенный в Александровской Слободе. Он уступал родовому гнезду семейства, однако, именно здесь, в непосредственной близости от официальной резиденции Его Величества, постоянно проживал глава семьи — Пётр Павлович Плечеев, доверенный советник Императора и глава Его Величества особой тайной службы, занимавшейся соблюдением интересов короны как в пределах Империи, так и вне оных. Сюда и прибыл с докладом о результатах своей экспедиции к южным рубежам государства его сын — Павел Плечеев.

Сегодня утром он прибыл в Александровскую Слободу, заехал в гостиницу, где немного привёл себя в порядок, и теперь стоял у ворот особняка, держа за уздечку породистого скакуна южных кровей.

— Добро пожаловать домой! — рыжебородый здоровяк граф Домидов на правах друга семьи расположился завтракать прямо в саду особняка, — Мой друг, прошу к столу! С дороги просто необходимо подкрепиться!

Павел на собственном опыте знал, что отказ совместно отобедать нешуточно обидит Домидова, но всё равно ответил:

— Прошу простить, но мне надо к отцу.

Домидов жестом попросил сесть рядом:

— Понимаю, ты задержался в пути. Я наслышан о твоих приключениях. И тем не менее — не стоит торопиться. У него посетитель. Как и всегда, дело невероятно деликатное и совершенно секретное. Я потому и пришёл. Хотел поболтать со старым другом, пока он ожидает приёма у отца.

— Ты просто хочешь быть первым, надеешься разузнать у меня что-нибудь, старый лис.

— И вовсе я не старый, — буркнул Домидов, намазывая икру на тост. Он сунул его в рот целиком, прожевал и оценивающе посмотрел на коня, которого держал под уздцы Дилмурод.

— Красивая скотинка.

— Грешно было пробыть так долго на юге и не прикупить хорошего коня.

— Такие не продаются, не выдумывай.

— Да, я слухавил. Интересная история с конем вышла, расскажу как-нибудь потом.

— Ловлю на слове, — ответил Домидов и сменил тему, — Ведь подумать только, тысячелетиями выводят породу, скрещивают кобыл с жеребцами. Отбирают лучших из лучших, и вот результат. У меня на конезаводе такие мастера работают, лучше нет во всей Империи, ездят по городам и весям, выскивают и скупают лучших из лучших, но до скакунов, подобных твоему, моим лошадёнкам не дотянуться. Даже рядом не стояли.

— Островитяне справились с выведением своей породы чуть больше, чем за полстолетия, — заметил Павел.

— Это потому что они вывезли к себе на остров десяток скакунов с родословной

подлиннее твоей. Но вот что меня действительно удивляет, так это то, почему эти красавцы до сих пор не выродились. Ведь чистокровных коней не так много, и их постоянно скрещивают между собой.

— Действительно интересно — почему?

Домидов хмыкнул, отложил очередной бутерброд, взглянул на Плечеева серьёзно.

— Задание выполнил?

— Разумеется.

— Э — эх, не умеешь ты своим талантом распорядиться как следует. Я бы на твоём месте провёл через Голодные Пески полк, а то и дивизию. Вдарил бы с неожиданной стороны по мятежникам...

— Это не мятежники.

— Что? — удивился Домидов.

— Мятежниками называют тех, кто восстаёт против законной власти, а в зоне столкновения интересов империй власти нет — если не считать местных князьков.

— Власть, не подкреплённая силой, ничего не стоит.

— Я встретил там пару человек, наделённых силой.

— Всё едино — дикари. Надо не мешкая ввести войска, поставить толкового человека генерал — губернатором, дороги построить, хозяйство наладить. Сами потом благодарить будут.

— Возможно и будут.

— Тебе что, жалко этих дикарей, что ли? — нахмурился Домидов.

— Нет, их мне не жалко. Мне наших солдат жалко. Сколько бы погибло, если бы я полк провёл через пески? Пустынные воины драться умеют, уж поверь. Ты хоть на моего дикаря посмотри, которого я с собой привёл.

Домидов не удостоил Дилмурода даже взглядом. Тот стоял столбом возле коня, мирно объедавшего цветочную клумбу.

— Да какая разница, насколько хорошо дерется твоя ручная обезьянка или сколько на очередной войне погибнет простолюдинов. Они всё равно погибнут, так или иначе. Я ведь, ты сам знаешь, люблю бой. Труса не праздную и другим этого не позволяю.

— Знаю, знаю. Я не про жалость ведь говорю. Сам подумай, где люди больше пользы принесут — погибнув на войне, которой можно было избежать, или работая на твоих заводах? Зачем им воевать, если я могу то, чего не могут тысячи простых людей?

— Мысль не новая, — ответил Домидов, вливая в себя бокал вина, — одаренный маг может разбить стены крепости, сровнять с землёй замок или разметать войско, но после того как он разобьёт стену, крепость должны будут брать солдаты. Даже если бы твоя затея удалась — всё равно Империи рано или поздно пришлось бы вводить войска в пустыню. Если мы хотим обезопасить южные границы — туда придётся направлять армию, рано или поздно.

— С чего вы, уважаемый граф, решили, что мой замысел не удался?

— Насколько мне известно, тебя едва не схватили, начавшийся было бунт жестоко подавлен, ты чудом вырвался из плена, я ничего не упустил?

— Интересно, а откуда у тебя сведения, которых ни у кого кроме меня быть не может?

Домидов развёл руками. Павел покачал головой, продолжил:

— Феофан, бунтовщиков эмир так или иначе уберёт. По их обычаям иначе нельзя, а если островитяне — советники начнут его отговаривать, их сочтут мягкотелыми и они

потеряют авторитет. Собранное для набега на подконтрольные нам территории войско перестало существовать.

— И это меня считают первым интриганом Империи, — сокрушенно сказал Домидов.

На крыльце появилась статная женщина весьма преклонных лет — это управительница домашними делами особняка Плечеевых. Она произнесла хорошо поставленным голосом:

— Павел Петрович, прошу пройти в дом. Пётр Павлович ожидает вас.

— Ну всё, очередного просителя выпроводили через заднюю дверь, — пробурчал Домидов.

Павел вошёл в дом и вслед за управительницей поднялся на второй этаж, где располагалась комната, служащая отцу кабинетом, к ней примыкала спальня. Управительница открыла дверь перед Павлом и тут же закрыла её, оставшись снаружи. Павел знал, что теперь никто внутрь не пройдёт, пока отец не распорядится. Старуха, выглядевшая довольно безобидно (хотя в детстве Павел боялся её страшно), на самом деле была сильным магом Воды. Она происходила из рода, с незапамятных времён служившего князьям Плечеевым. Её талант не позволил бы пройти через пустыню или отвести русло реки, что было не таким уж трудным делом для Павла. Её дар был менее обширен и, скажем так, гораздо более конкретен. Её вода не умела давать жизнь, а вот убивать умела хорошо. Коронным трюком старухи было мгновенное осушение человеческого тела. В том же случае когда не требовалось убить жертву, она умела вызывать чудовищную головную боль.

Павел огляделся, ожидая найти отца в кабинете, но того не было ни за столом, где он обычно просматривал документы (сверхсекретные, разумеется, с другими он по роду службы не имел дела), ни в кресле у окна, где он любил сидеть с трубкой, размышляя и разрабатывая сложнейшие интриги. Даже у полок с книгами его не было, так что Павел совсем растерялся.

— Сынок, я здесь, — услышал он слабый голос, доносившийся из приоткрытой двери, ведущей в спальню отца, где он проживал с тех пор как перестал спать в одной постели с матерью. Павел подошёл к двери, толкнул её и спросил:

— Разрешите войти?

— Входи, сынок, входи.

Павел сделал шаг вперёд и увидел отца. Грозный князь Плечеев заметно сдал с тех пор как они виделись в последний раз. Волевое лицо посерело, скулы выступили сильнее обычного, взгляд потускнел, обычно боевито топорщащиеся усы обвисли. Отец полулежал, опираясь спиной на кучу подушек. На коленях у него лежала иностранная газета, на полу возле кровати лежало ещё несколько. Похоже, отец приболел, но несмотря на это не утратил интереса к тому, что обсуждает общественность.

— Я никогда не мог понять твоей тяги к чтению прессы, отец, — Павел сделал ещё шаг вперёд и остановился в ожидании приглашения сесть, — Ты ведь знаешь, что происходит на самом деле, так зачем читать эту...глупость.

— Одичал ты совсем в своей пустыне. Уже не можешь подобрать культурную замену площадной ругани. Хуже всего то, что ты думать начал ругательными словами, а это весьма прискорбно. Газеты же я читаю как для развлечения, так и для понимания, кто что считает приличным, но тебе до этих тонкостей пока дела нет. Впрочем, мне в твоём возрасте тоже до приличий дела не было. Однако ж, про твои успехи и здесь прочитать можно. Островитяне, само собой, всё замалчивают, но их заклятые друзья с континента не преминули вставить шпильку. Да ты садись, не стой столбом.

Павел подошёл к отцу, отдал ему написанный собственноручно краткий доклад и сел в

кресло. Закинул ногу на ногу — в нём говорила юношеская обида на отца. Тот всё понял, улыбнулся и продолжил говорить, поглядывая в доклад:

— Миссия твоя в общем и целом удалась. Запланированное распространение своих интересов на север нашему недругу не удалось. Мы получили передышку, кою постараемся употребить на подготовку к дальнейшему противостоянию. Но есть у меня к тебе претензия.

— Да, отец?

— Больно шумно у тебя всё получилось, лихо. Слишком по — нашему. Я недавно с послом ихним в картишки играл на приёме у Карачевских, так он меня к стенке припёр. Пришлось дочку его свозить к ведьме одной на экскурсию. Домидов, дружок твой, пособил. Два дня как они с деревни вернулись, а я его до сих пор выставить не могу, он все кладовые уже опустошил, повара трудятся не покладая рук. От «Царской охоты» до нашего порога впору железную дорогу прокладывать, курьеры с ног сбились игристое вино сюда таскать ящиками. И куда в него только лезет, ума не приложу! — отец глубоко вздохнул, — Островитяне на ведьм и прочее тёмное чародейство падки последнее время стали. Мода у них, видите ли. Своих-то темных извели под корень, теперь к нам за экзотикой ездят. Хотя какая же это экзотика? Вон эта экзотика, сидит у меня в саду и поглощает провиант в поражающих воображение количествах.

— Отец, — нетерпеливо прервал его словоизлияния Павел, — может, хватит? Ты меня отправляешь на дела, с которыми справится кто угодно.

— Так уж и кто угодно, — буркнул отец.

— Любой из семей второго порядка справится. Я в который раз прошу тебя, поручи мне серьёзное дело.

Отец приложил ладонь к левой стороне груди, деланно ойкнул. Павел поджал губы и с ледяной вежливостью процедил:

— Как ваше здоровье, отец?

— Вот только не превращайся в ледышку. Плохо моё здоровье. Расклеился совсем последнее время, голова на закате раскаляется, хоть на стену лезь. Колени выкручивает, перед глазами всё смутно, читаю уже с трудом. И главное резко так плохо стало. Сидел себе на совете у Его Величества, и тут как вступит, понимаешь. Император заметил, велел домой идти, отдыхать. Я сослался на недостаток сна. Потом пока в карете ехал, меня ещё сильнее скрутило. Вот теперь лежу, страдаю, а мне мой родной сын ледяным тоном обиду чинит.

Отец нахмурился — он всегда так делал перед тем как начать умасливать кого-нибудь, будь то очередной посол или мать, явившаяся требовать увеличения содержания. Но он не успел развернуть фонтан красноречия, его прервал пронзительный звук Горна. Звук этот мог означать только одно — прибыл человек от Императора.

— Уже успели доложить, паршивцы, — тихо проговорил отец, — в собственном доме не могу шпиона вычислить. Да, старею я, старею.

Он принялся спешно собирать разбросанные по кровати газеты, жалобно взглянул на сына, но тот остался сидеть в кресле. Пётр Павлович фыркнул как сердитый кот, откинулся на подушки и прикрыл глаза, приняв преувеличенно больной вид. Раздался звук открывающейся двери, в спальню вошла управительница и продекламировала поставленным голосом:

— Лейб — медик Его Императорского Величества и всего Августейшего Семейства князь Ринат Исуфов!

Павел поднялся на ноги, машинально одернул костюм. Отец сделал вялый жест.

Управительница истолковала его как приглашение войти. В спальню вошёл сухощавый мужчина в очках с аккуратной седой бородкой, в руках он нёс небольшой саквояжем. Управительница вышла, прикрыв за собой дверь. Медик отвесил почтительный поклон отцу, поздоровался за руку с Павлом, подошёл к кровати, неодобрительно покосился на разбросанные по полу газеты. Поставил саквояж на прикроватную тумбочку. Положил отцу руку на лоб. Прикрыл глаза, пошевелил губами и резко отдёрнул руку. Внимательно посмотрел на отца.

— Павел Петрович, как вы себя чувствуете?

— Да скриплю потихоньку, Ринат Вагитович.

Лекарь пожевал губами, ещё раз положил руку на лоб пациента. На лице у него появились красные пятна.

Он пошатнулся и отнял руку ото лба Петра Павловича. Сделал несколько шагов по комнате, внимательно осматриваясь. Павел смотрел на него непонимающе. Медик явно что — то искал. Не обнаружив искомого на полу он вернулся к лежащему на кровати отцу и красноречиво посмотрел на него. Тот принял невинный вид.

— Пётр Павлович, — внушительно сказал медик.

Тот пожал плечами, сунул руку под подушку. Пошарил там, извлёк что — то и протянул медику. Павел присмотрелся — отец передал медику маленький стеклянный пузырёк. Тот понюхал и укоризненно глянул на отца.

— Ну что же вы, Пётр Павлович, право слово.

— Да некогда мне болеть, Ринат Вагитович! — отец сложил руки на груди, словно собрался молиться.

— Вы убиваете себя этим пойлом! Это хотя бы вы понимаете!? Признавайтесь, кто вам его дал?

Отец посмотрел на него так, что сразу же стало понятно — не скажет. Павел подошёл к медику:

— Вы позволите? — он протянул руку к пузырьку. Тот отдал. Павел понюхал и почувствовал, что у него зашевелились волосы на затылке.

— Отец, ты зачем это сделал?

— Оставьте, Павел Петрович, — оборвал его медик, — ваш отец взрослый человек и если ему угодно брать взаймы у самого себя годы жизни, это его личное дело.

Он извлёк из саквояжа цветастый платок, принялся наматывать его вокруг головы.

— Проблема в том, что после употребления настойки тарасунка он должен был не лежать, а бегать. Это означает, что болезнь его гораздо серьёзней, чем можно подумать. Если это вообще болезнь.

Медик накинул халат, выложил на столик лампадку, зажёг её, пробормотал заклинание. Свет тут же померк. Павел опустился в кресло.

Медики, или как их раньше называли — целители, встречались редко, значительно реже, чем телекинетические, температурные или тёмные маги. Многие теоретики относили их к последним, считали целителей последователями полуполюгендарных магов смерти. В самом деле, целители хорошо разбирались в том, как устроена жизнь и что может её прервать. Их искусство было тайной за семью печатями, обучение ему в обычных училищах и лицах не проводилось, секреты передавались строго в семейном кругу. Хотя некоторые поговаривали о скрытых в глуши древних святилищах, едва ли не языческих. Последнее было что было, разумеется, полной чушью. Ну да, чушью. Полной. Кто ж в такое верит в наш

просвещённый век. Так утешал себя Павел, когда по свет за окном померк и по стенам поползли странные тени. Целитель взял курящуюся тошнотворно — сладким дымом лампадку, вытянул её перед собой. Принялся говорить речитативом заклинания на странном, словно кашляющем языке. Павлу словно шлёпнули невидимой ладонью по ушам. Речитатив продолжился, голос целителя изменился и Павел понял, что теперь говорит не он. Похоже, он вызвал какую — то сущность, задал ей вопрос и теперь получает ответ. Павел призвал на помощь всю свою силу воли и гордость потомка древнего рода, чтобы не расстаться с завтраком, а то и остатками ужина, настолько пугающей стала атмосфера в спальне. На отца вообще было жалко смотреть, он похоже, готов был потерять сознание. Павел уже прикидывал, не стоит ли прервать ритуал. Да, последствия будут — прерывание ритуала вызова духов всегда грозит бедами, но если это не прекратить в ближайшее время, точно будет плохо.

Внезапно всё закончилось. Пропало словно сон, который выветривается из головы без следа спустя пару мгновений после пробуждения. Только что в спальне чувствовалось нездешнее присутствие, краски были блёклыми, и в воздухе разливался запах затхлости, и вот уже из окна льётся тёплый солнечный свет, воздух свеж, и дышится легко.

— Удивил ты меня, Ринат Вагитович, — просипел отец.

— Прости, Пётр Павлович, пришлось. Другим способом узнать, что с тобой за неприятность приключилась, никак нельзя было.

— Ну и как, получилось хоть?

— Получилось, но... — медик показал глазами на Павла. Отец кивнул — можно и при нём, мол, говорить.

— Плохие новости, Пётр Павлович. Проклятие на тебе.

— Да понял я уже, — отец скривился, словно ему подали незамороженное шампанское.

— Не одно проклятие. Два. Одно тёмной природы, второе стихийной.

— Ну значит, в два раза больше тебе постараться нужно будет.

Целитель посмотрел на отца как-то странно. Покачал головой.

— Этого мне не вылечить, — сказал он просто, но так, что сразу стало ясно — лейб-медик не шутит.

Отец открыл было рот, но не нашёл что сказать.

— И что же теперь делать? — спросил за него Павел.

— Привести в порядок дела, — коротко ответил целитель. Он положил руку на плечо отцу, пожал руку сыну и молча вышел.

— М-да, — крикнул отец.

Павел смотрел на него и не мог уяснить себе: как же так? Это же отец. Это Пётр Павлович Плечеев, глава тайной службы Империи, серый кардинал двора. Он всемогущ всезнающ и... да он просто непотопляем! Он всегда знает что делать, всегда имеет козырь в рукаве и запасной план. Все при дворе знали: если тебе кажется, что Плечеев проигрывает — тебе просто кажется. Ну не может он просто так взять и умереть от проклятия!

— Сынок, послушай меня.

— Да, папа?

— Сдаётся мне, темнит наш целитель. Ты иди пока, а я думать буду.

Павел встал и на негнущихся ногах вышел из спальни отца.

Павел сумел совладать с эмоциями, пока спускался в сад, и к тому моменту когда он подсел за стол к Домидову, продолжавшему поглощать еду, он был уже спокоен, по крайней мере — внешне. Домидов пробурчал что-то неразборчиво. Он, будучи представителем тёмного рода, в отличие от многих других сородичей, и не пытался выглядеть добропорядочно или безобидно. Напротив, всем своим видом — рыжей бородицей, громогласным голосом, многочисленными шрамами и сверкающими зелёными глазами, он словно кричал: да, я тёмный маг. Я могу проклясть вас, навести морок, запутать и довести до безумия. Мне это ничего не стоит. Да, я потомок тех самых людей, которые правили миром много веков назад, и которых потом жгли на кострах. Вот он я, бойтесь меня, ибо я вас не боюсь.

В Империи к тёмным магам относились много лояльнее, чем в других странах, и здесь

было делом почти обычным то, что за границей было немыслимо: глава тёмного рода был вхож во дворец правителя и пользовался доверием короны. Домидов не мог похвастаться каким — то из ряда вон выходящим могуществом, зато он был несметно богат. Ему и его семье принадлежали огромные заводы и рудники на востоке. Он, в отличие от большинства аристократов, не стеснялся лично вникать в дела и даже руководить ими. А ещё он слыл непревзойдённым интриганом. В пользу того, что слухи о его искусности в придворных интригах правдивы, говорил тот факт, что он ни разу не был замечен в участии в оных. Он не делал ровным счётом ничего, однако же, всё словно само собой неизменно обращалось к его пользе. Домидова при дворе боялись и ненавидели. Перед ним заискивали, его дружбы искали, но очень часто его спину сверлили ненавидящие взгляды тех, кто доброжелательно улыбался в лицо бородатому чернокнижнику. И вот сейчас он здесь, в саду особняка Плечеевых. Он оказался здесь именно тогда, когда Плечеев вернулся к отцу с докладом. Ведь Павел тщательно, по всем правилам конспиративной науки замёл следы, и думал, что о его возвращении никто не узнает раньше чем он посетит отца. А Домидов сидит себе, ест и с виду ничуть не удивлён приездом младшего товарища. И сейчас внимательно так поглядывает на Павла, явно ожидая услышать новость.

Так, ни в коем случае нельзя поддаваться эмоциям. Да, там наверху лежит умирающий отец, и даже лейб-медик Его Императорского Величества не знает как его спасти. Вспоминаем, как отец учил успокаиваться. Глубокий вдох, задержка дыхания, выдох

Неожиданно Домидов отложил очередное пирожное, вытер губы салфеткой и предложил:

— Поехали в «Царскую Охоту», нормально позавтракаем? А то, как говаривал один из моих мужиков, я этими закусками уже наесться начал.

— Не очень хочется, — протянул Павел, — только приехал и сразу вот так, в водоворот светской жизни с головой прыгать... Мне бы отдохнуть с дороги, помыться.

— Ты вчера целый день себя в порядок приводил в гостинице. Сказать в какой? Могу номер назвать и то, какого цвета полотенца были в твоей ванной комнате

— Не сомневаюсь в твоей осведомлённости.

— И правильно делаешь, что не сомневаешься. Поехали.

Он встал. Павел не спешил последовать его примеру.

— Поехали, говорю, а не то я тебя шантажировать буду.

— Есть чем? — осведомился Павел ледяным тоном. Домидов начал его злить.

— Ну конечно же есть. Мне всегда казалось интересным, что ты на поле боя ведёшь себя тихо, незаметно и всегда хладнокровно следуешь плану, тогда как я — рвусь в бой. Теряю голову и... ну ты сам знаешь, как это бывает. А вот в мирной жизни всё наоборот. Ты берсерк, а я — хитрый и изворотливый пройдоха. Так что, берсерк, шантажировать тебя мне есть чем, уж поверь.

Павел пожал плечами, встал и покорно последовал за Домидовым в его карету.

Они уселись, кучер гикнул и лошади помчали их на окраину Александровской Слободы, где находился самый дорогой и фешенебельный ресторан империи — «Царская охота». За окном проплывали увитые зеленью вычурные ограды особняков высшей аристократии Империи. Небо голубело, пели птицы, и казалось, мир полон благости и покоя. Павел немного расслабился.

— Как здоровье Петра Павловича? — спросил Домидов настолько безразличным тоном, что Павел тут же понял — он всё знает, и, как обычно, плетёт свою невидимую сеть. Что бы

Павел сейчас ему не ответил, какой бы шаг не предпринял, в каком бы направлении не повёл беседу — он попадёт в ловушку. Если уж Феофан начал игру, значит проиграть он не может. Так что лучше не отвечать, или... Павел почувствовал, как в кулаке сам собой возник и начал сгущаться водяной шар. Если его сконцентрировать до нужной плотности и выпустить наружу тонкой струёй — он пробьёт что угодно. Лист металла, бревенчатую или даже каменную стену, и уж точно пробьёт Домидова насквозь. Ну а что? В конце концов, кто ему что сделает? Ну вышлют на время в родовое имение или в крайнем случае в крепость где-нибудь на отшибе, если родные Феофана мстить начнут. Хотя это вряд ли. Как только разойдётся весть о его смерти, наследники передерутся за право первородства и им будет не до Павла Плечеева. Да и к тому же, после смерти отца...

— После смерти отца ты станешь главой дома, — сказал Домидов негромко, глядя прямо в глаза Павлу. Тот вздрогнул. Домидов что, мысли читать умеет? Это многое объясняет...

— Нет, Паша, я не умею читать мысли. Просто ты прозрачен аки родниковая вода — уж поверь. Не зря тебя отец не торопится до серьёзных дел допускать. Всё надеется выпестовать из тебя достойного приемника. Однако, случилось то что случилось — и тебе вскоре предстоит занять его место. Стать главой влиятельнейшего клана, а скорее всего и унаследовать пост главы тайной службы.

Павел усилием воли развоплотил водный шар и взглянул на Домидова.

— Как ты понимаешь, перед тобой имеется одно небольшое препятствие. Холостяк стать главой клана не может — таков императорский закон. Он ни разу не был нарушен — что, сам понимаешь, большая редкость.

Павел продолжал молчать.

Карета неожиданно остановилась.

— Давай-ка выйдем, прогуляемся, — предложил Домидов и, не дожидаясь ответа Павла, с присущей ему тяжеловесной грацией вылез из кареты.

Они стояли на участке дороги, который был со всех сторон закрыт рядами деревьев, и не просматривался ни с одной точки. По всему видать, Домидов заранее присмотрел это место. Павел снова призвал водяной шар и принялся накачивать его для удара.

— Я вокруг да около ходить не буду, скажу прямо. Обстановка у подножья трона нынче беспокойная. Некоторым вдруг стало не по нраву, что подобные мне свободно по землям Империи разгуливают. Хотят, понимаешь, как там, за кордоном, сделать.

— А ты что?

— А что я? Я, само собой, против. Думается мне, как раньше было, так пускай и впредь остается. Оно так бы и было, только вот теперь самый могучий род Империи может изменить позицию. Так что, самый мощный водяной маг, который вскорости встанет во главе рода, должен принять решение, с кем он: с теми, кто сделал Империю такой, какова она сейчас или с теми, кто хочет продать её с потрохами.

— Самый сильный маг Империи удивляется и не понимает, чего от него хотят.

— Это всё потому что он юный дурак. Твой отец при смерти, Паша. Вскоре ты станешь главой клана, поднимешься на первую ступень трона, но для начала тебе надо жениться, и от твоего выбора очень многое будет зависеть. Так что, не мудрствуя лукаво, представлю-ка я тебе госпожу Воронову, Велемиру Карговну. Смотри.

С этими словами Домидов свёл ладони перед собой на уровне груди, но не коснулся ими друг друга. Между ладонями появилось облачно тьмы. Он начал разводить ладони. Облачко

между ними росло.

— Смотри, говорю, — сказал он, и Павел помимо своей воли уставился на облачко. Через мгновение оно выросло до размеров мира и его окутала тьма. Спустя ещё мгновение тьма рассеялась, и Павел оказался в лесу. Не парковом лесу, обихоженном и безопасном, какие окружали Александровскую Слободу или его родовое имение, а старом, страшном и дремучем лесу. Деревья, не знавшие топора, стволы которых не смогли бы обхватить и трое мужчин. Мох, устилающий землю упругим ковром, разлапистый папоротник. Пряный запах прошлогодней листвы и тишина. Ни звука, ни чириканья птиц, ни шороха лап мелких зверьков по листве — ничего.

— Здравствуй, — услышал он голос и обернулся. Прямо за его спиной стояла бледнокожая девушка с тёмными волосами и большими зелёными глазами. Павлу показалось странным, что она при всё этом вовсе не выглядела роковой женщиной. Совсем девчонка ещё. Хрупкая. Румянец на щеках. Словно смущается.

Павел слегка поклонился.

— Здравствуйте, сударыня.

Она обошла его по кругу. Он чувствовал себя словно конь, выставленный на продажу на лошадиной ярмарке.

Девушка цокнула языком.

— Знаешь, кто я? — спросила она.

— Не имел чести быть вам представленным, — церемонно ответил Павел.

Она покачала головой.

— Совсем корни забыли, но это поправимо, — она приблизилась к нему, заглянула в глаза. Постояла мгновение и толкнула в грудь обеими ладонями. Павел сделал шаг назад и мир разделился, спереди него был тёмный лес и зеленоглазая девушка, а вокруг — поляна с каретой и Домидовым. Два мира словно разделяла чёткая грань.

Внезапно от кареты к нему скользнула человеческая фигура — он заметил её боковым зрением. Рефлекторно выставил руку, но фигура поднырнула под неё и встала спереди. Это верный Дилмурод, оказавшийся не в силах понять что происходит, решил прикрыть своего господина от неведомой опасности, понял Павел. Девушка расхохоталась — словно серебряный колокольчик зазвенел, хлопнула в ладоши и морок обратился в дым, который втянулся в одну точку и исчез.

Дилмурод с саблей наголо непонимающе крутил головой.

— Ты-то откуда взялся, дикарь? — спросил Домидов.

— Он всегда следует за мной, — ответил за него Павел.

— Ну вы даёте, — усмехнулся Домидов, — ты познакомиться-то успел?

— Кто она?

— Она, друг мой, древностью рода тебя за пояс заткнёт. Из самых изначальных тёмных. Могуществом она с кем угодно из живущих может поспорить. Ну и красива, как сам ты мог убедиться.

— И ты прочишь мне её в жёны?

— Да. За ней пойдут все тёмные роды Империи.

— Я думал, твоя семья у ваших главная.

— Ну, могу тебе свою одну из своих сестриц сосватать. Любую выбирай. Хорошее приданное дам.

Павел с трудом удержался от того чтобы не вздрогнуть. Сёстры Феофана от него самого

отличались разве отсутствием бороды.

— Не переживай так, пошутил я, — хлопнул его по плечу рыжий, — но о моём предложении подумай. Не торопись, но и не задерживай особо. Пока ты на юге приключениями душеньку тешил, тут обстановка немного изменилась.

— Что случилось-то?

— Сам всё поймёшь, — уклонился от прямого ответа Домидов, — а пока поехали перекусим. У меня от волшбы, как всегда, аппетит разыгрался.

Они собрались было ехать назад, но оказалось что Дилмурод пребывает в каком-то оцепенении. Его не без труда удалось отвлечь от созерцания места, где только что стоял морок Вороновой и усадить на козлы. Уехать не удалось, на поляну прискакал запыхавшийся гонец на роскошном коне, вручил Домидову пакет. Тот прочитал, помрачнел и объявил, что ему надо срочно ехать. Он забрал у гонца поводья лошади, взгромоздился в седло и ускакал, напоследок выкрикнув:

— В качестве извинения за внезапный отъезд приглашаю вас вечером ко мне. Приходи, будет весьма интересное общество.

Павел поклонился в знак согласия. Гонец почесал в затылке и ушёл пешком, вполголоса матерясь, а Павел решил, что перекусить это действительно неплохая затея и велел кучеру править в «Охоту».

Очень давно, в ходе известных событий тогдашний Император перенёс свою резиденцию из шумной многолюдной столицы в тихую Александровскую Слободу. В то время Слобода была одним из многочисленных имений правящей династии, принадлежавшей им ещё до утверждения на троне Империи. Слобода располагалась в относительной близости к столице, но в стороне от больших дорог и рек. В центральных землях Империи всегда было плохо с землёй, пригодной для земледелия, и потому обрабатывался любой клочок, даже расположенный посреди глухих лесов и болот. Однако, в какой бы глуши не располагалась Слобода, она была местом пребывания правителя огромной страны и туда вслед за ним потянулись высшие аристократические семейства, начавшие обустраиваться на новом месте. Император проявил деловую хватку, сдавая принадлежащую ему землю, но никогда не продавая её. Так он обеспечил себе немалый доход, немалую часть которого тратилась на благоустройство Слободы. Захудалое небогатое имение со временем превратилось в процветающий город, состоящий из роскошных усадеб богатейших и знатнейших фамилий. Дабы не портить прекрасный вид города, людям простого звания воспрещалось в нём жить — за исключением обслуги, проживающей при особняках.

Центром притяжения Александровской Слободы, без сомнения, являлся дворец Императора, выстроенный на искусственном холме, но со временем появился и второй центр. Не такой формальный и великосветский, но оказывающий не меньшее влияние на дела Империи. Ресторан «Царская Охота». Любой вернувшийся из путешествия аристократ должен был появиться в «Охоте» — таков своеобразный ритуал. Таким образом аристократ, вернувшийся из странствия официально заявлял о своём возвращении в высший свет. Ровно так же обязательным было появление в «Охоте» хотя бы раз в месяц для членов постоянно проживающих в Слободе фамилий. Ну а приезжающие сюда провинциалы появиться в ресторане почитали делом чести, пускай оплата счёта и вставала им в полугодовой доход от их родового имения. Цены в ресторации кусались и были велики даже по меркам богатой сверх всякой меры Слободы, но Павел Плечеев имел весьма смутное представление о

покупательной способности денег — так воспитывали всех людей его положения.

Он соскочил с подножки кареты и не замедляя шага вошёл в ресторан. Швейцар услужливо распахнул перед ним дверь. Слуга, одетый в богато украшенный костюм, достойный принца крови, вежливо склонившись указал ему на столик, тихо молвив:

— С возвращением, Павел Петрович. Вас ожидают.

Павел посмотрел в направлении, указанном слугой, и споткнулся об ослепительную улыбку матери, сидевшей за столиком в компании двух юных девушек.

Павел подошёл к ним.

— Разрешите присоединиться к вам, сударыни?

— Конечно садись, Паша, — низким, чуть хрипловатым голосом сказала мать, — добро пожаловать домой.

Её густые, темно — каштановые волосы, как обычно, были уложены в сложную причёску. Сторонний наблюдатель, не знакомый с ними обоими, запросто мог бы принять её за старшую сестру Павла. Она тщательно следила за своей внешностью. Слева от неё сидела, улыбаясь одними губами, болезненно бледная девушка с платиново белыми волосами. Она не была красавицей в классическом понимании этого слова: вокруг глаз её темнели круги, губы слишком тонкие. Глаза блеклого, водянистого серого цвета, но тем не менее, в ней чувствовалась порода. Десятки поколений благородных предков и воспитание, а главное — внушённая с самого раннего детства мысль о собственном превосходстве. Вторая девушка выглядела намного проще и симпатичнее: слегка выющиеся светлые волосы, широко распахнутые синие глаза, румянец на щеках. словно деревенская девчонка, которую умыли, причесали и нарядили в богатое платье, и вот она сидит за накрытым дорогими блюдами столом, держит в руках бокал, но при этом с трудом сдерживается, чтобы не прыснуть со смеху от натужной серьёзности своих соседок по столу.

— Княжна Валицына, княжна Друбецкая, — представила мать обеих.

— Наталья, — прибавила румяная.

— Александра, — полушепотом, словно бы нехотя, сказала беловолосая.

Павел уселся напротив матери. Слуга принес бокал воды и блюдо с легкими закусками, уведомил, что столь любимый князем бульон с гренками и рубленой зеленью будет готов через пять минут, и замер в ожидании дальнейших распоряжений. Князь кивком отпустил его, вопросительно уставился на мать.

— Как отец? — проворковала она.

— Думаю, ты знаешь.

Княгиня мелодично рассмеялась.

— Твоя подозрительность так очаровательна. Твой отец, наверное, в начале карьеры был таким же — видел повсюду заговоры.

— Мы в Александровской Слободе. Здесь интригуют все.

Мать снова рассмеялась, однако глаза у неё были холодны как зимнее утро.

— Ты прав, все интригуют и повсюду заговоры, но что с того? Разве все заговоры непременно нужно раскрыть, а заговорщиков осудить?

Павел молчал, выжидающе смотря на мать. Княжны молчали.

— Дурачок. Некоторые заговоры направлены к твоей вящей пользе, но коли хочешь искать и разоблачать — ищи и разоблачай. Юноше это полезно, если ты, конечно, хочешь и дальше оставаться юношей. Сыном Плечеева.

— Я и есть сын Плечеева.

— А не хочешь сам стать Плечеевым? Впрочем, выбора у тебя практически нет. Мой муж, как ты наверняка уже знаешь, скоро вынужден будет оставить дела. Так что или ты становишься главой семьи, или ей стану я.

Мать мило улыбнулась.

— Женщина не может быть главой семьи, — возразил Павел.

— Разумеется, не может. Я побуду немного вдовой, поношу траур положенное время. Чёрный цвет мне идёт. Ну а как приличествующий особе моего положения срок скорби по упокоившемуся муженьку пройдёт, я женю на себе какого-нибудь юнца, который будет

гулять по кабакам, валять в постели молодых смазливых дур, а я тем временем приберу к рукам все дела Плечеевых. Всё их наследие. Конечно, мне надо будет родить наследника, но с этим можно и подождать. К тому же наследник будет долго расти, потом учиться в лицее...

Она сделала глоток вина, подмигнула сыну:

— Ты ведь не хочешь этого, правда? Можешь не отвечать, я знаю, что не хочешь. Так что придётся тебе стать главой семьи. Остаётся решить одну маленькую проблемку: ты, сын мой, досадно не женат. Надлежит это исправить, да побыстрее. Вот тебе две кандидатки: красивы, молоды, родовиты сверх всякой меры. Забирай обеих. Они согласны.

Девушки сидели, неподвижные словно манекены.

— Хотя я и долго пробыл на юге, среди дикарей, но не приобрел их привычек. Многожёнство по — прежнему мне не по вкусу.

— А кто говорит про многожёнство!? — вскричала мать, — я не предлагаю тебе брать в жёны обеих девочек, да это и невозможно по законам Империи. Женись на одной, вторую бери в любовницы. В конце концов, высокородному главе семейства не иметь любовницы попросту неприлично. Люди не поймут. К тому же, ты всё равно её заведёшь рано или поздно, и выберешь, как это мужчины делают обычно, совершенно неподходящую для той роли девицу. Доверься матери, я подобрала исключительных кандидаток!

Беловолосая княжна Друбецкая продолжила невозмутимо кушать паштет, а Валицына смущённо потупилась и вроде даже покраснела. Наверняка курсы актерского мастерства брала у режиссера императорского театра.

— Если мне не изменяет память, ваш род восходит к Витеню Великому? — спросил у неё Павел.

— Да, именно так. Я потомок Великого по прямой мужской линии.

Друбецкая поджала губы:

— Наследование по мужской линии — фикция. Кто следил за женами князей, пока те разъезжали по войнам, и кто может поручиться, что отцом наследника был именно князь, а не ушлый конюх? — она дёрнула точеным плечиком, — мой род восходит к Витеню по женской линии, а это родство неоспоримо!

— Успокойтесь, девочки, — сказала мать, — дайте мальчику подумать. В выборе невесты мужчины склонны руководствоваться скорее содержимым корсажа, нежели родословной.

Княжны одновременно фыркнули, как обиженные девчонки, и принялись есть, демонстративно не обращая на Павла ровным счётом никакого внимания. Он же принялся думать, притом, вопреки высказанному матерью мнению, вовсе не о грудях княжон. Хотя мельком взглянул — таки, не смог удержаться. Якобы не обращающие на него внимания девушки тут же расправили плечи.

Очевидно, что пока он был на юге, при дворе разгорелась очередная битва между двумя самыми знатными ветвями аристократии Империи: потомками Рарога Объединителя и Витеня Великого. Если верить словам одного его знакомого, встреченного по пути домой, на этот раз противостояние носит характер идеологический. Витеничи исторически доминировали в западных частях Империи, и склонны были ориентироваться на западные страны, а центральные земли и восток страны рассматривали как глухое захолустье. Рароговичи же, чьи родовые земли располагались в основном в центре, и темные семьи, властвовавшие на востоке, к заграничным аристократам относились в лучшем случае с

прохладцей. Тёмные практически не покидали пределов Империи, разве что инкогнито, поскольку в других странах им грозила смертная казнь. Конечно, уже не те времена, и на кострах их жечь не станут...скорее всего. В общем, похоже, двор раскололся на две части, примерно равные по силе, и сейчас оба лагеря жаждут привлечь на свою сторону вернувшегося после долгого отсутствия Павла.

— Князь, вы взвешиваете варианты? — спросила Друбецкая.

— Признаюсь, я в замешательстве. Не могу решиться обидеть отказом кого-либо из вас.

— А вы не торопитесь, подумайте хорошенько. Сегодня вечером мы даём бал.

Приходите и вы. Ваш таинственный спутник тоже может прийти.

— Спутник? — растерялся Павел. Он оглянулся вслед за взглядом княжны и увидел Дилмурода, стоявшего за его спиной подобно статуе, — действительно, спутник. Я подумаю над вашим предложением, мама.

Он встал, поклонился и направился к выходу.

На улице когда Дилмурад нацелился было вновь забраться на козлы, Павел пригласил его сесть внутрь.

— Мне надо посоветоваться с кем-нибудь, кто не варился долгое время в котле интриг этого города, — сказал он Дилмуроду. Тот понимающе кивнул.

— Итак, друг мой, моего отца отравили. Причём дважды, разными ядами — магическими ядами. А значит это сделал кто — то из моих знакомых. Мои знакомые разделились на два враждующих лагеря и требуют от меня сделать выбор. Что мне следует предпринять, по-твоему?

Дилмурад не медлил ни секунды:

— Если ты колеблешься в выборе на чью сторону встать, значит тебе не хватает сведений. Значит — нужно провести разведку. Надо понять, на чьей стороне правда и встать на праведную сторону.

— Как всё у тебя просто. Хотя ты прав, надо провести разведку, — Павел откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза и принялся проговаривать вслух, споря с самим собой — именно так он поступал всегда. И, как показала практика, Дилмурад не станет его перебивать. Он вообще идеальный слушатель. Павлу повезло встретить его. Да, он непременно выпутался бы с той передраги самостоятельно, но идти через пустыню в одиночку во второй раз ему не хотелось. Конечно, он мог бы и во второй раз в одиночку пересечь безводную местность, обходя оазисы и колодцы стороной, чтобы остаться незамеченным, но в компании это проходило намного легче. А то что Дилмурад после этого считает себя обязанным Павлу — приятный бонус. Островитяне с недавних пор ввели моду на экзотичных слуг, привезённых из заморских колоний, и Павел хоть и ненамеренно, но стал первым, кто привёз эту моду в Империю.

— Значит, что мы имеем: отец проклят одновременно тёмным и стихийным проклятиями. По странному совпадению, одновременно с этим при дворе сошлись в клинче две партии, одна из которых включает тёмные семьи, а вторая ставит на союз с теми, кто темных не так давно жёг на кострах. Похоже, отец, как обычно, встал над схваткой, ведь его присоединение к любой из сторон означает победу. Он ведь не только глава влиятельнейшего семейства Империи, но и руководитель тайной службы Его Величества, а к тому же этого самого Величества старый друг и постоянный собутыльник, если слухи не врут. А они не врут, я-то уж точно знаю. Получается, обеим сторонам конфликта одновременно пришло в голову что отца следует убрать с игрового поля, а его наследника, то

есть меня, прибрать к рукам посредством женитьбы на представительнице своего лагеря. Матушка, кстати, оказалась щедрее. Предложила не одну, а сразу двух девиц. Ну и что же мне в такой ситуации следует сделать?

— Вам следует спасти жизнь отцу, молодой господин, — неожиданно произнес Дилмурод.

Павел уставился на него как на внезапно заговоривший предмет интерьера.

— Спасти отца? Даже лейб-медик не знает действенного способа. Или не хочет исцелять отца по каким — либо соображениям. Без разницы — результат будет один. Отец умрёт.

— Может быть, он не хочет вмешиваться, поскольку сам принадлежит к одному из лагерей?

— Он...Если это так, то получается что Император либо не возражает против смерти отца, либо не видит способа его спасти.

— И что это меняет?

Павел подумал и ответил:

— Ничего. Значит, ищем способ спасти отца. Тогда не придётся жениться ни на ведьме Домидова, ни на двух великосветских гадюках матери.

— А если не получится, кого выберете, молодой господин?

— Воронову, — не задумываясь ответил Павел, — с одной женой я ещё как-нибудь проживу. А вот две — это перебор.

Лицо Дилмурода, как всегда, осталось бесстрастным.

— В общем, я воспользуюсь приглашением Домидова, а ты поедешь на приём к сливкам общества. Благо тебя они пригласили, пускай и в шутку. Разузнаешь об их планах. Постарайся узнать кто и как проклял отца. Может быть найдём способ спасти его. Разрушим хотя бы одно проклятие — уже легче будет.

— Хорошо, молодой господин.

Павел не поехал к отцу, а направился в свой особняк, подаренный ему отцом на совершеннолетие. Павел, в отличие от большинства потомков аристократических семей, не воспитывался в лицее, находясь на домашнем обучении. Отец приглашал к нему лучших учителей, и сам принимал живейшее участие в воспитании сына. С малых лет юный князь присутствовал в рабочем кабинете отца во время самых ответственных переговоров. Конечно, присутствовал негласно, прячась в потайной комнате и наблюдая за происходящим через зеркало, прозрачное с одной стороны. После работы отец разбирал с ним каждый отдельный случай, объяснял, почему он поступил именно так, а не иначе. Интересовался его мнением, спрашивал, как бы поступил на его месте Павел и разбирал с ним возможные варианты развития событий. Отец называл эти занятия «прикладной историей».

Юному князю Плечееву с детства были знакомы как придворные, так и международные интриги, он чувствовал себя в них как рыба в воде, но когда достиг совершеннолетия, отец не допустил его до практической работы. Немалых усилий стоило убедить отца отпустить его хотя бы в малозначительные миссии, подобные недавней авантуре в пустыне.

Помимо политики, отец преподавал ему и экономику, так же делая упор на практическую составляющую. Подарив сыну особняк и поместье он велел самостоятельно вести хозяйство. Нет большой разницы между управлением усадьбой, имением или государством, говаривал он, и добавлял веско: политика неразрывно связана с экономикой и это следует не только помнить, это следует прочувствовать на своей шкуре. С тех пор каждое

возвращение из путешествия для Павла проходило болезненно, поскольку к подаренному особняку прилагался Кузьма — экономайстер, управляющий и тиран, постоянно достающий Павла мелочными по мнению последнего заботами. Хуже того, Кузьма, несмотря на полное отсутствие врожденных магических способностей, неведомым образом ухитрялся в точности узнавать где сейчас находится его господин и заваливать его письмами с подробнейшими отчетами о состоянии дел в хозяйстве и настоятельными просьбами, порой переходящими в ультиматумы. Он требовал распоряжений хозяина и не желал слушать о предоставлении себе полномочий на доверительное управление хозяйством. Спорить с ним было решительно невозможно, и со временем Павел смирился. Но вот сейчас он с трудом сдерживал желание втянуть голову в плечи. За ним закрылись кованые ажурные ворота особняка. Кузьма стоял на крыльце, как и всегда смотря на него из — под кустистых бровей тяжелым взглядом и спрятав руки за спину.

Он молча отвесил хозяину поклон. Посторонился, освобождая проход. Дождался, пока господин переоденется, после чего вежливо постучался в дверь комнаты, служащей Павлу спальней и кабинетом.

Кузьма выложил на стол листок бумаги, испещренный колонками цифр и принялся за отчет, который Павел как обычно пропустил мимо ушей:

— ... ввиду того что доходность имений упала на полпроцента. Расходная же часть увеличилась на такую же величину.

Скорбное более обычного выражение физиономии Кузьмы свидетельствовало о том, что дела у Павла идут из рук вон плохо.

Князь вздохнул, оперся на стол и спросил:

— Вот меня ты чего хочешь, Кузьма?

— Поговорите с главой семьи Вихревых, чьи владения примыкают к вашим с северо-востока. По мнению старосты селения, лесные пожары провоцируют именно они. Точнее сказать — их юная дочь, приехавшая на лето к родителям из Верхне — Пышминского лицея.

Павел нахмурился, вспоминая, где ж такой лицей расположен.

— Хорошо, я что-нибудь придумаю, — ответил он, — Это всё? Я хочу вздремнуть, мне предстоит бессонная ночь.

— Мой свояк... Он служит в коллегии четвертый год. Служит исправно.

— Не понимаю, мне-то что с того?

— Не могли бы вы ходатайствовать о награждении его орденом Илии Ищущего третьей степени? Я, как полный кавалер данного ордена написал соответствующее отношение, но ходатайство потомственного аристократа окажет своё действие.

Павла осенило:

— Так вот как ты меня всегда находишь! А я-то недоумевал...

Кузьма поклонился:

— Батюшка ваш способствовал награждению меня орденом. Скорее всего — из практических соображений.

Павел сел в кресло, закинул ногу на ногу и уставился на Кузьму.

— А сколько же всего в Империи полных кавалеров сего полезного ордена?

— Двое, насколько мне известно.

— Кто второй?

— Некто Пожацкий.

— Дворянин?

— Из мелких.

— Какого свойства? Огненный, водяной, воздушный? Может быть, ледовый?

— Нет, хозяин. Из темных. Граф Домидов лично перед Императором ходатайствовал о награждении.

Павел жестом отпустил Кузьму. Получается, вот как Домидов узнал о его возвращении. Следил за ним через своего протеже. Всё подтверждает его догадку: отца прокляли Домидов и мать, им одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Мать давно была врагом отца, она поддерживала партию Витеничей ещё до замужества.

Князь позвал слугу и затребовал к себе Дилмурода, для охраны своего сна.

Снилось ему, что стоит он на тоненькой досточке, перекинутой через пропасть. Позади него стоял палач в красном колпаке с занесённым над плахой топором, впереди — воин с мечом в руке, готовый пронзить сердце князя, как только он приблизится. Павел думал, с кем лучше схватиться, как вдруг доска исчезла и он полетел в пропасть.

Князь проснулся в холодном поту, пришлось идти в ванную, приводить себя в порядок. Дилмурод, хоть и заверял что не сомкнул глаз ни на минуту, выглядел свежим и отдохнувшим. Расторопный Кузьма успел соорудить для него парадный костюм в восточном стиле. По крайней мере, так он понимал восточный стиль — несколько карикатурно, надо признать. Дилмурод на секунду скривился, но без нареканий влез в шаровары и обмотал вокруг талии широкий парчовый пояс с подвешенной к нему бутафорской кривой саблей. Князь поколебавшись, отдал ему привезенного с юга скакуна, а сам поехал на приём к Домидову в вычурной парадной карете.

Особняк Домидова, в котором сегодняшней ночью давала бал партия тёмных семейств, выглядел своеобразно: фасад, изначально выстроенный в классическом стиле, был закрыт сколоченным из брёвен огромным щитом, изображавшим древний деревянный терем, в каких жили бояре древности. Разодетые в маскарадные костюмы гости с трудом выбирались из экипажей и вереницей шли к входу в особняк, путаясь в длиннополых кафтанах, стилизованных под старину. Князь, которого никто не удосужился предупредить о том, что бал будет костюмированный, чувствовал себя неловко в мундире. Однако ж, виду он не подавал, шагая уверенно и высоко держа голову, как и подобает высокородному князю, прибывшему на переговоры с неприятелем. А в том что это неприятель, князь не сомневался. В конце концов, Домидов, несмотря на давнее знакомство, вероломно проклял отца, жаловавшего его своей дружбой.

Войдя внутрь особняка князь обнаружил у входа сваленные в кучу кафтаны, гости скидывали их сразу как только входили в помещение. Женщины были одеты на грани приличий даже по вольным меркам аристократической элиты Империи. Мужчины, которым позволяло телосложение, красовались голым торсом, те же, которые были лишён телесных достоинств, были одеты в белые рубахи свободного покроя. В центре огромного зала к своему удивлению князь увидел огромный костёр, от которого подымались клубы дыма, высокий потолок из-за этого не было видно. Слугам завтра предстоит немало работы — копать от лепнины на потолке отскребать, подумал князь и скинул мундир, оставшись в сорочке и форменных штанах.

— Прощу за мной, ваше сиятельство — склонился перед ним неведомо откуда взявшийся слуга с длинными волосами, перехваченными надо лбом тесемкой, — вас ожидают.

Он провел князя на балкон, нависающий над залом. Там его ожидал незнакомый мужчина средних лет, чем — то неуловимо напоминающий Воронову. Те же темные волосы, мягкие черты лица, разве только глаза другого цвета — карие. Князь остановился у входа на балкон. Согласно дворцовому этикету его с незнакомцем должен был представить кто-то третий, к тому же Павел ожидал, что его встретит Домидов. Вот же неловкая ситуация, подумал князь.

— Позвольте представиться, — прервал затянувшееся молчание черноволосый мужчина, — Тавичев Стислав.

Странное представление, отчества не назвал, фамилию поставил впереди имени, к тому же весьма странного имени. Да и титул забыл упомянуть.

Темноволосый мужчина очевидно забавлялся недоумением князя.

— Прошу вас, отбросьте вы эти светские условности. Здесь не великокняжеский или императорский бал. Всего лишь собрание единомышленников.

— Единомышленников? — поинтересовался князь. Представляться он не стал. Во-первых, потому что гость очевидно и так знал с кем имеет дело, а во-вторых, он сам предложил отбросить условности.

— Именно так, здесь скорее клуб по интересам, чем светское мероприятие.

— И какие же, позвольте спросить, интересы вас объединяют?

— История, — уклончиво ответил Стислав, — наш общий друг задерживается и он просил меня пока представить вам присутствующих. Отсюда, с балкона это делать удобно. Присаживайтесь. Вот лорнет. Считайте, что мы в новом для вас частном театре, а я — радушный хозяин и представляю вам моих актеров. Это не так уж далеко от истины.

Князь сел в кресло и приложил лорнет к глазам.

— А либретто мне не полагается? Иначе, боюсь, мне не разобраться в содержании разворачивающегося спектакля.

— Князь, — усмехнулся Стислав, — где же вы видели, чтобы главный герой пьесы носил с собой либретто?

— Так хоть роль дайте почитать, — князь решил придерживаться того же полуплутивого тона, что и собеседник.

Тот вновь усмехнулся и уважительно склонил голову, и ответил:

— Я оценил по достоинству ваше красноречие, князь, так позвольте же мне перейти от увертюры к вступлению. Итак, начнём от дальнего угла зала. Видите гладко выбритого мужчину с длинными белыми волосами в сопровождении двух дам? Та что помоложе — его дочь, которая...

— Если вы мне сейчас предложите её в жёны, клянусь, я встану и уйду.

Темноволосый расхохотался:

— Что вы, князь, она бы, конечно не прочь, да и её отец с радостью вам в нагрузку свою жену отдаст. Но вам они не ровня. Да и практического смысла в таком браке мало. Это Ромотановы. Древний, славный род, но Империя не признаёт его княжеским. Однако ж, в своих землях они пользуются немалым уважением, магический талант традиционно сильный, сохранили своеобразную, лишь им присущую школу магии.

— Тёмные? — безразличным тоном поинтересовался князь.

— Разумеется. Большинство здесь присутствующих относятся к тёмным родам. Однако, есть и несколько исконно имперских. К примеру, вот эта пара, — Стислав указал лорнетом на мужчину и женщину, похожих словно брат с сестрой.

— Это супруги Поляничы. Их род известен с времён прихода на земли будущей Империи Рарога Объединителя.

— Я знаком с ними, — князь помедлил немного и решил пустить пробный шар. Спросил небрежным тоном, словно вскользь:

— Они разве тоже участвуют в заговоре? Вот уж не подумал бы. Их положению можно позавидовать. Император из уважения к древности титула не обременяет Степана Ивановича службой, живут себе в своё удовольствие.

Темноволосый бросил острый взгляд на князя и ответил:

— Разумеется, их всё устраивает. Потому они и здесь.

Он поднёс лорнет к глазам и продолжил представлять князю собравшихся в зале аристократов. Большую часть из них Павел знал. Тёмные роды в большом количестве

селились в Александровской Слободе, и принимали активное участие в жизни Империи. Так же в зале присутствовали стихийные роды, причём все как на подбор водные и воздушные. Или, как сказал бы профессор из императорского Лицея — «телекинетические». Традиционно стихийная магия делилась на Водную, Воздушную, Огненную и Ледяную. Исторически первые две школы доминировали на территории, ныне являющейся центральными землями Империи, её ядром, из которого она зародилась. Огневики же и ледяные маги в основном происходили с западных земель, присоединенных к Империи очень давно, но всё же продолжавшими держаться наособицу. Разумеется, это деление не было абсолютным, благородные семейства на службе Императора частенько перебирались с места на место, и сейчас немудрено было встретить огневика в лесном захолустье центральных, а то и восточных губерний.

Развитие магической теории позволило установить парное сродство магических стилей. Учёные маги заявляли, что управление Водой и Воздухом суть одно и то же, и в основе своей имеет управление движением материи силой мысли. Огонь и Лёд же так же являлись однотипными стилями, основанными на управлении температурой. Однако ж, несмотря на логически безупречные доказательства ещё ни один маг не отказался от своей родной стихии в пользу другой, хотя, к примеру, охладить стакан воды в жаркий день огневик вполне мог.

Сейчас в особняке присутствовали лишь тёмные, водники и воздушники. Почти все знакомы Павлу и лояльны Императору. Отчего тогда они собираются тайно? И зачем так настойчиво пытаются затянуть к себе князя Плечеева? Возможно ли, что именно они, в конце концов, прокляли его отца? Слишком много вопросов, надо разбираться.

Пока князь думал, вполуха слушая Стислава, продолжающего представлять ему присутствующих, в зале началось какое — то движение. Стислав умолк, князь так же отбросил мысли и сосредоточился на происходящем.

Центр и ближняя к входу часть зала освободилась, гости выстроились вдоль стен. Двери неспешно отворились, вошёл Феофан Домидов. Он провозгласил низким голосом:

— Мы собрались здесь, дабы встретить наших гостей, долго и незаслуженно пребывавших в неизвестности. Пришло время отдать дань древним традициям!

Сказав это он сделал два шага в сторону, освобождая проход. Через дверь попарно начали входить люди.

Князь пару раз моргнул, пытаясь отогнать наваждение. После ущипнул себя и только после этого уверился, что все происходит с ним наяву. А удивляться было чему.

Гости словно сошли с картинок древних летописей, описывающих заключение великого договора между Рарогом и теми, кто его призвал. Длинные плащи из звериных шкур. Вовсе не грубые, и уж точно не сшитые жилами. Нет, то были роскошные одеяния, достойные великих князей, просто резко отличающиеся от одежд, какие носили жители Александровской Слободы. У некоторых на лицах были маски, увенчанные ветвистыми оленьими рогами. Как мужчины, так и женщины носили украшения, но не из золота или серебра — только жемчуг, рог и янтарь. Они ступали мягко, практически беззвучно, князь поднёс лорнет к глазам и увидел, что на ногах у них обуты сапожки из кожи, лишённые твёрдых подошв.

Павел обернулся к Стиславу, но тот упредил готовящийся, как ему показалось, сорваться с губ князя вопрос:

— Они именно те, кем кажутся. Древние тёмные, не принявшие условий Рарога и

отпущенные им с миром. Они всё это время тихо жили в глуши. И нет, они не сидели сычами в лесах и болотах много веков, они вполне себе служили Императору, отправляли своих детей учиться в лицеи и даже университеты. Просто хранили свои традиции, не выпячивая их, к тому же...

— Я не это хотел спросить, — оборвал его словоизлияния князь, — княжны Вороновой среди них нет? Где она?

Едва заметная улыбка скользнула по лицу Стислава и тут же улетучилась, стоило Павлу нахмуриться.

— Высокородной госпожи Вороновой здесь пока нет. Она занята решением очень важных вопросов и потому не смогла выделить время для посещения нашей встречи.

Тёмные шли по кругу, приветствуя всех присутствующих по очереди, шествие возглавлял человек в богато украшенной маске с развесистыми оленьими рогами. Он завершил обход как раз под балконом, где сидел Павел. Здесь он сбросил шубу медвежьего меха на руки подоспевшему лакею. Снял шапку, оказавшись во вполне официальном костюме, хоть сейчас на светский раут. Он слегка поклонился князю и пошёл к Домидову. Они обнялись и принялись что — то бурно обсуждать.

— Я хотел бы сойти вниз, — сказал князь.

— Воля ваша, Павел Петрович. Вы вольны делать всё что хотите. Это, кстати, одно из основных правил нашего клуба, — ответит Стислав.

Князь спустился по лестнице и направился к Домидову, твёрдо намереваясь выяснить, что тут вообще происходит.

Феофан широко улыбался, беседуя со стариком из тёмных и его женой — седовласой осанистой женщиной, явно в юности бывшей сногшибательной красавицей. И, к своему стыду, князь вынужден был признаться самому себе, что способность нравиться мужчинам она утратила далеко не полностью.

— Клин Власич, хочу представить вам Павла Петровича Плечеева, — пробасил Домидов. Старик благожелательно посмотрел на князя, протянул для приветствия руку. Князь ответил на рукопожатие.

— Позвольте представить, — произнёс старик таким тоном, каким, должно быть говорил личный камергер Его Величества, — моя супруга, Берёза.

Князь не подал вида, что удивлён странным именем. Прикоснулся кончиком носа к протянутой руке, и был удостоен одобрительной улыбки. Хоть эти двое и не встречались ему ранее при дворе, но на диких лесовиков они вовсе не были похожи.

— К моему сожалению, мы не встречались раньше. Хотя я был уверен, что хотя бы единожды, но встречался со всеми главами благородных семей. Отец настаивал на этом.

— Знакомство с нами он, вероятно, приберегал на десерт. И вот, он, собственно, — добродушно сказал старик. Его жена мило улыбнулась.

— Я взял на себя смелость сделать это, раз князь Плечеев захворал, — сказал Домидов.

— А вы, насколько мне известно, граф, приходите к князю кем — то вроде старшего брата? — заинтересованно спросила женщина.

— Это осталось в юности. Когда князю было десять лет, а мне — двадцать, разница в возрасте казалась огромной и я мог с высоты собственного опыта поучать юного князя. Теперь он взрослый, без пяти минут глава семьи, так что может судить обо всём сам и свободно высказывать личное мнение. К которому нам волей — неволей придётся прислушаться.

Окружающие заулыбались, Павлу показалось что не вполне добродушно, скорее — снисходительно.

— Что ж, предлагаю для начала перекусить и возможно даже выпить. На голодный желудок о делах говорить не стоит, — предложила Берёза.

Домидов с энтузиазмом согласился и все направились к высоким столикам с едой, установленным у дальней стены, возле горящего очага. Князь немного отстал от старика и домидова. Поравнялся с женщиной и как бы невзначай спросил:

— Я к сожалению не расслышал вашего титула, когда граф представлял нас.

— А он его и не назвал, — безмятежно отозвалась женщина, с немного пугающим интересом поглядывая на князя.

— Каков невежа!

— Что вы, он очень хорошо воспитан. У нас ведь титула нет. Когда мои предки правили этими землями, о князьях, а уж тем более графах, баронах и прочих чужестранных придумках никто и не слыхивал. Достаточно было произнести наше родовое имя и все понимали о ком идёт речь. Люди в наших родовых землях до сих пор так делают.

— Так как же мне к вам обращаться?

— Так и обращайтесь — Берёза.

Князь не нашелся что ответить. Хорошо что к тому времени они подошли к столикам с едой и он смог прервать грозившую стать неловкой паузу, предложив Берёзе отведать креветок на шпажках. Та милостиво согласилась принять угощение. Феофан и старик Берёза были поглощены разговором, состоявшем из понятных только им шуток, многозначительных междометий и непонятных Павлу терминов. Он решил дать им пообщаться, а сам развлечь Берёзу светской беседой.

— Я полагал, что древнее дворянство давным — давно интегрировано в имперскую систему.

— Как много иностранных слов, пожалейте тёмную провинциалку! — скаламбурила Берёза и князь услужливо рассмеялся. Он думал как бы вернуться к вопросу не нарушив правил хорошего тона, но она ответила сама:

— Когда на наши болотистые равнины пожаловал Рарог сотоварищи, многие природные бояре... кстати, никогда больше не называйте нас дворянами, князь, прошу вас и предупреждаю. Так вот. Когда заморские гости пожаловали, многие бояре перешли на их сторону. Да собственно, сторон и не было, поскольку не было конфликта. В те времена все сочли Рарога очередным заезжим искателем приключений. Местные-то тоже не из земли уродились, а пришли сюда, просто раньше других. Рарог был неглуп, и не вмешивался во внутренние дела родовых вотчин, особенно тех, что проживали далеко. Платят дань, торговле препятствий не чинят, присылают воинов и магов на войну — и ладно. Так и повелось. Природные бояре не любили бывать при дворе и со временем о них вроде как и неприлично стало говорить. Дворяне ведь как устроены? Они думаю и говорят только о том, что им угрожает или сулит выгоду. То есть, чаще всего они говорят об Императоре и его ближайших прислужниках, не в обиду вашему отцу будет сказано. Так и получилось, что мы есть, но про нас не говорят. Справедливости ради, в нашей глуши не каждый благородный, не говоря уж о простолюдинах, знает кто сейчас Император. Кстати, князь, не желаете отведать копчёный язык? Таких кушаний в ваших ресторанах не подают, такое только наши охотники добывают.

Князь с некоторой опаской попробовал кусочек розового мяса, предложенный ему Берёзой. Пожевал. Понял что мясо сырое, но что удивительно — вкусное. Князь хотел спросить Берёзу ещё о чём то, но тут к мирно беседующим Феофану с Клином подошёл мужчина в странной одежде, с косматой бородой и длинными чёрными волосами. Он без предисловий принялся говорить, обращаясь к Домидову:

— И что же, граф, — он вложил в последнее слово столько желчи, что это показалось Павлу оскорбительным. Обратись так кто к нему, он вызвал бы обидчика на поединок. Не потому что он такой блюститель чести, просто выхода другого не было бы. Спусти такое, и никто при дворе руки больше не подаст, а о девицах можно вообще забыть — только носики брезгливо морщить будут, как тебя увидят.

Старик держал театральную паузу, вперив взгляд в Домидова и явно ожидая реакции. Феофан лишь улыбнулся и отхлебнул вина из бокала. Павел был потрясён — Домидов пользовался заслуженной репутацией бесстрашного, отчаянного рубаки. Он даже на войне часто дрался саблей, пренебрегая магией. Не дождавшись ответа, бородатый продолжил свои нападки:

— Вы собрали нас здесь чтобы предложить пойти по вашему пути? Предать память предков, пойти в услужение к этим, — он неопределённо помахал рукой в воздухе.

— Вовсе нет, Младуб. Напротив, я хочу привлечь природное боярство к участию в принятии решений. Вернуть ему власть в стране. Хотя бы часть власти.

Младуб вскинул подбородок, криво улыбнулся:

— Променял ты первородство на золото, Домид. Твои предки приняли от пришельцев титул. Твоей вины в том нет, не спорю, но ведь ты не отказался от него. Собрал здесь нас зачем-то. Хочешь на бунт поднять, или просто напиться да о старых временах посудачить?

Домидов прищурился, поставил бокал на стол:

— А ты, Младуб, часом, не берёшь ли золотом плату от тайной службы? Не вытягиваешь ли ты из меня сейчас признание?

Бородатый ощерился, словно дворовый пёс, ткнул пальцем в сторону Павла и прошипел:

— Да ты сам сюда тайную службу привёл! Вот он, наследничек Летогородского мучителя! Его к столбу привязать надо, да кровь пустить во славу старой веры, а не за столом привечать!!!

Павел понял, что это случилось. Хочешь не хочешь, а придётся драться. Он тактично тронул Берёзу за локоть, давая понять что ему надо уступить дрогу, встал перед Младубом и произнёс формальный вызов, твёрдо чеканя слова:

— Я, князь Павел Петрович Плечеев, вызываю вас на поединок. Вы оскорбили меня и примирению не бывать.

Младуб расхохотался безумным смехом:

— Отлично, с самого равноденствия никого не убивал! Разойдитесь по сторонам, други и недруги, освободите место для честного боя!

Все подались назад. Князь остался стоять там где стоял, а Младуб отошёл на десяток шагов.

Традиции магического поединка уходили во тьму веков настолько глубоко, что были одинаковы во всех уголках мира. Когда-то, на заре человечества, когда первый из тех, кого

через тысячи лет будут называть благородными, встретил подобного себе — тогда и произошёл первый поединок. В древности каждый владеющий магией контролировал ровно столько земли, сколько мог отстоять в борьбе. Рано или поздно неизменно появлялся тот, кто бросал ему вызов. Это мог быть его собственный подросший сын, дочь или пришедший неведомо откуда путник — неважно кто. Всё всегда происходило одинаково: в окрестностях селения людей, достаточно далеко для того что бы не повредить их дома и посевы — ибо кому нужна земля без живущих на ней людей — двое вставали напротив друг друга и колдовали до тех пор, пока не оставался в живых кто-то один.

Младуб имел преимущество, ведь он был тёмным, но тёмных множество разновидностей. Стихийные понятны, особенно когда знаешь точно, к какой из четырёх стихий принадлежит маг, а Младуб очевидно знал, что Павел водный маг. Каков же Младуб, юный князь понятия не имел, и спрашивать у Домидова было уже поздно. Что ж, придётся выяснять на практике. Тут главная хитрость заключается в том чтобы выдержать первый удар, но не заблокировать его полностью, а пропустить немного урона — только так можно понять, чем атакует противник. Плохо будет если он вроде Домидова и умеет морочить голову. Хотя, как с этим колдовством справляться Павел знает. Не зря с раннего детства водит знакомство с тёмным магом.

Князь создал вокруг тела тонкую, незаметную для человеческого глаза плёнку из воды. Она плотно прилегалась к телу. Самое печальное, что слишком долго удерживать такую защиту нельзя — дышать-то под плёнкой нечем. Вода ведь воздух не пропускает, так что придётся задержать дыхание. Это, к счастью, любой водный умеет. Иначе никак, какой водный в жизни не тонул?

Младуб завертел руками перед собой, словно наматывая на ладони клубок тёмных нитей и декламируя зловещим шёпотом заклятие. Показушник, не может без внешних эффектов. Павел молча ждал удара. Тёмный наконец кончил выделяться и атаковал. У Павла сразу сдавило грудь, в голове зашумело, заколотилось сердце. Ураганное проклятие. Через несколько мгновений он будет валяться на полу, пускать сопли, кашлять и так далее. Показушник и есть показушник — мог бы попросту проклясть колени или сердце, но нет. Ему требовалось не просто повергнуть князя, но и опозорить его, заставить прилюдно истекать телесными жидкостями. Наслал банальную простуду и разогнал процесс до максимума. Теперь то, что болезнь делает с человеком за неделю, с Павлом произойдёт почти мгновенно. Он убрал защиту тела — в ней больше не было необходимости. Начал скручивать воду в жгут. Его противник демонстративно задержал дыхание и встал, сложив руки на груди. Почему-то он смотрел на Павла сверху вниз. До князя дошло, что он стоит на коленях, и вот-вот рухнет на пол. Жгут был не вполне готов. Князь выбросил его вперёд и противник, ожидавший этого, легко увернулся от удара. Князь завалился набок и закашлялся. Младуб торжествующе улыбался, уже считая себя победителем. Князь хрипло дышал. Все в зале, кроме Домидова сочувствующе смотрели на молодого мага, павшего жертвой искушенного в проклятиях тёмного. Князь со свистом втянул в себя воздух, поймал взгляд Младуба и через силу подмигнул ему. Тот нахмурился, внезапно в его глазах появился животный страх. Он судорожно сглотнул, бросил на князя испуганный взгляд и рухнул как подкошенный. Толпа тёмных неодобрительно загудела, в круг рывком выскочил молодой парень, оскалился и размахнулся рукой, словно собираясь швырнуть в Павла что — то невидимое. Князь, ещё не успевший подняться на ноги, приготовился было к защите, но откуда ни возмись между ним и молодым колдуном появился медведь. Зверь встал на

задние лапы и оглушительно заревел. Парень от неожиданности шлепнулся на задницу и пополз прочь от медведя. Тот упал на передние лапы, рыкнул ещё раз и растворился в воздухе, словно его и не было.

— Берёза, не поможешь победителю? Мне призыв всегда тяжело давался, — в воцарившейся тишине голос Домидова прозвучал особенно громко. Старуха сделала замысловатый жест рукой и князю тут же полегчало. Он поднялся на ноги, взял протянутый кем-то платок и принялся очищать запачканные штаны.

— Бракодел, — сказала Берёза, — проклял только сознание, телесного ущерба нет вовсе.

— Судя по ощущениям очень даже есть, — хрипло ответил Павел.

— Вот именно — по ощущениям. Тело полностью в порядке, иначе вы бы так быстро не пришли в себя, князь. Выпейте, это поможет успокоить нервы.

Павел принял протянутый ему Берёзой бокал, отхлебнул. В голове прояснилось, кровь быстрее побежала по жилам.

— Значит вы, уважаемая Берёза, специализируетесь на проклятиях? — спросил он, наблюдая, как бессознательного Младуба куда-то уносят слуги.

— Таков мой дар. Однако ж, меня интересует иное, чем вы достали несносного Младуба?

— Отёк легких, помимо всего прочего.

— Чего именно прочего?

— Позвольте мне оставить некоторые секреты при себе.

— Не смею настаивать.

Берёза слегка поклонилась и оставила князя в покое. Домидов догнал слуг, уносивших Младуба, остановил их, принялся шарить по карманам бессознательного тёмного. Нашёл что-то и сунул находку в карман. Вернулся к столикам с едой, и обратился к князю:

— Правы целители, надо бы мне есть поменьше, а бегать побольше. Совсем запыхался.

Он довольно натурально задыхался, и если бы князь не знал, на что способен этот грузный человек, мог бы и поверить, что небольшая пробежка его утомила.

— Князь, вы не могли бы оказать мне услугу?

— Разумеется. Какую именно?

— Отнесите вот этот свиточек в библиотеку. Положите где — нибудь на видном месте, я завтра положу в правильное место.

— У вас, граф, слуги закончились?

— Ну что вы! Слуг у меня великое множество. Понадобятся ещё — выпишу с поместья. У меня там целая школа для подготовки слуг имеется. Могу с вами поделиться парочкой. А отчего вопрос?

— Для перемещения вещей между этажами существуют специальные люди. Может быть, воспользуетесь их услугами?

— Князь, этот свиток нельзя доверять слугам. К тому же, в библиотеку им заходить запрещено. У меня там очень хорошая магическая охрана устроена. Иностранцы специалисты делали. Недешево обошлось, но оно того стоило, ведь там хранятся очень редкие манускрипты. Так что окажите любезность старому другу, отнесите свиточек. Третья дверь по правой стороне. Вот вам ключ. Не потеряйте — он существует в единственном экземпляре.

Домидов не мигая смотрел на Плечеева, потерявшего дар речи от такой наглости. Павел

пожал плечами, взял свиток в одну руку, бокал — в другую и пошел вверх по лестнице. Найдя нужную дверь, он вставил ключ в скважину и повернул. Раздался щелчок, а сразу за ним — шипение, дверь приоткрылась сама собой. Павел вошёл, прикрыл за собой дверь и осмотрелся. Вдоль стен большой комнаты стояло множество шкафов. Полки были уставлены книгами, свитками, странно выглядящими безделушками. Взгляд князя упал на столик неподалёку. Он подошёл к нему, положил свиток. На столике обложкой вверх лежала открытая книга. На обложке было написано: «Наиредчайшие проклятия и достоверно известные средства противоборства им». Над названием, закрывая собой имя автора, красовалась алая печать императорского архива. Книги и прочие артефакты, имеющие такую печать, являются собственностью короны и доступ к ним чрезвычайно ограничен. Собственно, вынести такую книгу из архива возможно только с личного разрешения Императора. Павел не смог побороть любопытства и взял фолиант в руки. В книге было несколько закладок, он просмотрел. Ничего особо интересного. Как всегда и бывает, в древних писаниях не содержалось ничего особенного, ведь развитие магии не стояло на месте и древние заклятия в подавляющем большинстве случаев слабее тех, что были изобретены в настоящее время. К тому же древние маги придавали слишком уж большое значение ритуальной стороне магии, причём любили использовать экзотические ингредиенты вроде менструальной крови девственниц или волос с крыльев летучих мышей. Князь открыл оглавление, пробежал глазами и увидел, что одно из заклятий обведено красным карандашом. Рядом стоял восклицательный знак и небрежный рисунок человека со смутно знакомыми чертами лица. Князь всмотрелся. Точно, это шарж на отца! Он открыл нужную страницу, просмотрел написанное и понял, что здесь указано именно то проклятие, от которого мучился отец, те же симптомы: сильнейшая головная боль, крутящие боли в коленях, проблемы со зрением. Что самое интересное и неожиданное — здесь же был указан способ, которым можно было снять проклятие. Князь прочитал написанное, после ещё раз, но шум в голове от выпитого не давал ему точно запомнить написанное. Он не раздумывая сунул книгу за пазуху и вышел в коридор. Запер дверь, спустился по лестнице, нашёл Домидова, сунул ему в руку ключ, пробормотал что — то, что должно было сойти за извинения и собрался было уйти, но Домидов мёртвой хваткой вцепился ему в локоть и с нажимом сказал:

— Не торопитесь, князь. Сейчас будет интересное представление.

Он со значением посмотрел ему прямо в глаза. Павел кивнул и приготовился наблюдать обещанное зрелище.

В центре зала собралось несколько мужчин и женщин, чьи одеяния не оставляли сомнений в том, что это настоящие тёмные, вроде Младуба, Клина и его супруги Берёзы. Они встали в круг, их звероподобные слуги в своих меховых нарядах принесли большую железную чашу на трёх ногах и установили в центре круга. Туда набросали хвороста, один из слуг высек искру, дрова немного подымили и с треском занялись. К пылающему пламени подошёл тот самый молодой парень, который вмешался в поединок Павла с Младубом и которого позже прогнал Домидов при помощи призванного медведя. Он достал нож, полоснул себя по запястью и вытянул руку над пламенем. Капли крови падали на пылающие дрова и шипели, касаясь пламени. Один из стоящих вокруг костра тёмных затянул речитативом песню на непонятном, хотя и смутно знакомом Павлу языке. Остальные поочерёдно подхватывали песню, подвывая и пришепётывая. Мелодия усложнялась. Она словно трогала Павла за мозг липкими лапами. Над пламенем закружился тяжёлый багровый

дым, он плясал, преображался. В дымке начали вырисовываться то ли лица, то ли звериные морды. Парень уже шатался от потери крови, но продолжал удерживать кровоточащие руки над пламенем. Морды в клубках дыма становились всё отчётливее и одна из них сверкнула глазами. Павел почувствовал как у него вдоль позвоночника поползла капелька холодного пота.

— ХВАТИТ!!!

Центр зала накрыло сильнейшим порывом ветра. Парня сбilo с ног и отнесло на несколько метров, что его и спасло, ведь железная чаша с пламенем перевернулась. Угли разметало по зале, люди, стоявшие на пути порывов ветра, с криками разбежались. Один из тёмных, сбитый с ног, поднял голову и начал говорить заклятие, от звуков этого языка Павла замутило.

Домидов на этот раз не стал призывать медведя, а попросту запустил яблоком в голову колдуна, сбив заклятие. Ненадолго воцарился хаос. Маги перебежали с места на место, и очень скоро разделились на две части. Некоторые, подобно Павлу, Домидову, Берёзе и еще несколькими, остались стоять где стояли.

— Успокойтесь, господа! — голос Домидова был столь звучен, что все замолчали.

— Наши гости с востока немного перестарались с демонстрацией своих эээ... культурных особенностей. Ну а князь Пожаровский недооценил свою силу. Он не хотел никому навредить, не так ли, князь?

Высокий князь Пожарский задрал голову, и процедил сквозь зубы:

— Прошу простить.

— Вот и славненько. Вы же, друзья, впредь предупреждайте, когда собираетесь такое делать.

Тёмные угрюмо молчали.

— Расслабьтесь, мы все здесь друзья, — улыбнулся Домидов. В его словах звучала неприкрытая угроза, — оркестр, музыку!

С балкона грянула музыка. В зале появились слуги, они споро принялись убирать последствия инцидента и разносить подносы с напитками.

— Вот всегда с ними так, — тихо сказал граф, склонившись к уху Павла, — знают ведь, что враг у нас общий, и порознь не справимся. Но каждый раз как вместе соберёмся, такая вот катавасия получается.

Павел откашлялся и аккуратно сказал:

— Граф, я не вполне понимаю кто ваш враг, но могу с полной уверенностью сказать, что не все ваши соратники мне по нраву.

Домидов долго смотрел на князя прежде чем сказать:

— Следует вам научиться отличать соратников от инструментов. Идите домой, князь. Почитайте перед сном и обдумайте всё что здесь видели. Про Воронову не спрашивайте — она сама найдёт вас. У ортодоксальных тёмных женщины, как вы вероятно знаете, самостоятельно решают, с кем им быть.

Павел не покраснел от прозрачного намёка — сказывалось воспитание. Он просто кивнул графу, развернулся на каблуках и направился к выходу.

Спустя некоторое время он сидел в своём особняке. Время было уже позднее, но спать не хотелось. К тому же стоило дожидаться Дилмурода, расспросить что он смог разузнать, да и книжка попалась прелюбопытная. Главное, что в ней имелось средство, которое поможет исцелить отца хотя бы от одного из его проклятий. Пускай ингредиенты довольно редкие, но у Павла имелись мысли, где их можно будет раздобыть. Что же до всей этой борьбы придворных партий, тут у Павла наконец — то появилась чёткая позиция: несмотря на давнее знакомство с Домидовым, в этой битве они не будут по одну сторону баррикад. С тем, что Павел сегодня вечером видел в клубах дыма, он не желал иметь ничего общего, более того — он хотел бы чтобы кто-нибудь изгнал навсегда эту сущность. А ещё лучше — уничтожил её вовсе.

Павел вытянул ноги, взял со столика графин, плеснул в широкий стакан немного янтарной жидкости и залпом выпил. Веки его отяжелели и вскоре он уснул.

Проснулся князь от весьма невежливого стука в дверь. Он потер виски, его терзала головная боль — сказывалось нервное напряжение. За время путешествия к южным рубежам Империи и обратно он успел отвыкнуть от придворных интриг. Положа руку на сердце он раньше их не касался, разве что вскользь, поверхностно. Они казались ему увлекательной игрой, с помощью которой убивают время скучающие аристократы. Грязной изнанкой этих игрищ занимался отец, и вот теперь, если князь не сумеет спасти его, придётся окунуться в эту клоаку с головой. Можно, конечно, просто отказаться от права первородства и уехать в одно из имений. Предпочтительно подальше, в глухую провинцию, у моря. Но стоило Павлу представить довольную улыбку матери, когда она узнает о его решении и скажет: «Я всегда знала, что из этого слабака ничего путного не выйдет!», как ему стало дурно. Да, в этом не принято признаваться, но он не любил мать и это было взаимно. Она вышла за отца, будучи намного младше его, по расчёту, как и было принято у высшей аристократии. Была она в то время юной, романтически настроенной девой, воспитанной на куртуазных романах. Столкновения с реальностью её восторженность не пережила. Прежняя она просто исчезла, а на её место со временем пришла хладнокровная, расчётливая и властолюбивая женщина. Женщина, тяготящаяся своим положением и постоянным пребыванием в тени отца. Эта метаморфоза произошла не одномоментно, она растянулась на долгие годы.

Отец не был плохим человеком, но он был женат на работе и супруга требовалась ему только для рождения наследника, причём единственного. Отец говорил, что ему хватает споров на работе, дома он их терпеть не намерен. После рождения Павла он нанял для его обучения и воспитания множество учителей, гувернанток, нянек, кормилиц и прочих, так что матери делать было просто нечего. Она попыталась было вникнуть в дела отца и стать его верной советницей и помощницей, но эти попытки были жестко пресечены отцом, желавшим видеть в супруге лишь хранительницу домашнего очага. Долгие годы заключения в золотой клетке превратили юную трепетную деву в ухоженную великосветскую мегеру. А болезнь отца подтолкнула её к активным действиям.

Вновь раздался стук в дверь, на этот раз гораздо ещё более настойчивый. Князь разлепил пересохшие губы и велел войти. В дверь ввалился ворох юбок и кружев, оказавшийся при более близком рассмотрении смутно знакомой князю светской львицей. Она была весела, пьяна в дымину и потому держалась за руку Дилмурода, с трудом

сохранявшего свой обычный невозмутимый вид.

— Братец, что с тобой приключилось? — спросил его князь на южном наречии.

Дилмурад сделал пару шагов, остановился. Лицо его перекопилось в гримасе поруганного достоинства:

— Я много слышал рассказов о том, что северные женщины развратны, однако, — он запнулся, не в силах подобрать слов, способных выразить всю глубину его чувств. Не нашёл и замолк.

— Никак, в моё отсутствие княжна ээээ, простите, сударыня, не припомню, представлены ли мы...

— Светлана Висупова, — княжна присела в реверансе, пошатнулась, снова ухватилась за Дилмурада и глупо хохотнула.

— Рад знакомству, Светлана. Так княжна Висупова решила воспользоваться тобой, Дилмурад?

Дилмурад выпятил подбородок:

— Никто мной не пользовался, — ответил он гордо.

— И это чрезвычайно оскорбительно, — вскричала княжна, — князь, я требую наказать вашего слугу!

— Он мне не слуга.

— Это не имеет никакого значения!

Князь вздохнул. Налил стакан, протянул княжне с поклоном:

— Предлагаю осушить сей сосуд, поскольку сейчас вам потребуется всё ваш мужество, ибо я намерен покарать нечестивца беспощадно и кроваво.

Княжна снова хохотнула, залихватски опрокинула стакан, мгновенно окосела, с полминуты бормотала что — то несурзное и невероятно неприличное. Князь и Дилмурад с интересом её слушали, стараясь запомнить некоторые особо забористые обороты. Наконец, княжна изъявила желание прилечь и принялась стаскивать с себя платье. Князь счёл, что в сложившейся ситуации помогать даме он не обязан, и вышел. Дилмурад последовал за ним. Они расположились в кабинете князя. Слуги принесли кофе, но Павел с негодованием отверг его. Он потребовал зерна, кофейную мельницу, огонь и всё прочее, необходимое для приготовления напитка.

Пока они с Дилмурадом возвращались в Империю, им пришлось сделать немалый крюк, дабы не попасться преследующим их людям эмира. За время путешествия князь распробовал настоящий кофе, готовить который Дилмурад оказался великий мастер. После того любой кофе, приготовленный в Империи казался князю мягко говоря невкусным.

Всё требуемое принесли, Дилмурад принялся священнодействовать, одновременно рассказывая князю о своих приключениях. Оказалось, что вечеринка, устроенная княжнами Валицыной и Друбецкой, очень быстро превратилось в то, для описания чего Дилмурад и слов-то не мог подобрать.

— Разврат, — подсказал Павел.

— Нет, молодой господин. То, что там творилось, от разврата находится так же далеко, как разврат продажной женщины от святости отшельника.

— Надо же, как много я потерял, — усмехнулся князь.

Дилмурад лишь цокнул языком и продолжил рассказывать. Вполне невинно начавшееся застолье очень быстро переросло в сущую оргию. Дилмурад не был аскетом, он любил женщин, и поначалу с охотой включился в игру, благо придворные дамы оказались весьма

охочи до экзотики и едва ли в очередь к нему не выстроились. Каждая стремилась привнести что-то новое в старый как мир процесс и поразить чужеземца мастерством и пылом. Вскоре он понял, что путешествие в страну любви заходит на территории, которые он предпочёл бы оставить неизведанными.

— А у вас как дела? Не встретили ту черноволосую красавицу, что ваш друг на поляне показывал? — спросил он.

Князь мотнул головой.

— Ты что-нибудь о проклятии отца разузнал?

— Да.

— Так чего не говоришь!? Зачем мне рассказываешь о всяком разном, а не о том что важно!

— Так я и веду к главному.

Дилмурад продолжил рассказ.

В ходе своих походов он успел услышать многое о планах партии Витеничей, поскольку притворился что не понимает языка. В эти планы входила свадьба князя на любой из представительниц партии, но после того как он примет главенство в семье, его предполагалось устранить.

— Устранить? — не понял Павел.

— Убить, — спокойно объяснил ему Дилмурад.

Дело в том, что если бы отец умер, а князь отказался бы от брака, право первородства перешло бы непосредственно к Императору, а от него — к тому, кого он сочтёт наиболее достойным, но только мужчине. После брака же, если его жена родит сына, Павел станет не нужен. Его устранят, а управление делами семьи и наследственный пост главы тайной службы формально перейдёт к его наследнику, но пока княжич не вырастет, делами заправлять будет мать или супруга. В любом случае, партия Витеничей приобретет серьезное преимущество.

В самом деле, Павла не очень интересовало, кто пробьется ближе к трону — Рароговичи или Витеничи. Да хоть бы и тёмные. Хотя нет, после сегодняшней ночи он твёрдо уверился, что людям подобным Младубу или тем колдунам, что призывали духов, власть давать нельзя ни в коем случае. Проблема в целом не в том, какая партия победит в очередном раунде борьбы за власть, главное что Витеничи планируют его убить.

— Решено, — произнес он вслух, — женюсь на Вороновой.

— Молодой господин, — спросил Дилмурад, — а у вас и с замужними женщинами принято... ну как на балу сегодня ночью я видел?

— Это от мужа зависит. Лично я против подобных развлечений, — твердо ответил князь. Дилмурад мигнул, — да это тут при чём вообще? Что ты про проклятье говорил?

Придворные дамы, весьма охочие до плотской любви, очень быстро укатали бедного Дилмурада до состояния, о котором он говорил уклончиво и ужасно стесняясь. Если уж начистоту — он обессилел. Дамы не растерялись и потащили его практически волоком в какое-то место, уставленное ретортами, колбами и прочими атрибутами алхимического ремесла. И вот там-то удача улыбнулась Дилмураду. Хозяйка дома, роясь в поисках нужного эликсира, ругала на чём свет своего брата, готовившего на днях зелье. По её словам, стоило ей только понюхать сей декокт, как у неё тут же появились синие круги под глазами — еле пудрой замазала.

— У отца были такие круги! — вскрикнул князь.

Дилмурад важно кинул и продолжил:

— Она накинута на брата едва не с кулаками, но он дал ей противоядие. Рецепт есть в книге, я запомнил в какой, но украсть не смог.

— Почему же?

Дилмурад замялся.

— Прятать негде было... Совсем негде.

Князь улыбнулся, представив себе картину: княжны разного возраста в чём мать родила готовят алхимический экстракт для придания мужских сил Дилмураду, а он стоит рядом, облаченный лишь в бороду и насупленные брови.

— Ладно, Дилмурад. Сейчас отсыпаемся, отмываемся, набираемся сил, а ночью идём на охоту. Выкрадем эту книжицу, изготовим противоядие и вылечим отца. Но перед сном я подготовлю первое противоядие, рецепт которого я добыл — это даст отцу время.

Алхимия никогда не была коньком князя, хорошо что он учился дома, а не в закрытом лицее, подобно подавляющему большинству юных аристократов. Так что его наставник мог уделить ему больше времени для объяснения премудростей трансмутации и отделения свойств от материальных сущностей. К тому же, с тех пор в подвале особняка отца должна была сохраниться отменно оборудованная лаборатория. Туда он и направился. В пути получилось немного вздремнуть, так что перед отцом он предстал хоть и слегка опухшим, но вполне прилично выглядящим. Отец был очень слаб, но нашел в себе силы поговорить с сыном:

— Завидую я тебе. Вернулся с важного дела, с успехом. Можешь позволить себе отдохнуть.

— Ничего, отец, я тебя вылечу и ты сможешь погулять... Не развалится ведь Империя, если ты позволишь себе немного расслабиться.

— Империя-то не развалится, а вот я вполне могу. Это в юности я мог как ты сейчас, всю ночь пьянствовать да по девкам шляться, а после как ни в чём не бывало утром встать и работать идти. Сейчас хоть и лягу вовремя, и высплюсь, а один чёрт с утра словно пил неделю. Возраст, чтобы не сказать — старость.

Князь ободряюще улыбнулся, после чего пошёл вниз. В лаборатории он нашёл всё необходимое и приготовил лекарство, оказавшееся вонючим до невозможности. Поднялся к отцу, с трудом уговорил его выпить дурно пахнущую жидкость. Отец с трудом проглотил снадобье и скривился. Однако, сразу стало заметно, что ему полегчало. Хотя круги вокруг глаз и остались, но щёки порозовели и он даже изъявил желание чего-нибудь съесть. Убедившись, что с отцом всё в порядке и ещё денёк он протянет. Князь уехал к себе и завалился спать, строго-настрого наказав прислуге разбудить себя за час до заката.

Когда Павел проснулся, его уже ожидал Дилмурад с горячим кофейником, источавшим изысканный аромат. Выпив бодрящего напитка, князь умылся и сел в кресло, указав Дилмураду на другое, стоящее напротив.

— Будем держать военный совет, братец. Как тогда, по ту сторону границы, когда нам на пятки островитяне наступали. Помнишь?

Дилмурад сдержанно кивнул. Он уже успел облачиться в свободный, не мешающий движениям темно — серый костюм с капюшоном. На кушетке лежал второй такой же — для князя. Так же Дилмурад подготовил верёвку с крючьями на конце, маски и ещё всякие вещицы, полезные для проведения тайных операций. Князь критически осмотрел снаряжение, убедился что стандартный набор для скрытного проникновения в крепость

полностью укомплектован. Ему с Дилмуородом не было нужды обсуждать подготовку. Во время возвращения домой им пришлось пережить очень много приключений. О подготовке можно было не беспокоиться, другое дело, куда именно они будут проникать, где в Александровской Слободе и её окрестностях имеется необходимый набор ингредиентов? Павел открыл похищенную у Домидова книгу. Ещё раз пробежался по рецепту снятия заклятия. Большая часть необходимых материалов у него есть. Что-то можно будет купить в одной из алхимических лавок, которых немало в городе, населенном потомственными магами, а вот с некоторыми ингредиентами могут возникнуть проблемы. Такие вещи открыто не продаются. Можно бы поспрашивать у знакомых. В конце концов, многие в Александровской Слободе балуются запрещёнными искусствами, и готовы платить за соответствующие товары, так что в контрабандистах и подпольных торговцах недостатка не было. Однако, на это попросту нет времени. Надо добыть нужные вещества и предметы самостоятельно. И есть только одно место, где всё это точно есть. Александровский Лицей. Элитнейшее образовательное учреждение, где воспитываются и обучаются наследники родовитых семейств Империи. Детство они проводят в церковных учебных заведениях, а когда немного повзрослеют, их направляют в лицей, каких множество во всех уголках Империи, разного качества и цены. Каждая семья заранее знает, в какой именно из многочисленных лицеев отправит учиться магии своего наследника, причём это известно ещё до того как наследник не то что родится, но будет зачат. Высшая аристократия направляет своих потомков учиться в Александровский Лицей, а некоторые воспитываются дома. Это может происходить из — за болезни, исключающей обучение в закрытой школе, либо обусловлено слишком уж высоким происхождением юного мага. Павел был из последних. Однако, он бывал в Александровском Лицее и примерно представлял где находится склад магических ингредиентов.

Он потер глаза, зевнул и принялся облачаться в принесенный Дилмуородом костюм. Одевшись, он разложил на столе карту Александровской Слободы, жестом подозвал Дилмурода и принялся излагать свой план:

— Из особняка выходим незаметно. За нами могут следить. Двигаемся три версты на северо — северо — восток, избегая хорошо освещенных участков и стараясь остаться незамеченными. Там будет большое здание, вот здесь, — он ткнул пальцем в большой парк на окраине Слободы, в центре которого располагался Лицей, — парк окружен оградой, но охрана скорее ориентирована на то чтобы не выпустить учащихся наружу, чем на то чтобы не впустить кого — либо внутрь. Проберемся незамеченными, пересечём парк, войдём в здание, спустимся в подвал, найдём хранилище, заберём необходимое и назад. Как тебе план?

Дилмуород не ответил, ограничившись выразительным взглядом.

— Да, я понимаю, что всё очень напоминает тот наш провал в крепости Аргаханак, но сейчас нам не придётся в случае провала сбегать с темницы. На кону не стоят наши жизни. Лишь жизнь моего отца.

— Значит, на этот раз ставки по — настоящему высоки, — веско сказал Дилмуород.

Павел молча кивнул и направился к выходу. Верный слуга последовал за ним.

Павлу в детстве не раз приходила в голову глупая мысль, что за пределами особняка отца и прилегающего к нему сада лежит большой мир, полный приключений и удовольствий. Сейчас он так не думал, предпочитая уют и лишь по необходимости покидая зону комфорта. Однако ж, в детстве он сбегал с дома. Так что опыт скрытного ухода из отцовского особняка у него имелся. Они с Дилмуородом открыли окно, ведущее в сад, скинули веревку и спустились по очереди, после чего Дилмуород хитрым трюком, которому Павел так и не смог научиться, забрал веревку, дабы не оставлять следов. Верёвку с крюком на конце он смотал и повесил на плечо. Стараясь держаться в тени они пробрались через сад, перемахнули через ограду и направились в нужном направлении, к окраине города. Улицы Слободы ярко освещены, а пользоваться орденом князь не хотел, в окрестностях императорского дворца это могло привлечь ненужное внимание тайной службы, так что пришлось действовать по — простому: держаться подальше от фонарей, скрываться за кустами, а когда не было другого выхода — идти открыто, делая вид что ходить по улицам столицы в маскирующем костюме — дело обычное. Им навстречу попала пожилая пара, женщина вскрикнула от испуга, увидев закутанные в черное фигуры. Муж успокоил её, заверив что это трубочисты. Павел, собравшийся уже было оглушить его водяным кнутом, с облегчением выдохнул.

Вскоре они подошли к ограде парка. Днём ворота не запирались, и прогуливающаяся публика могла запросто посещать парк, разумеется, в том случае, если принадлежала к высшему сословию. На ночь же ворота надёжно запирались, дабы оградить спокойный сон обитателей особняков от шалостей юношей и девушек, проходивших обучение. Лицеисты, разумеется, регулярно находили способ проникнуть через ограждение и учинить беспорядок. Существовало даже специальное отделение полиции, занимающееся именно этой проблемой. А проблема была, при этом трудноразрешимая. Лицеисты поголовно принадлежали к родовитейшим семействам Империи, а потому хранителям общественного порядка приходилось проявлять чудеса такта, дабы не навлечь на себя гнев представителей элиты Империи, к тому же только начинавшими постигать тайны магии и горящими желанием опробовать полученные знания на практике.

Дилмуород посадил Павла. Тот уселся на каменную колонну верхом и протянул руку своему верному слуге. Подтянул его вверх и вскоре они оказались в парке. Лицейский парк более всего напоминал дикую чащу, лишь слегка облагороженную и пересеченную кое — где вымощенными тёсаным камнем дорожками. Павел и Дилмуород двинулись напрямую через чащу, стараясь шуметь как можно меньше. По дороге спугнули парочку, решившую предаться любви безлунной ночью. Девушка взвизгнула и бросилась бежать, а парень сверкнул гневным взглядом и побежал догонять подругу, придерживая одной рукой спадающие штаны. Дилмуород вопросительно глянул на Павла, блеснув кинжалом. Тот отрицательно мотнул головой. Болтать парень не станет, девушка тем более. А вот два трупа, которые неминуемо обнаружат служители Лицея, это повод для расследования и, с учетом происхождения молодых людей, Павла следователи точно найдут. Полиция ему ничего сделать не посмеет, всё — таки он сын самого Плечеева, но конфликта с другой влиятельной семьёй ему сейчас только не хватало. Так ведь вдобавок ещё и Его Величество о случившемся прознать может. Он к смертоубийству среди аристократов относится резко

отрицательно, может и на крайний восток выслать, куда — нибудь на побережье Ледяного океана, а то и за пролив.

Они подобрались к зданию Лицея. Двухэтажный особняк в классическом стиле. Основное здание окаймлено с двух сторон длинными флигелями. С обратной стороны, насколько помнил Павел, пристроен зимний сад и галерея, ведущая к мастерским и спортивным площадкам. Им же нужно проникнуть в подвал. Ночью по коридорам ученики и преподаватели не ходят, ночной служитель сидит у входа, на первом этаже, лишь раз в час совершая обход. Павел присмотрелся к окнам, увидел свет фонаря, которым освещал себе путь служитель. Судя по всему, он возвращается к своему посту. Дилмурод по знаку Павла раскрутил веревку с крюком и забросил её на подоконник второго этажа. Дернул несколько раз, проверяя насколько прочно веревка зацепилась, а затем полез наверх, перебирая ногами по стене. Павел дождался, пока Дилмурод усядется на подоконнике и последовал за ним. Взобравшись, сел рядом, кивнул. Дилмурод вытащил из кармана небольшой алмаз, провёл круг на стекле. Просунул руку в образовавшееся отверстие и отпер защёлку. Они спрыгнули на пол, аккуратно прикрыв окно. Веревку с крюком Павел повесил на плечо.

По странному капризу архитектора, планировавшего постройку здания Лицея, вход в подвал располагался на втором этаже, возле кабинета директора. Они подошли к двери. Дилмурод достал отмычку, собрался было вскрыть замок. Павел остановил его:

— Дай-ка я попрактикуюсь, — прошептал он. Дилмурод пожал плечами, протянул ему инструмент. Павел приложил ухо к двери и вставил отмычку в замок. Он затаил дыхание, прислушиваясь к звукам, наконец, нащупал нужный зубчик. Надавил. Замок с тихим щелчком открылся. Они спустились по винтовой лестнице в подвал, где располагалась алхимическая лаборатория и склад ингредиентов. Павел достал список необходимых материалов и протянул Дилмуроду. Сам он помнил наизусть, что нужно найти. Они разошлись по разным сторонам и принялись прочёсывать полки. Терхамская селитра, толченые рожки дикого северного оленя, сушеный пещерный мох с южной части Пutorского плато...у Павла разбегались глаза. Такой коллекции не было даже у отца, хотя уж он — то точно мог себе позволить купить что угодно, даже если вещество было запрещено к частному владению императорским указом. Для князя Плечеева Его Величество точно сделал бы исключение.

Порыскав по лаборатории, он нашёл почти всё нужное, оставалось лишь разыскать криокорень — чрезвычайно редко встречающееся реликтовое растение. Которое можно было отыскать на южной оконечности тундры, в местах, которые местные племена называли «тайбола». Пошарив взглядом, Павел увидел небольшой коврик на полу. Он усмехнулся. Любители. Само собой, весь пол каменный. А в одном месте лежит уютный мохнатый коврик. Хоть бы кресло рядом поставили, выглядело бы правдоподобнее. Ещё столик рядом, на столе — бокальчик с остатками вина на дне, или даже полупустая бутылка. Тогда всё выглядело бы естественно: убежище профессора, в котором он прячется от надоевших школяров, чтобы причаститься божественного напитка...Но нет же — просто коврик. Павел собрался было отдёргнуть его, но вовремя осёкся. Он заметил тонкую полоску инея, выглянувшую из-под коврика. Да здесь поработал ледяной маг, установивший ловушку! Павел аккуратно подцепил край коврика крюком, отмотал веревку и с безопасного расстояния дёрнул. Коврик сдвинулся в сторону, открыв скрывавшийся под ним небольшой лючок. Тут же сработала магическая ловушка, вокруг люка мгновенно выросла небольшая окружность из ледяных сталактитов. Ледяная корона. Не смертельная, но неприятная штука.

наверное, служит чтобы отвадить возможных похитителей редкого ингредиента. Элемент борьбы за ресурсы между преподавателями. Павел открыл лючок, обнаружил там пучок перехваченных бечёвкой криокорней и лежащую рядом бутылочку коллекционного шампанского. М-да, ловушка защищала вовсе не корни.

Встретившись с Дилмуродом в середине зала, он проверил, всё ли необходимое найдено. Убедившись что с этой частью плана они справились, направились к выходу.

Дальнейшая дорога к дому прошла без приключений. Остаток ночи князь посветил изготовлению снадобья для излечения отца. Утром, ещё до завтрака, он стоял у дверей особняка отца, прижимая к груди глиняный горшочек, завернутый в ткань. Не слушая возражений старухи — управляющей, Павел поднялся в спальню. Там он бесцеремонно растолкал отца и заставил его выпить содержимое горшочка. Отец с трудом удержался от того чтобы не извергнуть лекарство наружу, но уже через несколько минут откинулся на подушках и уснул. Павел, утомленный приключениями, сел в кресло у изголовья отца и тоже задремал.

Проснулся он от того что отец отчаянно спорил с кем — то своим звенящим голосом. Павел открыл глаза и обнаружил, что императорский лейб — медик стоит с противоположной стороны кровати и мешает отцу встать, уперев ему ладонь в грудь.

— Я прекрасно себя чувствую! — воскликнул отец и, судя по последовавшему усталому вздоху медика, сделал это не в первый раз.

— Хорошо. Попробуйте встать, Пётр Павлович. Ваш сын проснулся и сможет засвидетельствовать, что я вас предупреждал о том, что делать этого не надо. Вы слышали меня, Павел Петрович? — обратился он к князю. Тот подтвердил.

Отец сел на кровати. Спустил ноги на пол. Вздохнул, оперся руками о матрас и с трудом встал. Его зашатало. Он начал падать лицом вниз, медик тут же подхватил его и уложил обратно в кровать.

— Я предупреждал вас, князь и повторюсь ещё раз: если вы не дадите себе отдых на протяжении хотя бы двух десятков дней, последствия будут плачевными. Ваш рассудок ясен, уж не знаю каким чудом, но тело истерзано проклятьями. Требуется восстановление сил.

— Да как же тут отдохнёшь! Уже, небось, пронюхали все что я в себя приходить начал. Потянутся с прошениями. И ведь отказать в приёме решительно никому нельзя. Разобидятся! Придётся мне вместо работа на благо престола мириться с высокородными балбесами, — посетовал отец.

— Так уезжайте из слободы, — посоветовал врач.

— Куда? — скорбно спросил отец, — я бы и сам не прочь спрятаться, в тиши и покое заняться приведением в порядок мыслей и документов. Так они ж наперечёт все мои имения знают!

— Если мне не изменяет память, Пётр Павлович, у вас есть брат, и он является настоятелем монастыря святителя Илии. Церковь неподсудна светским властям, и в стенах монастыря вас просители не достанут.

Отец задумался. Ненадолго, как он всегда это делает.

— Решено! Еду в монастырь, — провозгласил он.

Плечеевы, подобно многим другим высокородным семьям, предпочитали заводить одного ребёнка, если первенцем был мальчик. На этом, как правило, останавливались. Девочки наследовать не могли по старинному обычаю Империи, подтверждаемому каждым восходящим на трон Императором. Именно потому Павел был единственным ребёнком в

семье. А вот его дед небезосновательно прослыл большим оригиналом. Он завёл двоих сыновей: Петра, отца Павла и Кирилла. Кирилл Павлович был много младше Петра, хотя сейчас разница в возрасте уже не чувствовалась. Павел уж точно никакой разницы в возрасте между отцом и дядей не замечал. Дядя хоть официально и приходился отцу братом, но у них были разные матери. Историю повторного брака деда Павел не знал в точности, об этом в семье предпочитали помалкивать, и ни одной из своих бабушек он не видел, но одно он знал доподлинно: Кирилл был магом воздуха, что было нехарактерно для рода Плечеевых. Кирилл, будучи младшим сыном, мог бы, подобно герою авантюрного романа, начать интриговать против старшего брата, в надежде занять его место и стать наследником, но он оказался не настолько амбициозен. Или, как думал Павел, дядя был достаточно умен. Он и сам был бы не против, что бы у него был старший брат, который взвалил бы на себя обязанности главы семьи и начальника имперской тайной службы, а сам Павел мог бы жить в своё удовольствие. Кирилл получил положенное отпрыску благородной семьи образование и по достижении совершеннолетия поступил на службу в церковь. Да, в Империи церковь даже формально не была отделена от государства, священники официально являлись имперскими чиновниками. Так что дядюшка Кирилл со временем стал лицом очень и очень важным даже в общеимперском масштабе. О характере его деятельности Павел практически ничего не знал. Даже не так: он знал, что Кирилл Плечеев является настоятелем крупного монастыря, расположенного неподалеку от Александровской Слободы. Такова была официальная информация. И, как положено официальной информации, она почти наверняка не соответствует действительности. Чем на самом деле занимается дядя, Павел не знал, хотя наверняка — чем — то очень важным. Недаром отец поддерживал с ним активную переписку. И вот сейчас, далеко не факт что он захотел поехать в гости к брату только для поправки здоровья. Хотя, знать об этом Павел не желал.

В доме отца царил ужасающий кавардак, в обязательном порядке сопровождавший отъезд столь значительной персоны. Так что старуха — домоправительница принялась проявлять свой организаторский талант в полной мере. Павел же потихоньку улизнул, намереваясь отоспаться. Он позаимствовал из отцовской конюшни пару скакунов и они с Дилмуородом двинулись домой.

Что ж, планам отдохнуть не суждено было сбыться. Павел испытал чувство дежавю. Как и в день возвращения с юга, в саду его поджидал Феофан Домидов. Естественно, он ел. Как обычно, ел он со вкусом и отменным аппетитом. Павел понимал, что его раздражение при виде уплетающего булочки графа обусловлено недосыпом и усталостью, но счёл что следует выплеснуть негатив. Он плюхнулся на стул рядом с графом и сказал:

— Я исцелил отца. Вашим планам не суждено было сбыться.

— Моим планам? — Феофан выгнул бровь.

— А чьим же ещё? Отца прокляли тёмные, а вы с ними заодно. Благо являетесь одним из них. Не пытайтесь меня убедить, что не знали о проклятии отца. Если вы замешаны в заговоре, значит знаете всё о его участниках, да и вообще — сами его, скорее всего, и составили.

— Не стану спорить, я знал об этой шалости, — спокойно сказал граф.

— Шалости? — князь готов был крикнуть слуг и велеть им вышвырнуть тучного графа вон.

— Князь, прекратите истерику. Это Александровская Слобода, здесь решаются судьбы доброй половины мира, вы даже не представляете себе что творится на уровне вашего отца.

Голову даю на отсечение, он прекрасно осведомлён о том, что моя партия собиралась его проклясть — и прокляла. Так же он осведомлён о том, что именно я дал вам средство для его исцеления. Ведь этого вы не станете отрицать?

Князь задумался. А ведь верно, именно Домидов практически открыто дал ему ключ к спасению отца, когда отправил в свою библиотеку. Надо полагать, и книга оказалась на видном месте совсем не случайно. Князь несколько раз глубоко вдохнул и взял себя в руки. Однако, граф, похоже, тоже решил выпустить пар и метнул в князя ещё одну шпильку:

— Если же вам претит придворная жизнь, сделайте милость: уезжайте в имение и живите спокойно. Рыбку удите, гуляйте. Больницу для простолюдинов постройте. Многие так делают.

— Нет, — тряхнул головой князь, — я останусь здесь. Хоть мне и не нравится то, чем вы занимаетесь.

— А что же. Позвольте узнать, такого предосудительного в нашем занятии? — невинным тоном спросил граф.

— Вы обращаетесь с людьми словно с шахматными фигурами.

— Во так, значит? Интересная точка зрения, — Домидов отложил очередное канапе, положил руки на стол ладонями вниз, внимательно посмотрел на князя и начал говорить, тщательно подбирая слова:

— Помните, когда мы встретились здесь недавно, я говорил о вашем коне? О том, что дабы получить такую вот мощную и выносливую зверюгу, понадобилось на протяжении тысячи лет выводить породу, скрещивая отборных коней?

— Помню, — ответил князь, пытаясь понять, чему клонит Домидов.

— А как, по — вашему, получилось, что аристократы владеют магией, а простолюдины нет?

— Почему же? Почти в каждой деревне есть бабка или дед, которые колдуют.

— Их колдовство детские игрушки по сравнению с нашим. Даже не беря в расчёт вас. А вы, князь, не сочтите за лесть, невероятно одарённый маг. Я вот в магическом смысле слабак, но запросто заткну за пояс пару десятков деревенских колдунов.

— Вы хотите сказать, что нас, как породистых скакунов, разводят какие — то селекционеры?

— Именно это я и хочу сказать.

— И кто же эти селекционеры?

— Слышал, папенька ваш в гости к Кириллу Павловичу собирается?

— Понятия не имею, откуда вам это известно, но — да. Отрицать не буду.

— Вы составьте ему компанию, — сказав это, Феофан вытер губы салфеткой и встал.

Он почти добрался до выхода из сада, повернулся и крикнул князю:

— Ваша маман, кстати говоря, спешно уехала на из Слободы.

Князь развёл руками, как бы вопрошая: ну и что? Феофан не ответил на безмолвный вопрос. Он покачал головой и ушёл.

— Ты что — nibудь понял? — спросил князь у Дилмурода.

— Надо ехать к вашему брату, — ответил он немного невпопад.

Князь встал, сложил руки за спиной, поднял голову и посмотрел на небо.

— Я пойду вздремну, а ты, братец, будь добр, съезди к отцу. Уведомь управляющую, что мы с тобой с ними поедem. Пускай нас дождутся. Как вернёшься, распорядись, чтобы собрали нас в дорогу.

Дилмурод невозмутимо кивнул головой и пошёл к коню. Князь поднялся к себе и повалился на кровать не раздеваясь.

Проснувшись, он потребовал ванну. Залез в горячую воду и чуть не захлебнулся, уснув там. Его разбудил слуга. Князь наскоро облился холодной водой, вытерся насухо, после оделся в свежую одежду и пошёл в столовую, велел позвать к столу Дилмурода. Тот спустился. Лицо его несло на себе следы усталости, но вслух никакого недовольства он не высказал. Павел рассказал несколько анекдотов, но успеха не имел. Дилмурод вежливо выслушал князя, после чего сказал, что выезд в монастырь назначен на завтра, с рассветом. Князь усмехнулся. Отец не признавал часов, и встречи назначал опираясь на движение солнца. Однако ж, никто в Александровской Слободe, да что там — во всей Империи и за её пределами, не мог бы сказать что отец хоть раз опоздал на встречу. Раз сказал что выезд на рассвете — значит на рассвете. Князь отпустил Дилмурода — тот лишь невероятным усилием воли не начинал клевать носом, а сам пошёл в кабинет, где наконец — то начал записывать подробности своего путешествия. Рано или поздно он попадёт на приём к Императору, и тот может попросить подробного отчёта, так что лучше иметь наготове рукопись. Придётся собственноручно написать два экземпляра. Один оставить в семейной библиотеке. В ней хранились личные записки множество поколений князей Плечеевых, описания их путешествий, размышления об устройстве мира и государства, а так же магических приёмов и природы магии. Последние представляли особенный интерес. Все семьи высшего ранга тщательно оберегали свои секреты. Вопреки политике императоров, требующих делиться знаниями, поскольку это позволяло наращивать совокупную мощь аристократии, никто не спешил делиться по — настоящему серьезными находками.

Благородные семьи до сих пор соперничали между собой, пускай теперь вражда не означает кровопролитных столкновений на поле боя и даже магические дуэли стали редкостью. В современную эпоху аристократы соперничали при дворе. Они интриговали, выслуживались перед Императором и его фаворитами, проталкивали на важные должности своих протеже и выбивали для них ордена с нужными свойствами. Ложь, обман и недомолвки были одними из важнейших орудий этой войны и Феофан Домидов был величайшим из ныне живущих мастеров Игры. Так что безоглядно верить ему относительно сознательной селекции среди благородных семей не стоит, однако съездить к дяде в гости всё же следует. И что там он говорил про отъезд матери? Это какой — то намёк, или просто отвлечение внимания? Князь почувствовал тяжесть в голове и решил отложить рассмотрение

сих важных вопросов на завтра. Или на послезавтра.

Следующим утром князь смотрел на своё отражение в зеркале и недовольно хмурился. Поход на юг и последовавшее за ним долгое возвращение домой оставили свой след на его лице. Под глазами залегли мешки, уголки губ опустились внутрь. Он вздохнул, умылся. Позавтракал, без особого аппетита запихивая в себя еду, после чего отправился к отцу. У особняка Плечеевых уже выстроилась кавалькада экипажей и телег, нагруженных множеством предметов первой необходимости, таких как: концертный рояль, дубовый стол, за которым отец привык работать, и коллекция бюстов императоров прошлого. Павел велел кучеру пристроиться в хвост кавалькады и дожидаться отправления, а сам погрузился в чтение последнего выпуска «Императорского вестника». Надо наверстать упущенное за время путешествия время. Он долго пробыл на юге и, естественно, ему казалось что центр противостояния великих держав расположен именно там. Князь с ранних лет знал, что человеческий разум любит лениться и считать касающиеся его непосредственно проблемы самыми главными. Так же твёрдо Павел усвоил, что разум часто обманывает своего владельца. Потому надлежит узнать о других мировых проблемах, помимо происходящего на южных границах, и таким образом привести мысли в порядок. Помимо международных, его внимания требовали и проблемы внутриимперские. Таковые, как правило, концентрировались у подножия престола. Хотя в последние он успел влезть с головой сразу как прибыл в Александровскую Слободу.

Кавалькада тронулась и медленно покатила по улицам, направляясь к юго — восточному выезду из Слободы. Однажды ещё в детстве Павел случайно услышал разговор прислуги, из которого следовало, что вокруг Слободы оборудована едва ли не граница, не уступающая самым охраняемым рубежам Империи по защищенности. Караул на ней несли, со слов слуг, отборные части имперской гвардии. Однако ж, лично князь ни с какой охраной не сталкивался. Из чего следовало, что либо её нет и всё это досужие выдумки прислуги, либо же охрана периметра препятствовала всем, кроме постоянных обитателей Слободы. Последнее вполне вероятно.

Вскоре они пересекли невидимую границу между вылизанными до блеска и ухоженными улочками Слободы и обычными дорогами Империи. Карету начало ощутимо покачивать, и князя снова клонило в сон от чтения. Чтобы не уснуть, он начал рассматривать пейзажи. Это не принесло облегчения: однообразные всхолмленные равнины, перемежающиеся с казалось бы неподвижными речками и небольшими озерцами, навевали скуку. Князь вернулся к чтению. Барон Кайзердорф — Царский разразился очередной статьёй о заговоре против Империи, который он якобы доблестно раскрыл. Барон постоянно раскрывал выдуманные заговоры. Вот и в этот раз он расписывал в красках как разбогатевшие на торговле хлебом и углём купеческие гильдии, желая приобрести близкие к аристократическим права, тайно финансируют группы фанатиков — экстремистов, исповедующих причудливую идеологию. Сути же якобы присущих фанатикам взглядов князь так и не смог уяснить из путаных объяснений барона. С картинки, приложенной к статье на него глянула худая девица с аскетичным, чтобы не сказать — изможденным лицом и огромными, на пол-лица, глазами. Фотография вызвала в памяти князя Велемиру Воронову. Было в ней что-то, не дающее князю думать о ней безразлично, хотя и симпатией испытываемые им чувства назвать было нельзя. В конце концов, он видел-то её один раз, да и то посредством внушенной Домидовым иллюзии. К тому же, она тёмная, и не из последних, а значит умеет вторгаться в разум. Князь взмахнул рукой, словно отгоняя

наваждение. Он высунулся в окно:

— Дилмурод, составь мне компанию, — бросил он скачущему рядом...кому? Пока они путешествовали на юге, вопрос о статусе Дилмурода не посещал князя ни разу. Он был попутчиком, с которым не раз приходилось совместно отбиваться от нападавших бандитов и спать, укрываясь одним плащом холодной пустынной ночью. Но после возвращения так дальше не могло продолжаться. В конце концов, он — наследник благородной семьи, а Дилмурод — бывший разбойник из диких краёв. Вряд ли он согласится на роль личного слуги, но ничего другого князь Плечеев безродному бродяге предложить не может. Разве что кошелек с приличной суммой в качестве благодарности за оказанные услуги и пожелание счастливой дороги. Дилмурод без лишних слов соскочил с лошади, накинул уздечку на ручку дверцы и вскочил на ступеньку кареты. Он вопросительно взглянул на князя.

— Помнишь, мы пережидали песчаную бурю в пещере?

Дилчмурод сверкнул белозубой улыбкой из — под чёрной бороды.

— Ты меня тогда учил вашей игре, — продолжил князь, — может быть, напомнишь правила?

Дилмурод пожал плечами и влез в карету. Уселся напротив князя и вытащил из перекинутой через плечо сумки горсть камешков двух цветов и игровое поле, состоящее из шести углублений, по три расположенных напротив друг друга. Они погрузились в игру.

Ближе к вечеру они достигли монастыря. Вид на него с вершины ближайшего холма открывался шикарный. Остроконечные крыши церкви сияли позолотой, аккуратные, словно игрушечные белые дома расположились вокруг в живописном беспорядке. Вокруг комплекса зданий монастыря, окруженных невысокой стеной, зеленели поля, поделенные на ровные прямоугольники. Через небольшую речушку, на берегу которой и расположился монастырь, перекинут добротный мост, сложенный из крупных брёвен. На склонах окружающих холмов паслись во множестве стада коров. Слуха князя донеслись звуки пастушеской дудки.

— Благодать, — услышал он слова кучера. Действительно, картина была благостная, навевающая покой.

— Тут хозяина живо на ноги поставят, — вторил кучеру голос одного из слуг, — местечко-то намоленное, да и лекаря тут знатные, моего свояка от грыжи исцелили.

Кавалькада подъехала к мосту, где и остановилась. Въезд на мост преграждало толстое бревно, ощетинившееся заострёнными сучьями, по бокам от него стояли рослые широкоплечие монахи с окладистыми бородами. На груди у одного блестел орден. Князь создал у себя на глазу тонкую пленку из слезы, усилием воли придав ей форму линзы и рассмотрел орден. Ого, Егорий Змееборец. Орден очень сильный и чрезвычайно редко вручаемый. Монах, похоже, до пострига успел повоевать, и даже совершил на воинской службе подвиг, достойный такой высокой награды. Линза не удержалась, лопнула, стекла по щеке князя словно слезинка. Он поймал на себе удивлённый взгляд Дилмурода, но объяснять ничего не стал.

Из второй с начала колонны кареты высунулся отец, монах увидел его и тут же распорядился убрать препятствие с дороги. В считанные минуты монахи отодвинули бревно на обочину и кареты поочерёдно начали преодолевать мост. После того как на том берегу оказались вся процессия, экипажи вновь выстроились в колонну и направились к воротам монастыря. Впереди них бежал молодой монах. У ворот он выкрикнул что-то неразборчивое и створки тут же начали открываться. Карета Павла въехала в монастырский двор и остановилась. Он открыл дверцу, спрыгнул на землю и огляделся. Везде царил идеальный

порядок, дома были аккуратно побелены, дорожки выложены полированным камнем, клумбы обихожены, люди деловиты и целеустремленны.

— Кхм, — услышал он деликатный кашель и обернулся на звук. В паре шагов от него в почтительном поклоне застыл человек в монашеском одеянии, с зажатой под мышкой холщовой сумкой.

— Княжич Павел Плечеев, я полагаю, — вымолвил человек.

— Князь, — автоматически поправил его Павел. Он давно перестал злиться на казавшееся ему в юности пренебрежительным обращение «княжич». Плечеевы с незапамятных времён пользовались пожалованной монархом привилегией именоваться князьями с самого рождения — при условии что сын был единственным.

— Нижайше прошу простить, — человек склонился ещё ниже, — Если угодно, я покажу вам вашу комнату. Вашего слугу проводят в покои, соответствующие его званию.

Павел проследовал за человеком к высокому крыльцу, а после они долго шли длинными путаными коридорами. Если снаружи здания монастыря выглядели образцом порядка и предсказуемости линий, то внутри они напоминали клубок змей, приготовившихся к зимовке. Князь старался запомнить все повороты, но вскоре решил, что это не лучшая затея, и что надо бы вытребовать себе проводника, иначе он рискует заблудиться в хитросплетениях коридоров.

— Вот мы и пришли, — человек услужливо распахнул перед князем дверь в комнатушку, обставленную более чем скромно.

— А как мне отсюда выбираться, если я решу погулять?

— Не стоит самостоятельно пытаться гулять по нашим коридорам, — монашек по — прежнему выглядел воплощением подобрастия, но тон его голоса не подразумевал дискуссии.

Словно дрессировщик говорит с норовистым жеребцом, мелькнула мысль в голове князя.

— Что ж, в чужой монастырь со своим уставом не суются, — сказал он.

— Ваша правда, князь, хотя этот монастырь вам не чужой. Я поблизости буду, на этой вот лавочке. Как захотите куда прогуляться — только скажите, я провожу.

Монашек уселся на лавочку у стены коридора, прикрыл глаза и принялся беззвучно шевелить губами, перебирая чётки. Князь пожал плечами и закрыл дверь.

В его распоряжении имелась узкая кровать, накрытая тонким матрасом, столик для умывания с тазиком и кувшином, а так же сундук. Сундук, как он сразу убедился, пустой и. похоже, предназначен для его вещей. Которые остались в карете, надо полагать.

— Эээ... — как же к нему обращаться?

— Братец, а где мой багаж? — сказал он в пустоту, надеясь что монашек услышит.

Ни звука в ответ. Князь растерялся. Ему не приходилось ранее иметь дела с монахами и он понятия не имел, как с ними следует обращаться. Они ему не ровня — это ясно, но допустимо ли с ними обращаться как с простолюдинами? Князь сел на кровать и погрузился в размышления. Он уже решил было, что следует прикрикнуть на нахально игнорирующего его монашка, как в коридоре послышалось сопение. Дверь распахнулась, на пороге показался дородный румяный монах. На плече он держал огромный мешок с вещами князя. Он аккуратно опустил мешок на пол и вопросительно посмотрел на Павла. На мгновение в его глазах мелькнуло странное выражение. Князь подождал, не скажет ли монах чего-нибудь, не дождался и отпустил его.

Кое-как умылся, поливая себе на руки из кувшина — умываться, налив предварительно воду в тазик не пришло ему в голову. Осмотрелся в поисках зеркала, не обнаружил такового и причесался на ощупь. После переоделся, открыл дверь и произнес, чеканя слова:

— Я хочу видеть своего дядю Кирилла.

Монашек открыл глаза. Встал и всем своим видом выразил готовность проводить высокородного гостя. Князь заложил руки за спину, задрал подбородок и пошагал следом за семенящим монашком.

В этот раз они добрались до цели гораздо быстрее, у князя даже появилось подозрение, что в прошлый раз монашек специально вёл его кружным путем, намереваясь запутать. В этот раз он довольно быстро оказались перед украшенной резьбой дубовой дверью, у которой монашек остановился и глазами указал князю, что дальше ему следует идти одному.

За тяжелой дверью оказалась небольшая комнатка, обставленная столь скромно, что это вызвало у Павла чувство нелепости происходящего. Словно ему прислали дорогую, богато инкрустированную шкатулку, он открыл её, предвкушая подарок, а внутри оказался булыжник. Комната оказалась проходной, в противоположной стене имелся проход, рядом с которым за небольшим столиком сидел монах, похожий на сопровождающего Павла сюда человека как брат — близнец. Он поднял глаза на Павла и указал ему на дверь приглашающим жестом. Князь вошел, и на этот раз он попал в кабинет, достойный высокопоставленного имперского чиновника. Из — за стола поднялся его дядя, широко разведя руки, словно собрался радушно обнять гостя. К ужасу Павла, дядя Кирилл его действительно обнял. Кирилл Плечеев был совершенно не похож на своего брата. Он пошёл в мать, был высок, плечист, русоволос и румян. С небольшими карими глазами. Одним словом, дядя Кирилл являл своим видом полную противоположность худощавым, бледным и яркоглазым Плечеевым.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, дорогой племянник! — провозгласил он натренированным пастырским басом.

Павел отстранился и вежливо улыбнулся.

— Отец немного приболел и решил что восстановление здоровья в монастырских стенах пойдёт быстрее. Я сопровождаю отца.

— Павлуша, тебе не требуется никаких причин для того чтобы посетить своего любимого дядю Кирилла! В окормляемом мною монастыре ты всегда желанный гость! — пророкотал дядя. Он вернулся к столу, проревел:

— Чаю сюда! — и указал Павлу на стул. Князь воспользовался приглашением.

— Я думал, что отец уже у вас.

— Мы с братом успеем наговориться, а пока его осматривают мои целители. Недуг серьёзный. Ты молодец, нечего сказать, спас отца, однако проклятия такого уровня обычно многосоставные, с отложенными последствиями. Расчёт, как правило, при наложении подобного рода порчи на то, что излечение будет быстрым и направленным на главную опасность, то есть на предотвращение скорой смерти подвергшейся проклятию персоны. Эти меры сами по себе полезны, но активируют скрытые слои проклятия. Проклятый идёт на поправку и целители успокаиваются, а тем временем медленное проклятие подтачивает человека изнутри. Не обязательно убивает, оно может влиять на личность человека, подвергшегося порче.

— Не знал, что вы такой специалист по темным искусствам, дядя.

— А чем, по — твоему, мы тут занимаемся? Вверенная моему попечению обитель является крупнейшим в Империи центром изучения проклятий. Выскочки с Ласточкиного архипелага могут думать о себе что угодно, но правда в том, что мы разбираемся в этом лучше всех. Мои братья постоянно путешествуют, они забираются в самые глухие уголки Империи, изучая темные искусства.

Монах внёс сияющий медный самовар, кружки и разлил чай. Павел прикоснулся губами к краю чашки, но пить не стал, он не любил горячего, если, конечно, это не был приготовленный Дилмуродом кофе.

— Дядя, могу ли я воспользоваться случаем и почитать что-нибудь полезное по поводу снятия проклятий из вашей библиотеки? Или вы не записываете знания, предпочитая хранить их устно?

Кирилл жизнерадостно расхохотался:

— Ну что ты, Павлуша, конечно у меня есть библиотека. Скажешь Васильку, он тебя сопровождать приставлен, он тебя проводит куда надо.

— Раз уж зашла речь про этого Василька, что у вас тут за лабиринт, по которому он меня водит?

Кирилл посерьёзnel.

— Павел, в монастыре много чего происходит. Не всё тебе, уж извини за откровенность, знать надобно. Живи себе, пользуйся библиотекой. Где трапезная, баня и прочие необходимые удобства найдутся тебе покажут. Отца можешь навещать — когда с ним не работают мои умники, но дальше не пытайся проникнуть. Я не угрожаю, но внутри этих стен моё слово — закон. Хоть ты мне и племянник, хоть ты и сын князя Плечеева, да и сам князь, но уважай наши обычаи. Не лезь, куда не позволено.

Павел понимающе кивнул. Выдержал тяжёлый взгляд Кирилла. Тот с минуту молчал,

прихлебывая чай. После чего решил, что о серьёзном пока достаточно, широко улыбнулся и принялся расспрашивать князя о его приключениях на юге. С определенного момента он попросил князя обождать, кликнул помощника и тот начал записывать рассказ Павла. Они говорили довольно долго. Кирилла очень интересовала обстановка на южных границах. Павел понял из расспросов Кириллы, что дядя достаточно глубоко погружён в происходящее там. Наконец, князь откланялся и попросил Василька проводить себя в трапезную.

После сытного обеда в компании молчаливых монахов, он распорядился показать себе монастырскую библиотеку и, к немалому удивлению, получил вежливый, но решительный отказ. Василек не стал объяснять причин. Просто сказал:

— Посетить библиотеку вы сможете в ночное время. Вам это подходит?

Делать нечего, пришлось соглашаться. Павел в принципе не собирался разыскивать в библиотеке знаний о проклятиях. Точнее, он не считал это основной своей задачей, хотя новые знания никогда не бываю лишними. Основной задачей было узнать, что имел в виду Домидов, когда говорил о роли церкви в селекции магических способностей. Наверняка удастся как-то усыпить бдительность стража и поискать информацию.

Павел с трудом дождался вечера. Окно в его комнатке было узким и упиралось во внутреннюю сторону окружавшей территорию монастыря стены. Так что понять в какой части здания понять было невозможно. Хорошо хоть солнечный свет проникал.

Когда стемнело, а колокола отзвонили вечернюю молитву, в его дверь тихонько постучался Василёк. Князь уже изнывал от нетерпения. Следуя за провожатым он прошёл путаными скупо освещёнными коридорами. Дважды начав считать повороты и дважды сбившись со счёта, князь наконец оказался в просторном зале с низкими сводами. Зал был уставлен множеством шкафов с полками, забитыми книгами. Помещение чем — то напоминало комнату в особняке, где проходила встреча темных, когда он похитил по наводке Домидова книгу со средством для снятия проклятья. Однако имелись и отличия. Здесь царил порядок. В отличие от библиотеки в особняке, более похожей на собрание редкостей, которые лежали на местах, куда их положил хозяин особняка и только ему ведомо где что лежит. Здесь же всё было подчинено интересам посетителя: ряды шкафов пронумерованы, каждому отдельному шкафу присвоена буква, что отражено на табличках, приделанных с торца. Князь взял наугад книгу с ближайшего шкафа и открыл её. «Сводка урожаев по губерниям, туземным районам и поместьям». Как там папа учил: «Всегда и во всём ищи закономерность. Это позволит разобраться в истинных причинах и предугадать будущее. Такова основа любого расследования». Князь поставил книгу на место, просмотрел ещё несколько из этого шкафа. В результате расследования им было установлено, что в данном шкафу хранятся книги со сведениями об одной из основ экономики Империи: сельском хозяйстве. Дело, безусловно, важнейшее и требующее внимания — но только не прямо сейчас. Следующие несколько шкафов были набиты литературой такого же рода. Далее шли книги со сведениями по лесному хозяйству, внутренним водным и сухопутным путям, горным разработкам и так далее. Василек деликатно кашлянул. Князь вздрогнул. Он совсем забыл о его присутствии. Что ж, можно и воспользоваться присутствием приставленного к нему монашка.

— Братец, а где мне найти книги о природе проклятий и способах борьбы с ними?

— Думаю, в отделе проклятий, — отвечивал монашек.

Князь почувствовал раздражение.

— И где же сей отдел находится?

Вместо ответа монашек указал пальцем вверх. Князь поднял глаза и мысленно выругал себя за глупость. Под потолком висели деревянные таблички с указаниями: «Стихийная магия, Огонь» или «Туземные племена побережья Ледяного моря». Павел медленно пошёл вдоль шкафов, всматриваясь в надписи на табличках. Он увидел «Тёмная магия. Проклятия и порча» и остановился у шкафа, принявшись разглядывать надписи на корешках книг. Одновременно с этим он боковым зрением наблюдал за Васильком. Монашек уселся на стул и прикрыл глаза — судя по всему он использовал для молитвы любую представившуюся возможность. Должно быть, великим грешником в миру был Василек. Князь, медленно перебирая корешки и шевеля губами, понемногу сдвигался влево, постепенно скрываясь таким образом с глаз Василька. Нет никакой гарантии что он не наблюдает за князем из — под полуприкрытых век, так что надо действовать осторожно. Наконец, князь оказался скрыт от возможного наблюдения со стороны монашка. Он поставил книгу назад на полку и двинулся вглубь библиотеки. Его взгляд шарил по табличкам выискивая хоть что — то о том, на что намекал Домидов. Зачем это понадобилось Павлу — он и сам не смог бы сказать. По большому счёту всё наладилось, отец выздоравливает, нет больше необходимости срочно вступать в брак, рискуя нажать в результате сделанного выбора врагов в лице отвергнутой придворной партии. Можно жить спокойно, как раньше. Но ему не давала покоя мысль, что он лишь плод селекционного отбора. Не то что бы то ущемляло его гордость, скорее князь руководствовался чистым расчётом. Люди, разводящие породистых коней, являются их хозяевами. Князю не нравилось, что у него есть неведомый хозяин или хозяйева, вырастившие его с какой — то целью. Ведь если Домидов говорит правду, и таковые действительно есть, то выходит что вся история с отравлением отца, должным привести его к смерти, а Павла к браку, была инспирирована неведомыми хозяевами. Они сочли, что Павел созрел для размножения и подобрали ему подходящих кандидаток. Неприятно. Следует по крайней мере выяснить, какое к этому всему имеет отношение его дядя.

Размышляя подобным образом он наткнулся на корешок книги с надписью: «Родословные благородных родов». Он схватил книгу, принялся листать её и вскоре разочарованно вернул на место. Обычная ничем не примечательная летопись родословных. В ней не содержалось ничего, что бы не было известно ему раньше. Он побрёл дальше. До задней стены библиотеки оставалось совсем немного, и Павел остро чувствовал всю инфантильность своего плана. Ну кто же станет хранить тайные сведения в монастырской библиотеке? А если и станет, то точно не пустит туда неразумное дитя, каковым его считает отец — и небезосновательно, надо признать.

Он свернул за угол, и споткнулся об острый как кавалергардская шпага взгляд зеленых глаз Велемиры Вороновой. Она прижала ладонь к его рту, хотя князь и не думал вскрикивать от испуга или неожиданности. Убедившись, что предосторожность была лишней, Велемира убрала ладонь.

— Что здесь делает одинокая девушка? — когда ситуация выходит из — под контроля, прибегай к формальной вежливости — это помогает выиграть время и обдумать дальнейшие шаги, учил его отец.

— Ожидает тебя, — ответила Воронова.

— И зачем же, позвольте поинтересоваться?

— Должна же я познакомиться с будущим муженьком. У нас женщины не скот, который случают с кем хозяйева решат.

— Не могу не согласиться. А у кого это — у вас?

— У тёмных.

— Я знаю множество родов владеющих темной магией, но они вступают брак как и все.

Такова жизнь.

Воронова улыбнулась одними губами, глаза же её оставались спокойными словно поверхность болотной трясины.

— А ты, князь, ищешь здесь чего?

— Ответов на вопросы.

— Ну так спрашивай. Помнишь, как в ваших сказках: приходит добрый молодец к бабе Яге, она ему на вопросы отвечает.

— А потом пытается съесть. Как же, помню.

— Это уже ваши выдумки. Вы всю нашу культуру в пугало превратили, или в посмешище. Что ещё обиднее.

Обиженной Велемира не выглядела. А вот опасной — очень даже. Князь как-то сразу понял, что Василёк их не услышит. Может быть в сговоре с ней, а может и мертв.

— Он околдован, — сказала Велемира, — и нет, мыслей я читать не стану. К такой мерзости я прибегаю в самом крайнем случае, это как на внутренностях гадать. Противно. Так что за вопросы тебя беспокоят, князь?

Павел мигнул.

— Кто пытался убить моего отца. Точнее, зачем? Что за рассказы о хозяевах, которые благородных разводят как породистых коней? Что замышляет Домидов и что, в конце концов тут делаешь ты?

— Как много вопросов. Твоего отца пыталась убить твоя мать и кто — то из тёмных.

— Ты не имеешь к этому отношения?

— Я бы его точно убила, если бы собиралась. Да и они не хотели. Просто подталкивали тебя к выбору. Но это не самый важный вопрос, а вот второй поважнее будет. Дело в том что таких как ты довольно мало.

— Таких как я?

— Магов, которые родились в семье магов.

— Ну это совсем уж. Магия — наследственное свойство, именно потому миром правят благородные, а не чернь.

— Очень удобно получается, не так ли?

— У церкви есть свое объяснение этому.

— У вашей церкви много чему есть объяснение. Чаше всего — лживое.

— А у тебя, думаю, есть правдивое и ты со мной им сейчас поделишься?

В глазах Велемиры начало разгораться холодное зелёное пламя.

— Да, поделюсь. С тех пор как вы пришли на нашу землю, вы завели свой порядок. Внушили всем что дар принадлежит только вам. Кто принял вашу власть — у тех дар тоже наследственным стал. Ты, князь, никогда не задумывался, почему вы, благородные, совсем не помните себя до пяти — семи лет?

— Так это естественно.

— Вовсе нет. Простолюдины помнят себя с гораздо более юного возраста. У многих сохраняются воспоминания даже с младенчества. Отрывочные, путанные, но сохраняются.

Князю захотелось одновременно рассмеяться и почесать в затылке. Слова Велемиры были настолько нелепы, что...

«Запомни, Павел: правда редко бывает правдоподобной. Обычно она нелепа», вспомнил

он слова отца.

Ведьма придвинулась ближе. Продолжила, щекоча его кожу своим дыханием:

— А ещё простолюдины не так уж похожи на своих родителей, а уж тем более на бабушек и дедушек. Почему так?

— Они не дисциплинированы. Пугаются промеж себя, как животные, — заученным тоном произнес Павел.

— Нет, не по этому. Просто они родители своих детей, так же как и мы, тёмные, а вы — нет.

Она придвинулась ещё ближе. Зашептала ему прямо в ухо:

— Знаешь, чем занимается твой дядюшка, так любезно пригласивший тебя сюда? В каждой деревне на ваших землях есть церковь. А в ней есть священник. По традиции после рождения ребенка его приносят священнику и оставляют на одну ночь. Он должен отгонять от ребенка бесов, стремящихся вселиться в только что рожденного, и пока лишено души. Иногда, очень редко, утром мать приходит в церковь и не получает ребенка назад. Священник говорит в таких случаях, что не удалось отогнать беса. И уезжает — замаливать грех. Матери выплачивает щедрое вознаграждение местный помещик.

— Дети болеют, такова жизнь. Иногда умирают в младенчестве по непонятным причинам.

— Да, такое бывает, но далеко не всегда. Правда в том, что если у ребенка есть дар, его увозят в монастырь вроде этого, где воспитывают. Благородные так же отдают своих детей в монастыри в очень юном возрасте. И они неизменно возвращаются домой, овладев своим даром. Возвращаются как две капли воды похожие на родителей.

— Я тоже провел юность в монастыре. Отец рассказывал, — сказал князь, но Велемира словно его не слышала.

— Церковь с детьми делает три вещи: стирает память обо всём что с ними происходило до отъезда домой, меняет внешность, придавая сходство с новыми родителями и подбирает подходящую семью. С тобой сделали только первых две. Ты, в отличие от большинства, живешь со своими настоящими родителями.

Князь нахмурился. Сказанное Вороновой так и не складывалась в единую картину.

— Феофан ошибается, думая что церковь занимается селекцией выводит великих магов, хитроумными интригами соединяя пары. Церковь просто отбирает магически одаренных детей у простолюдинов, и отдает их в семьи благородных.

— Но... что происходит с детьми, рожденными в благородных семьях?

Велемира не ответила.

— Неправильный вопрос. Простолюдинов намного больше, чем вас, и детей у них больше, крестьянки вообще каждый год рожают. Неизбежно появляются лишние магически одаренные дети. И вот умные культурные мужчины, вроде твоего дядюшки, отбирают тех, кто одарен более других, а остальных... выбраковывают.

Князь побледнел, развернулся и на деревянных ногах пошел назад.

— Подожди, князь, — сказала Велемира таким голосом, что Павел не смог противиться приказу, — Кирилл думает, что заманил меня сюда, дабы ты выбрал брак со мной, несмотря на то что отец твой выжил.

Князь стоял, понимая что не может пошевелиться.

Велемира ещё немного подержала его, наслаждаясь своей властью. Наконец сжалась:

— Ступай князь. И будь осторожен сегодня вечером, — сказала она, сделала шаг назад и

растворилась в темноте.

Василек едва заметно вздрогнул, когда Павел слегка тронул его за плечо. Он открыл глаза, в которых не было никакого выражения, словно у мертвеца. Пару раз монашек мигнул, взгляд стал осмысленным.

— Куда вас проводить, князь? В ваши покои, в трапезную или желаете посетить баню? Последнее очень рекомендую. Брат Афанасий топит на славу. Венички дубовые есть.

Павел брезгливо поморщился. Что за варварские развлечения!

— Благодарю вас, но не воспользуюсь. Мне нужно к дяде.

— Как угодно, — ответил монашек и пошёл по коридорам. Время от времени он останавливался. Прислушиваясь. Князь напряг слух и с трудом уловил шаги дальше по коридору. Василек ожидал пока шаги стихнут и только после этого вел князя дальше.

Окна располагались высоко под потолком. Выглянуть в них не представлялось возможным, но несколько раз сменившееся направление солнечных лучей ясно говорило о том, что Василь вел его кружным путем. Это укладывалось в теорию о том, что монастырь, в котором заправляет Кирилл Плечеев, занимается отбором и воспитанием магически одарённых детей. Именно по этой причине Василь старался не столкнуться ни с кем из идущих по коридорам.

Наконец, их путь подошёл к концу, и они оказались перед уже знакомой Павлу дубовой дверью, ведущей в кабинет Кирилла. Он прошёл, не удостоив сидящего в приемной монаха взглядом. Князь втайне надеялся, что тот возмутится, но к его неудовольствию монах и бровью не повёл. Он вообще, наглец эдакий, взял, нахлобучив очки на нос и беззвучно шевеля губами.

В кабинете Павел обнаружил дядю Кирилла в компании отца, пребывающих в приподнятом настроении. Они душевно поприветствовали Павла, усадили за стол и предложили разделить с ними радость дегустации монастырской настойки. Одно перечисление содержащихся в ней трав грозило продолжаться часами, так что Павел прервал дядины словоизлияния и спросил напрямую:

— Дядя, а правда что вы отбираете у простолюдинов магически одаренных детей и передаете их в благородные семьи?

Он ожидал немой сцены. Ожидал, что дядя с отцом многозначительно переглянутся и один из них начнет говорить мягким, вкрадчивым тоном, тщательно подбирая слова... Но нет. Они были совершенно невозмутимы и молча смотрели на него. От досады князь шлепнул по ладонью по столу:

— Да скажите же хоть что-нибудь!

— А что тут говорить? Это правда, — ответил отец. — Ты мне родной, дар у тебя врожденный. Хотя внешность пришлось подкорректировать, волосы — то у тебя в мать пошла, от рождения рыжие были. А вот Кирилл неведомо какого рода племени.

— Я плоть от плоти Плечеев, — торжественно продекламировал дядя, после чего они с отцом чокнулись и опрокинули содержимое рюмок в рот.

— Правильно говоришь, Плечеев ты. Кровное родство, оно для простолюдинов важно. Нам же, благородным, важнее чтобы страна стояла. А для этого нам необходимо чтобы ни у кого, даже у перепившегося до полного помрачения рассудка гуляки и тени сомнения не возникало в праве благородных править. Мы сильны до тех пор, пока щелчком пальцев

можем простого человека жизни лишить. Ты сам подумай, Паша, вот допустим на войну идет полк. Полного состава полк, тысяча человек, с обозом, при броне и оружии. А с ними всего три человека из благородных. И вот эти три молодых парня будут посылать на смерть сотни человек. Допустим, надо реку форсировать и врагу в незащищенный фланг ударить, или для успешной атаки нужно отвлекающий маневр организовать. И вот, безусый юнец объявляет сотне бывалых, не одну военную кампанию прошедших головорезов, что им предстоит идти в безнадежную атаку из которой хорошо если половина вернется. Станут они его слушаться, коли не будут знать, что он их может в мгновение испепелить, утопить или заставить между собой драться?

— Я не стану с этим спорить. Но зачем же всех без исключения детишек одаренных забирать? Можно только самых сильных, а слабых оставлять. Какую пользу слабые целители могут крестьянам оказать? Ведь целые сёла вымирают от заразы, пока к ним целитель придворный доберется. А может и не поехать, если у цесаревича приступ простуды совершится.

— Верно, — с неприятной улыбкой ответил Кирилл, — но так мы порушим всю систему. Сейчас есть четкое деление: есть мы, благородные и могущественные, и есть простолюдины, которые могущества лишены. Если же не будет четкой границы между сословиями, всё рухнет. Какому — нибудь разбогатевшему на торговле или добыче золота мужику рано или поздно придет в голову мысль, что сотня слабых магов имеют шансы против одного сильного. От этой мысли до гражданской войны один шаг остается. Ты этого хочешь для нашей Империи?

Павел мотнул головой.

— Ну так прими существующее положение вещей, и займись тем, что приличествует наследнику рода Плечевых, — неожиданно жестко сказал отец. В душе Павла поднялась буря негодования:

— Отец, я этим и занимаюсь! Тебя прокляли и я тебя с того света, можно сказать, вытащил! Темные сцепились с Витеничами, они хотели тебя убить, а меня привлечь на свою сторону.

— Я знаю, — спокойно сказал отец.

— Знаешь!? — поразился Павел.

— Конечно. Это был риск, но риск разумный. Злоумышленники вскрыли свои замыслы, ты проявил себя хорошо. Я горжусь тобой. сын. Кстати, кого ты выбрал в жены?

— Никого, — буркнул князь, — ты сам — то когда женился? Вот и я торопиться не буду.

— Разумно, — согласился отец, — но если бы я умер, ты кого бы выбрал?

— Ведьму, наверное.

Отец выразительно посмотрел на своего брата. Тот тяжело вздохнул и отодвинул чёлку. У Павла глаза на лоб полезли от удивления, когда отец отвесил Кириллу увесистый щелбан, а тот покряхтел и молвил:

— Вероника злая будет.

— Да и пусть её злится, — беззаботно махнул рукой отец, — Паша, ты иди. Мы с Кириллом о своём покалякаем. Сегодня в трапезную спускайся, познакомлю тебя кое с кем. Хотя ты. Думаю, уже успел с ней познакомиться.

— Отец, погоди. Я правильно понимаю, что сейчас при дворе борются две партии?

— При дворе всегда идет борьба, и партий немного больше, чем две. Но в целом — да,

ты прав.

— И мы, Плечеевы, выступаем на стороне тёмных?

— Нет, конечно. Мы, Плечеевы — опора трона, и потому сейчас мы используем темных в интересах короны.

— Но ведь это настоящие тёмные. Не такие, как Домидов и подобные ему, это настоящее зло. Я ведь был у них на сборище. Я думал, что они давно истреблены, но они живы.

— Никакого зла не существует. Есть инструменты, и эти мрачные семьи с их изуверскими ритуалами всего лишь инструмент. Инструмент неприятный, но эффективный. Мы используем их: столкнем с Витеничами, и таким образом ослабим и тех и других, а сами выйдем победителями. Как и всегда. К тому же, Домидов силён. Он справится с ними.

— И сам немного ослабнет заодно, а то много силы себе забрал, — буркнул Кирилл. Отец согласно кивнул.

— Но они же прокляли тебя, отец!

— А Домидов, узнав об этом, помог тебе найти лекарство. И с радикалами не поссорился и мне помог. Хотя тебя темные теперь не очень любят, так что будь аккуратнее. Ладно, иди себе. Только от Василька сбегать не пытайся.

Павел встал. Направился к двери.

— Я серьезно, — сказал ему вслед отец, — даже не пытайся сбежать от Василька.

Павел попросил Василька проводить куда — нибудь, откуда видно хоть что — то кроме стен. Тот не долго думая, привёл князя на небольшую террасу, с которой открывался прекрасный вид на окружающую монастырь местность, но при этом с неё никак нельзя было наблюдать за происходящим во внутреннем дворе. Ну, хоть что — то, решил князь и выразил желание остаться здесь. Василек ничуть этому не удивился, или не подал виду. Уселся себе в уголке и принялся беззвучно молиться. Павел некоторое время честно пытался полюбоваться пейзажем. Как и всегда — не получилось. Он был плотью от плоти Александровской Слободы. Неплохо чувствовал себя во всех трёх столицах — Центральной, Северной и Южной. Вполне сносным находил присутствие в родовых гнёздах благородных родов, в которых ему доводилось гостить. Ему всегда были интересны люди, а природные просторы, так восхищавшие придворных девиц и художников, он находил не о что бы скучными — просто никакими. Это лишь зеленое, желтое, серое или белое — в зависимости от времени года, пространство, на котором трудятся крестьяне, о существовании которых он знал лишь теоретически. Ещё существовали горы, внутри которых добывались руды и уголь, превращавшиеся на заводах Домидова в полезные вещи. Чтобы не прослыть при дворе бездушным и чуждым красоты типом Павел иногда застывал вот так как сейчас, вперив взор в пространство и начинал думать о делах, планировать стратегические военные операции, решать в уме задачи из учебника или анализировать исторические трактаты. Лицо у него в эти моменты обретало вполне подходящее выражение.

Он принялся раздумывать о том, какую роль в состязании двух партий при дворе может сыграть то, что происходит сейчас на юге. Здесь среди столичных царедворцев он редко встречал тех, кто мыслит стратегически, в основном мысли у них заняты сиюминутными союзами и скоротечными интригами. Отец и ещё несколько человек составляют редкое исключение, и потому именно они стоят на верхней ступени трона, а остальные ищут их милости и пытаются привлечь внимание.

Вот и сейчас, если вдуматься, за Витеничами, стремящимися отпихнуть от трона

потомков Рарога, наверняка стоят островитяне. Среди высшей аристократии господствует точка зрения, что политика Империи самодостаточна и замкнута на самое себя, будучи не подверженной никаким внешним воздействиям, однако, это очевидно не так. Павлу пришлось совершить большое путешествие и многое пережить, чтобы понять, что в мире множество мест, в которых живут люди, даже не знающие о существовании Александровской Слободы, а ведь он не так уж далеко удалился от границ Империи, запутывая следы и скрываясь от агентов островитян. Игра идёт гораздо более масштабная, чем эта возня, в которую его пытаются втянуть. Действительно, прав отец и прав дядя Кирилл, этот заговор есть мелочь. Досадно лишь, что даже такой мелочи может хватить чтобы лишиться жизни. Отец уже стар и не боится смерти, а вот он, Павел, жить очень даже хочет. Не только потому что в нем говорит острая жажда жизни, столь присущая молодости, но и потому что у него есть множество планов.

На горизонте показалось облачко пыли. Откуда — то сзади и сверху послышалось пение сигнального рожка.

Василек заворочался в своем уголке. Павел зажмурил один глаз, на втором создал линзу из слёз. Присмотрелся. По дороге к монастырю приближалась целая процессия из роскошных карет, эскортируемых всадниками в кавалергардских доспехах. В монастыре забегали люди. Раздавались приказы. Послышался детский плач, резко прервавшийся.

— Князь, — послышалось из — за спины, — надо бы вам спуститься в покои.

Павел развернулся и сказал повелительным тоном:

— Нет, проводи меня к парадному входу. Полагаю, именно там сейчас будут мои старшие родственники. Похоже, монастырь сегодня будет принимать высоких гостей.

Путь к крыльцу занял довольно много времени. Василек теперь не только постоянно прислушивался к звукам в коридорах, но и обращал внимания на знаки, наспех намалеванные на стенах коридора, вносил в них свои правки. Пару раз он открывал двери, жестом велел князю входить, закрывал и после этого они ожидали, пока по коридору пройдут другие люди. Павел мог бы поклясться, что не все шаги из тех, что он слышал, принадлежали взрослым. Некоторые люди в коридоре шагали слишком часто и слишком тихо даже для женщин. Миновав все препятствия, Василек вывел Павла на крыльцо и тот смог убедиться в собственной правоте. На крыльце стоял Кирилл, рядом с ним в кресле расположился отец. За их спинами пристроились Дилмурод, крепкий монах, виденный князем в приёмной Кирилла. и ещё один, довольно пожилой, судя по всему, приставленный к отцу в качестве личной прислуги.

По краям двора выстроились монахи крепкого телосложения, выглядевшие довольно внушительно, чтобы не сказать — боевито. За воротами прогудел рог и створки распахнулись. Во двор начали въезжать экипажи, украшенные гербами известных фамилий. Князь привычно читал гербы, прикидывая в уме, кем ему приходится живущие ныне представители этих семей. Без особого удивления он осознал, что слишком многие экипажи принадлежат тем, кто числит среди своих предков мифического князя Витеня, хотя гербы потомков Рарога тоже встречались. Еще недавно, буквально несколько дней назад, если бы кому —нибудь в голову пришло поинтересоваться у князя, чем отличаются Витеничи от Рароговичей, он бы даже растерялся немного. Две крупнейшие ветви коренной имперской аристократии официально не враждовали между собой, но определенное соперничество было. Представители обоих лагерей предпочитали разные школы, молодые люди неизменно задирали друг дружку на балах, иногда дело доходило до дуэлей. К тому же существовало

очень четкое разделение по практикуемым видам магии: Рароговичи неизменно управляли водой и воздухом. А Витеничи огнём и льдом. Это укладывалось в известную всем истину: магия наследуется. Однако же теперь, с учетом полученных от Кирилла и отца сведений, Павел понимал, что это разделение имеет под собой иное, отличное от древнего права крови, основание. Какое именно, пока ему неизвестно, но он непременно это узнает. Не из досужего любопытства. Чтобы мир был для тебя безопасным, надо знать правила этого мира.

Тем временем двор наполнился каретами. Вздумай незваные гости въехать все вместе во двор, в нем попросту не хватило бы места, так что внутри монастырских стен остановились только кареты с гербами. Все сопровождающие остались снаружи. Они должны будут искать приюта в расположенном подле монастыря селении.

Карета с гербом Друбецких остановилась у ступеней крыльца, с козел соскочил сидевший рядом с кучером слуга, облаченный в ливрею фамильных цветов дома Друбецких, открыл дверцу и переломился в низком поклоне. Из кареты, величественно ступая, вышел глубокий старик. Он оглядел землю у ступенек, брезгливо поморщился. Пока его сапог опускался на землю, грязь успела замерзнуть. Он встал на схватившуюся льдом землю, оперся обеими руками на трость, украшенную крупным сапфиром, посмотрел на отца. Тот приложил руку к левой стороне груди сказал радушным тоном:

— Добро пожаловать, старый друг, милости просим!

Старик, медленно ступая, поднялся по ступенькам, снял белую перчатку и протянул руку для рукопожатия. Отец ответил рукопожатием, всё так же молча. Старик прошествовал внутрь, не удостоив Кирилла, Павла и уж тем более слуг даже взгляда.

— Друбецкие разговаривают только с Плечеевыми, а Плечеевы только с Императором, — прошептал Кирилл и заговорщически подмигнул Павлу. Князь же пребывал в легком замешательстве. Александр Друбецкой покидал свой особняк редко, и только для того что бы почтить своим присутствием самые фешенебельные собрания или императорский дворец. Самый могущественный из ныне живущих магов льда, и одновременно один из наиболее могущественных магов в истории. Ледяной царь, как называют его за глаза. Уж если он счёл нужным лично посетить монастырь, значит сегодня намечается что — то очень и очень серьезное.

Из кареты показалась следующая фигура. Это была уже знакомая князю Александра Друбецкая. Дом Друбецких всегда был чрезвычайно консервативен в вопросе выбора имён. Бледнокожая красавица с уложенными в замысловатую причёску ослепительно белыми, практически седыми, волосами легко поднялась по ступенькам, неожиданно тепло улыбнулась князю, протянула для поцелуя руку сначала отцу, после сыну. Прощебетала вежливое приветствие и последовала за отцом. Павел неожиданно для самого себя задумался, о том, какую же проблему гости подкинули обитателям монастыря, их всех ведь надо приютить. И ведь не согласятся высокородные гости на монашеские кельи. Им требуются роскошные апартаменты...Он отогнал от себя эти плебейские мысли. Слуги, в конце концов, для того и существуют, чтобы решать приземленные задачи, о которых благородным людям думать не следует.

К крыльцу подъехала следующая карета, из которой вышел князь Михаил Валицын. Рано начавший сесть молодежавый крепко сложенный мужчина. Маг огня, что традиционно для этой семьи. Довольно сильный и чрезвычайно хорошо подготовленный. Будь у него достаточно времени для развития таланта и тренировок, мог бы стать великим, но трагическая гибель родителей заставила его взять в свои руки бразды правления делами дома раньше, чем планировалось. Сразу за ним из кареты вышла его сестра, Наталья, та самая девушка кукольной внешности, что составляла пару с Друбецкой, когда мать в ресторане «Царская охоте» предлагала их Павлу на роль жены и любовницы. Она ослепительно улыбнулась князю, взяла брата под руку и они поднялись по ступенькам.

— Князь, — кивнул Валицын Плечееву — старшему. После он удостоил лёгкого поклона Павла и Кирилла. Княжна присела в новомодном реверансе. Павел не понял, имел ли то какое — то значение, или было просто данью моде.

Из третьей кареты показалась княгиня Вероника Плечеева. Она по — хозяйски поправила плед на коленях своего мужа, потрепал Павла по щеке и осведомилась у Кирилла, где тут можно принять ванну. Тот ответил что к его великому сожалению сам он не может проводить многоуважаемую родственницу, но поручает её заботам своего личного помощника. Стоявший за спиной Кирилла монах повел княгиню вглубь монастыря.

После были ещё несколько карет с менее значимыми аристократическими гербами, Павел уже не старался их запоминать. Он лихорадочно пытался придумать, как в случае чего бежать из монастыря. А в том что бежать придётся, князь уже не сомневался. Когда прием гостей окончился, он вернулся на веранду и окинул взглядом окрестности монастыря. Гости расположились вокруг ограды подобно осаждающей замок армии. Бежать было некуда. Он вернулся в комнату и распорядился вызвать Дилмурода к себе. Когда слуга явился, князь объявил ему что сегодня ночью Дилмурод не должен отходить от него ни на шаг и постоянно держать кинжалы наготове.

В ответ тот сказал:

— Ваш дядя велел передать что сегодня в главном зале будет бал. Вам надлежит явиться.

Князь опустился на кровать.

— А может быть, хватит с нас балов, а, Дилмурод? Сбежим на юг, будем разбойничать в пустыне. Как тебе такой план?

Дилмурод тщательно обдумал предложение и отрицательно помотал головой.

— Найдут нас. Хуже будет.

Князь сокрушенно вздохнул.

— Твоя правда. Ну что ж, будем готовиться к балу. Надеюсь, на этот раз обойдётся без мрачных ритуалов и разнузданных оргий.

При словах об оргиях на лице Дилмурода на мгновение промелькнуло мечтательное выражение. Князь хмыкнул и Дилмурод тут же принял свой обычный невозмутимый вид.

Ближе к вечеру в дверь занимаемой князем кельи постучал Василёк и сообщил, что примерно через час гости начнут собираться в большом зале. Князь умылся, переоделся в свежий костюм. Дилмурод нарядился с варварской пышностью. И где только сумел раздобыть всё необходимое? Как бы то ни было, выглядел он экзотично и внушительно.

Один кинжал прицепил на пояс, ещё два спрятал в сапог и рукав. В сопровождении Василька они проследовали в главный зал.

В ожидании важных гостей монахи расстарались. Деревянные столы покрыли богато вышитыми скатертями, выставили серебряную посуду. Стены украсили картинами и коврами, при виде которых Дилмурод восхищенно цокнул языком. В углу растопили камин, окна открыли нараспашку и даже соорудили небольшой помост, на котором брэнчали и дудели музыканты, настраивающие свои инструменты перед выступлением. Князя проводили к его месту — по правую руку от главы стола, второе место. Садиться он не спешил, сначала, согласно придворным правилам этикета, надлежало дожждаться гостей. Поэтому он встал у стены, напротив своего места.

Вскоре по лестнице слева от горящего камина начали спускаться поочередно гости. Их имена и титулы оглашал голосистый монах, играющий роль церемониймейстера.

Наконец, все разошлись по местам, Кирилл, как и положено хозяину застолья, предложил всех садиться за стол. Дождавшись когда гости усядутся и слуги разольют по бокалам вино. Он произнес небольшую речь:

— Империя стоит на нас, благородных семействах. Наши предки её создали, скроили из лоскутов владений различных племен. Распространили её влияние по половину континента и дальше, за пролив. Это не могло не вызвать недовольства соседей, и они мощью своей магии и силой войск пытались оспорить наше право на землю. Мы победили всех их. Империя выстояла, когда казалось бы ей уже пришел конец, и враг уже праздновал победу. Однако ж, верх всегда в конце концов брали мы. Мы побеждали за счет нашего единства. В бой шли не потомки Рарога, Витеня или иных великих героев прошлого, в бой шла Империя. Нас нельзя покорить, пока мы едины. За единство я выпью.

Он несколькими крупными глотками осушил бокал. Брат последовал его примеру, Павел тоже. Остальные в большинстве своем отпили по небольшому глоточку, а некоторое даже не пытались сделать вид, что им по нраву воодушевляющий спич Кирилла — такие не брали в руки бокал совсем. Старый князь Друбецкой и вовсе отставил вино после окончания речи, давая понять, что ему тост не по вкусу. Павел почувствовал, как вдоль позвоночника скользнула капелька пота. Сделать такое в присутствии главы тайной службы это практически открытый бунт. Он решил, что надо немного уменьшить градус напряженности, встал с бокалом вина в руке и провозгласил казенным голосом:

— За здоровье Его Императорского Величества!

Этот тост поддержали все, значит, на открытый бунт против Императора пока не готовы, либо таковой вовсе не входит в планы Витеничей.

Угощение подали не столь обильное, как это принято традициями Империи, и оно довольно быстро закончилось. Кирилл предложил от традиционного застолья перейти к новомодному свободному общению, его предложение было с энтузиазмом поддержано молодежью. Столы были тут же убраны, оркестр заиграл веселее. Молодые люди начали приглашать девушек на танец, взрослые же разбились на несколько кружков и принялись беседовать. Прелюдия закончена, сейчас начнется игра, подумал князь. Он осмотрелся, думая, с чего бы начать. Здесь и сейчас, вне всякого сомнения, разворачивается генеральное сражение между двумя придворными партиями. Либо, в крайнем случае, происходят последние приготовления перед финальной битвой. Противники уверены в своих силах и выдвигают последние условия. Старик Друбецкой и отец Павла со стороны кажутся двумя мирно беседующими стариками. Может быть, обсуждают виды на урожай в своих поместьях

или же вспоминают времена славной молодости, сетуя на павшую ниже низшего современную молодёжь. На самом же деле беседа двух придворных тяжеловесов наверняка имеет значительно более серьезное содержание. Она полна скрытых и явных угроз, предложений и намёков. Так же не стоит забывать о тонких издёвках и завуалированных оскорблениях, призванных выбить собеседника из равновесия и спровоцировать на слова и действия, продиктованные не хладнокровным расчётом, а эмоциями.

— Сын, что же ты стоишь один, скучаешь сам и позволяешь скучать гостям?

Павел обернулся на мурлыкающий голос матери. Рядом с ней стоял дядя Кирилл, имеющий чрезвычайно несчастный вид. Он никогда не любил Веронику, и вскоре после того как его брат на ней женился, перестал бывать в доме Плечеевых, ссылаясь на занятость делами монастыря. По другую сторону от Вероники Плечеевой ослепительно улыбаясь стояли княжны Валицына и Друбецкая. Князь, если уж быть совсем честным с самим собой, должен был признать, что предложение взять в жены одну из них, а второй отвести роль любовницы, казалось сейчас очень и очень соблазнительным. Обе княжны, словно прочитав мысли Павла, заулыбались ещё шире и принялись стрелять в него глазками. Вероника заметила это, тоже улыбнулась, очевидно наслаждаясь неудобством Кирилла и Павла.

— Они так похожи, не правда ли? — обратилась она к Валицыной, указав наклоном головы на Кирилла, — немного больше, чем положено дяде и племяннику.

— Вы правы, Вероника Евгеньевна, слишком похожи. Но раз кровь всё равно семейная, то что с того?

— Да и кто нам запретит? — вторила ей Друбецкая.

Павел не без труда сумел покраснеть. Он ещё в раннем детстве понял что у приличных людей принято краснеть и смущаться в определенных ситуациях. Ему оказалось сложнее понять, когда именно следует смутиться, чем научиться правдоподобно симулировать внешние признаки смущения. Похоже, покраснеть удалось, раз все три барышни рассмеялись. Кирилл, пробормотав что — то невразумительное о долге хозяина, ухватил проходящего мимо мужчину средних лет за предплечье и удалился, навязав тому беседу.

— Что ж, — сказала Вероника, — раз уж мы вновь остались втроем, я, как и положено хорошей матери, вновь попытаюсь наставить любимого сына, который искренне считает себя единственным, на путь добродетели. Итак, Паша, ты уже сделал выбор?

Княжны просто сияли. Они как по команде положили руки на пояс и повернулись вполоборота к князю. Представили, так сказать, товар лицом.

— Девочки, вы что, обе в любовницы метите? Жена прежде всего должна быть добродетельной! — с нарочитым возмущением вскричала Вероника. Княжны переглянулись и прыснули со смеху.

Павел почувствовал, что пора покидать эту компанию. Они ведь прекрасно знают, что отец уже выздоровел, опасности для его жизни больше нет. Так что никакой необходимости Павлу выбирать невесту нет. Они просто издеваются.

— Прошу прощения, мне надо отлучиться в мужскую комнату. Монастырская пища слишком груба для меня. Вам так же рекомендую не злоупотреблять, особенно предостерегаю от рыбной кулебяки.

С этими словами он отошёл с максимально допустимой этикетом скоростью. Пусть считают что у него сдали нервы и он сорвался на грубость.

Князь немного пофланировал по залу, перекидываясь вежливыми фразами с дамами и колкостями с мужчинами, и наконец, высмотрел неприметный уголок, до сих пор не

занятый никем из тех тяготящихся обществом мизантропов, которые всегда присутствуют на любом балу. Этот угол залы был удобен тем, что на стене его висел особо древний и от того особо ценный гобелен. Судя по технике исполнения и изображенному сюжету — привезенный с запада еще до присоединения тех земель. Кирилл не смог удержаться от шпильки в адрес пожаловавших незваными Витеничей. Гобелен был военным трофеем, взятым у их предков его предками.

Гобелен изображал битву дружины Рароговичей с войском Витеничей. Хотя битва людей была чем — то вроде рамки, охватывающей небольшое пространство в нижней части гобелена. Основное полотно занимали пять магов. Двое с правой стороны, мечущие потоки огня и глыбы льда, с левой же трое мужчин разгоняли воздушные вихри и обрушивали на противника потоки воды.

— Забавная картинка, не так ли? — услышал князь тихий голос. Он обернулся, не переставая сжимать орден тишайшего, который активировал сразу как подошёл к гобелену и убедился, что на него никто не смотрит. Кроме него сейчас в углу никого не было видно.

— Я здесь.

В шаге от князя из воздуха материализовался мужчина средних лет с аккуратной чёрной с проседью бородкой.

— Вы чуть не наткнулись на меня когда вторглись в этот оазис спокойствия. Полагаю, вы так же как и я, искали уединения?

— Как вы увидели меня сквозь морок ордена Тишайшего?

— Сквозь морок я не увидел бы. Это очень сильное колдовство. Дело в том что я смотрел на вас до того как вы активировали орден. На прямо смотрящего подобные чары не действуют. Они не делают вас невидимым, лишь отводит взгляд.

Князь посмотрел на сжимаемый в руке орден.

— А вы разбираетесь в темной магии.

— Происхождение обязывает.

— Так вы тёмный?

— Вольдемар Прутский, барон Зехкендорф. К вашим услугам.

— Князь Павел Петрович Плечеев. Рад знакомству.

— Что ж, князь. Раз уж мы здесь оба оказались, и вы не намерены биться со мной за право занять сие убежище, давайте как — нибудь уживаться.

— Я не мизантроп, просто...

— Не стоит утруждать себя объяснениями, князь. Я поднатерел в искусстве оставаться невидимым на дворянских собраниях. Как я уже говорил, происхождение обязывает.

Князь понимающе кивнул. Темным с запада всегда жилось несладко, потому многие и покидали родовые поместья и шли на службу императору. Этот же тёмный, похоже, служил Витеничам. Не позавидуешь.

— Вы, должно быть, много наблюдали за аристократическими балами и умеете видеть суть происходящего, скрытую под доброжелательными улыбками и светскими беседами?

— Разумеется, — блеснул очками барон, — желаете выслушать мои соображения по поводу происходящего здесь и сейчас?

— С удовольствием.

— Извольте. Сейчас мы можем наблюдать собрание глав двух враждующих партий — но это вам и без меня известно. Тем более, что вы принадлежите к одной из них.

— Как и вы, — отметил князь. Барон поклонился.

— Вы бывали на войне, князь?

— Приходилось. На юге.

— О, варварские места. Я же говорил о цивилизованной войне в Европе. На такой вам бывать не доводилось, я это знаю. Но, возможно, вы слышали о том, как главы армий иногда велят войскам сделать перерыв в сражении и в это время запросто ездят друг к другу в гости.

— Отец рассказывал о таких случаях. Однажды боевые действия приостановили на три дня — князь Багратиани принимал поздравления с рождением сына.

— Припоминаю, интересный был случай, и вина подавали прекрасные. Так вот сейчас происходит нечто совсем иное. К примеру, взгляните на своего отца и его старого во всех смыслах этого слова соперника князя Друбецкого. Они, казалось бы, мирно беседуют, но старик непременно вцепится вашему батюшке в глотку. Этого не избежать. Пётр Павлович, к сожалению, этого не понимает.

— Друбецкой настолько ослеплен ненавистью, что останется глух к доводам разума?

— Ненависть, хоть она и имеет место быть, не играет сейчас определяющей роли. Да, он ненавидит вашего отца, потому что завидует ему, но на него давят долги. Князь Друбецкой истинный аристократ, и, как таковой, совершенно не думает о деньгах.

— Он и не должен, — возразил князь.

— Разумеется, не должен. Вы, столбовые дворяне, даже понятия не имеете, сколько составляет ваш капитал и на чём зиждется ваше благосостояние. Вот вы, князь, сколько земли имеете во владении? Что за люди на ней живут, чем занимаются? С каких доходов, в конце концов, они платят вам ренту?

Князь нахмурился. Что за вопросы?

— Этим занимается Данила, мой управляющий.

— И он, к вашему счастью, честный человек. Да и ваш батюшка сумел привить вам чувство меры. Вы, Плечеевы, наслаждаетесь властью, а не роскошью, и именно в этом ваша сила, а вовсе не в магии. Друбецкой же, страдая от чёрной зависти, пытался перещеголять вас в роскоши. Ему это, безусловно, удалось, но невозможно жить не по средствам бесконечно. Всегда приходит пора платить по счетам. Когда пришла его пора, ему как нельзя кстати встретился один весьма состоятельный человек, предложивший свою помощь. Потом это случилось ещё раз. Балы Друбецких становились всё роскошнее, наряды дочери князя всё дороже...неприметный друг князя оплачивал это. И как — то так получилось, что князь не смог однажды отказать ему в маленькой просьбе.

— Вы хотите сказать, что настоящий глава враждебной отцу придворной партии вовсе не князь Друбецкой?

— Павел Петрович, вы умны, но вследствие юного возраста чрезмерно горячи. Прошу простить, я вынужден откланяться.

Барон сделал шаг в тень и исчез. Князь немного растерялся. Сделал несколько вдохов, считая удары сердца, как учил отец. Ему на глаза попался Дилмурад. Верный слуга рыскал по залу, высматривая кого — то. Судя по тому как нервно он сжимал в руке рукоять кинжала, Дилмурад был готов к самым решительным действиям. Князь опустил орден в карман. Пошёл к Дилмураду. Тот увидел хозяина, лицо его просветлело. Рука отпустила кинжал.

— Молодой господин, вас ждёт отец. Он хочет поговорить.

Князь подошел к отцу. Пётр Павлович к тому моменту прекратил переговоры с Друбецким и теперь беседовал с тремя мелкими дворянами из клиентских родов. Как только

он увидел сына, отпустил своих слушателей, те поклонились и отправились восвояси.

— Ну что, Павлуша, побеседовал с этим скользким хорьком Зенкендорфом?

— Да, поговорили немного.

— И как он тебе глянулся?

— Скрытный. Неглупый. Говорит много, но тщательно дозирует информацию. Он не по вашему ведомству проходит, отец?

Отец улыбнулся и не ответил. Павел понял, что разговор окончен — пока. Он частенько так делал, обрывал разговор в неожиданном месте, давая Павлу время поразмыслить, а чуть позже возвращался к беседе.

Бал шёл своим чередом, непринужденно беседовали между собой представители враждующих партий. Павел почувствовал скуку и уже принялся искать глазами Дилмурода, дабы отправить того на поиски Василька, как его тронул за локоть слуга.

— Вас ожидает отец для разговора. Извольте следовать за мной.

Павел удивился немного, ведь отец редко вот так сразу переходил ко второй части беседы, но послушно проследовал за слугой. Тот провел его относительно недалеко от зала, открыл перед князем дверь и склонился:

— Извольте, князь. Вас ожидают.

Павел вошел в комнату. Окно было завешено плотной шторой, в помещении царил полумрак. Павел призвал и сжал в руке водяной кнут. Предосторожность не помешает, особенно когда находишься в клубке ядовитых змей, а дядюшкин монастырь сейчас превратился именно в это. Он почувствовал укол в шею. Рассудок резко помутился. Пол заходил ходуном. Темнота навалилась на него стеной плотного бархата и он потерял сознание.

Придя в себя князь подумал, что ему на голову накинули мешок, так как не видно было ничегошеньки. Левая штанина вымокла — это кнут, лишившись поддержки воли мага, пролился. Когда князь лишился сознания, он призвал его вновь. Осторожно пошевелил головой. Нет, мешка не было. Просто очень темно. Князь ощутил движение воздуха. Куда бы его не принесли злоумышленники, пока он был без сознания, по крайней мере один из них был рядом с князем. Павел весь обратился в слух, приготовившись ударить на звук.

Загорелся огонёк, осветив кукольное личико Наташи Валицыной. Миловидная княжна улыбалась. Из — за её плеча выдвинулась из темноты фигура княжны Друбецкой. На её бледном лице плясали тени, придавая ему немного пугающее выражение. Ей бы вампирш играть в любительском театре, подумал князь.

— О, — выдохнула Александра, — да вы, я вижу, затейник.

Она подошла к князю почти вплотную и обхватила ладонью водяной кнут.

— Мы собрались было предложить вам проверить наши женские качества, и решить наконец, на ком из нас вы женитесь. Но, похоже, нам не придётся спорить об очередности. Наташа, ты не можешь подогреть этот...инструмент до нормальной температуры? Вы же способны удержать его в в таком плотном состоянии, князь? Было б неплохо ёще и немного потолще его сделать...

Павел про себя усмехнулся. Похоже, юные девицы всерьез вознамерились его соблазнить. Что ж. в такой игре можно и поучаствовать.

— Нет, Аликс, так не пойдёт, — капризным тоном произнесла Валицына, — будем действовать как договаривались.

— Хорошо, — ответила Друбецкая. Она извлекла из — за корсажа монетку и подкинула её в воздух. Пока монета крутилась, она сказала:

— Мой реверс.

Она подставила ладошку, намереваясь поймать монету, но подружка шлепнула её по

руке, и монета звякнула о пол.

— Неужели ты всерьез решила, что я доверю тебе бросать жребий?

— Выпал бы аверс, ты выиграла бы. Я все для тебя сделаю, ты же моя лучшая подруга! — воскликнула Друбецкая.

— Ну конечно! Я была бы первой, князь бы, как и все юнцы, продержался бы секунд десять от силы. А тебе бы достался второй раз. который всегда длится намного дольше!

Хорошо что тут темно, не придётся краснеть, чтобы поддержать имидж, подумал князь. Слушать перепалку подруг становилось интересно.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Князь, — обратилась к нему Валицына. Она сделала пламя немного поярче. Глаза её засияли как звезды, — Кого вы выберете?

— Я? Эээ, — князь запнулся на мгновение и перешёл на деревянно — вежливый тон, — Сударыни, вы ставите меня перед невозможным выбором, и я попросту вынужден отказаться его делать. Ибо ни одну из вас не могу оскорбить, предпочтя ей другую.

Валицына наморщила носик.

— Понятно. Мы сами решим.

— П — простите, сударыня...

— Чего вам, князь? — в голосе Валицыной послышалось раздражение.

— Вы предлагаете мне вступить в связь с вами обеими и после выбрать, кто из вас двоих мне милей? — его голос пару раз споткнулся, а в конце фразы он подпустил петуха. Честно говоря, не намеренно. Ситуация действительно доставляла ему неудобство. Княжны же, похоже, ничего подобного не чувствовали.

— Ну, окажись я на вашем месте, я бы ту, что вам более по душе, сделала любовницей. Так она вам дольше не надоест, — вставила Друбецкая. Валицына бросила на неё возмущенный взгляд. Та резко сменила тему:

— А может быть, вина? Мы подготовились. Ната, сделай свет поярче, будь любезна.

Огонек порхнул с руки княжны вверх, разгорелся. В комнате стало немного теплее, чем требовалось. Наталья тут же скинула меховую накидку, обнажив прелестные округлые плечики.

Князь осмотрелся. В комнате имелась кровать под балдахином, причем кровать того сорта, каковому ну совсем нечего делать в монастыре. Так же имелась лежанка восточного стиля, покрытая цветастым одеялом, два кресла и столик, сервированный фруктами и вином. Один угол комнаты был отгорожен ширмой, разрисованной тем же узором, что и лежанка.

Друбецкая уселась в кресло и горделиво вскинула голову. Валицына осталась стоять, демонстрируя князю изящную осанку. А князь тем временем наконец осознал, что он сидит прямо на полу, опершись спиной о дверь. Он тут же встал, расправил плечи, подошел к столу, сел в кресло, сохраняя жесткую осанку. Валицына тут же положила руки ему на плечи и принялась их массировать:

— Расслабьтесь, князь, мы ведь практически семья. Может, мне приглушить свет, или вовсе его выключить?

Друбецкая тем временем разлила по бокалам вино. Пренебрегая всеми правилами этикета, пошевелила пальцами над своим бокалом и в него упали несколько кубиков льда. Вопросительно посмотрела на князя, тот кивнул и она повторила свой фокус над его бокалом. Валицына ото льда отказалась:

— Я предпочитаю огонь, а не лёд, — сказала она. Надо признаться, её невинные синие

глаза и кукольное личико так разительно контрастировали с поведением, что князь почувствовал, что ему начинает нравиться происходящее в комнате. Друбецкая это заметила и пошла в атаку:

— Ну что же, князь, вы достаточно тянули, делайте уже выбор. Мы не выйдем отсюда, пока вы не вынесете вердикт, — она продемонстрировала князю ключ от двери и сунула его глубоко за корсаж.

Пол ощутимо вздрогнул.

— Что это было? — удивился князь. Девицы переглянулись и синхронно непонимающе развели руками.

Валицына прикоснулась своим бокалом к бокалу князя. Раздался тихонький мелодичный звон. Павел понял намёк, поднял бокал и провозгласил:

— За сегодняшнюю безумную ночь!

— Другое дело! — воскликнула Друбецкая и все трое выпили.

Князь поставил бокал и спросил:

— Надеюсь, в этом вине не содержится ничего такого, отчего я во второй раз за сегодня потеряю сознание?

— Ну что вы, князь, — замахала руками Аалицына.

— Неужели вы на нас обижаетесь за такую невинную уловку?

— Что вы, княжна, если бы каждый раз после того как меня оглушали, опаивали зельями или иным способом усыпляли, я оказывался в таком прекрасном месте и прекрасной компании, я был бы просто счастлив!

— И часто вас опаивали? — спросила Друбецкая, надкусывая сливу и облизывая стекающий по губам сок.

— Доводилось.

— Ах, князь, вы ведь сын самого Плечеева, вы переживали такие восхитительные приключения! Расскажите, прошу!

Павлу даже показалось, что Валицына говорит искренне.

Он прикинул, что бы им рассказать интересного и при этом не слишком секретного.

Пол снова качнуло, послышался глухой тягостный звук.

— Да что это такое?

Лица у обеих княжон одновременно приняли избыточно чрезмерно равнодушное выражение. Князь отставил бокал, поднялся и прошёл к двери.

— Куда же вы, князь? — хором спросили девицы.

Он не обернулся. Пусть хоть через голову с себя платья стаскивают, надо идти.

— В монастыре явно что — то происходит. Я так или иначе выйду отсюда и выясню всё. Лучше бы вам мне помочь.

— Вы хотите напугать Лёд? — спросила Друбецкая. Тон её соответствовал стилю магии, которой использовала её семья, — чём же, Водой?

Князь не обернулся, продолжая разбираться с замком. Наконец он накачал достаточный объём воды и выбил сердцевину замка. За спиной послышалась какая — то возня, зашипел пар. Он вышел. Не до капризных княжон ему сейчас.

За дверью он обнаружил темный коридор. Стены не были выложены кирпичом, как в тех помещениях, что он видел в монастыре раньше. Этот коридор проложен прямо в скальном основании, а значит, это подземелье. Получается, князю надо искать лестницу и двигаться наверх. Снова земля дрогнула, на этот раз ещё сильнее. Князь перешёл на бег.

Через два десятка шагов коридор начал подниматься, сворачиваться восходящую спираль. Ещё через сотню шагов скалы сменились кирпичными стенами и князь с разбегу налетел на проход, перегороженный плотной портьерой. Он запутался в куске ткани. Ухватился руками, рванул что есть сил. Ткань треснула и князь понял, что попал в большой зал.

А в зале идёт самая настоящая война.

Князя сходу сбил с ног сильнейший порыв ветра, в падении кожу посеколо мелкими осколками льда. Павел откатился в сторону, увидел краем глаза опрокинутый стол и укрылся за ним. Там же скорчился в три погибели крупный мужчина. Князь узнал его — это один из некрупных помещиков, они встречались на службе у отца. Значит, свой.

— Что тут происходит? — спросил князь.

— Кто — то из молодежи между собой повздорил, завязалась драка. Начали бросаться огненными шарами. Кое — кто из дам не по своей воле предстал в неприличном виде. Ну, женщины, само собой, обозлились, и дело мгновенно перешло от шуточек к более серьёзным делам.

Речь помещика прервалась из за того что воздух куда — то пропал на мгновение, после восстановился. Князь жадно принялся хватать ртом воздух. Помещик сипел, хватаясь за сердце.

— Попейте, — Павел протянул ему сложенные лодочкой ладони. Вода переливалась через край. Помещик сделал пару глотков, успокоился и поблагодарил князя.

— Кажется, конец нам всем. Глупо — то как. Цвет Империи погибнет из — за дурости подростков, — горестно произнес помещик. Князь вспомнил его имя, Егор Кочерыжкин. Глупейшая фамилия служила её носителям источником постоянных унижений. Если даже церемониймейстер на ежегодном большом императорском балу, провозглашая их прибытие ухитрялся вложить в свой голос малую, но заметную толику издевки, что уж говорить про учеников в закрытых аристократических школах...

— Не переживайте, Егор Егорович, — сказал князь, осторожно выглядывая из — за края опрокинутого стола, — жертвы если и будут, то лишь по глупости.

Он окинул взглядом поле боя. Активные участники противостояния сосредоточились на противоположных концах зала и вели активную перестрелку. Юность вообще предсказуема, а выпускники магических школ предсказуемы вдвойне. Они свято верят в своё могущество, и, что наиболее вредно при столкновении с реальностью, они верят в превосходство своей магической школы. Любой более — менее опытный маг, успевший пропустить несколько болезненных ударов от жизни, прекрасно знает, что следует изучать несвойственную ему по крови магию, и, хотя бы на любительском уровне, но уметь её применять. Да, урожденный маг воздуха не сможет овладеть стихией льда на должном уровне, но хотя бы сможет понимать как она работает и будет способен нанести удар, которого от него не ждут.

Однако, юность об этом не знает, да и знать не хочет, и потому сейчас с одной стороны зала летели огненные шары и глыбы льда, а противник отвечал порывами ураганного ветра и потоками воды. Зал окутывали клубы пара. Князь почти сразу понял, что ни одна из сторон не может нанести другой хоть сколько —нибудь серьёзного урона. Вот один из Витеничей ударил сжатым до толщины нити лучом раскалённого добела металла. Скорее всего имел при себе кусок тугоплавкого железа специально на тот случай. Казалось бы, столь мощная атака не может не прожечь баррикаду из столов, за которой укрылся противник, но этого не произошло. Перед самым ударом металл резко остыл. Витенич не мог этого видеть, а князь со своей позиции наблюдал то более чем отчетливо. Он прищурился, пытаясь рассмотреть, в

чём же дело. А, вот оно что.

Посредине между двух враждующих воинств молодежи залегли их предводители. Валицын, с одной стороны, Кирилл Плечеев с другой, как могли гасили атаки, не позволяя молодежи поубивать друг друга. Только сейчас до Павла дошло, что же происходит в зале. Происходит самое значимое событие в Империи, если не во всем мире. Элита Империи, её основа, опора трона, само её будущее — разделилось на две части и пытается убить самоё себя. Это фактически начало гражданской войны. Даже если удастся сейчас утихомирить молодежь и не допустить кровопролития, вражда на этом не прекратится. Она лишь будет отложена. Если возьмет верх одна из сторон — вторую надо будет либо уничтожить физически, уменьшив таким образом магический потенциал Империи вполовину, либо они зализут раны и будут мстить. Ситуация не из приятных. И главное — это всё происходит здесь, в монастыре дяди Кирилла и в присутствии отца. А это означает неминуемую утрату доверия со стороны монарха. Тайная служба полностью завязана на личность отца. Ключевые посты в ней издавна занимают люди из родов, чьи представители лично верны Плечеевым. Никакого другого руководства они не примут. Следовательно, помимо распада магической мощи Империя вдобавок лишится своей тайной службы. Фактически, сейчас в монастырском зале умирает Империя, а Валицын и дядя Кирилл пытаются её спасти. И где, чёрт возьми, отец, когда он так нужен?

Пока князь от твердой уверенности в хорошем исходе переходил к унынию, на поле боя начало происходить что — то странное, чего бы он никогда не заметил, если бы не Егор Кочерыжки.

— Князь, вы этого, наверное, не видите? — он указал пальцем на пространство между занявшими центр зала, обратившегося в поле боя и позициями Витеничей.

Павел присмотрелся в указанном направлении, но ничего особенного не заметил.

— Не видите, значит. Я сейчас вам раскрою одну из величайших тайн короны, а вы будете действовать, и быстро.

— Вы о чем вообще?

— К князю Валицыну сзади подкрался Друбецкой. И он прямо сейчас плетёт водное заклинание.

— Я ничего такого не вижу, — ответил князь.

— И не должны. Друбецкой использует орден Алексея Тишайшего.

— А вы наблюдали за ним до активации ордена. Я понял...

— Эээ...да, именно так. Князь, Друбецкой сейчас ударит по Валицыну стихией воды и обвинит в его смерти вашего дядю. Поверьте мне, князь, надо ударить.

Павел смотрел на место, где, по словам Егора Кочерыжкина, засел подлец Друбецкой. Зачем ему убивать Валицына? Чтобы обвинить Кирилла в этом? Глупости. Вражда уже идёт. Смерть Валицына ничего не добавит к ней. Очень странно. Но Кочерыжкины, несмотря на глупую фамилию и слабые магические способности, славились тем, что никогда не врут. Павел вздохнул, сосредоточился, вспомнил памятное занятие с отцом и ударил. С потолка зала на то место где по словам Кочерыжкина притаился Друбецкой, сорвалась огромная сосулька. Павел наблюдал за ней. Время словно стало вязким как мёд. Он текло медленно и плавно. Сосулька, чуть не долетев до пола, окрасилась красным. Брызнула кровь и что — то ещё, склизкое и неприятное. Воздух подернулся дымкой и Павел увидел князя Друбецкого, скребущего пол скрюченными пальцами. От его левой ладони в сторону Павла катился кругляш ордена Алексея Тишайшего. Валицын обернулся на шум. Его глаза расширились. Он

несколько раз мигнул, после чего поднялся на ноги, повернулся к своим и прокричал:

— Хватит!

Никто его не стал слушать. Огонь, вода, лёд и ветер продолжали хлестать со всё возрастающей яростью, князь был вынужден вновь залечь.

Некоторое время столкновение продолжалось. Павел отчаянно пытался сообразить, что предпринять. Наконец, взвесив все «против» и «за» он принял решение. Раз уж война неизбежна — войну надо выигрывать. Он занес руку, и начал стягивать огромную массу воды. Когда он почти был готов утопить Витеничей, он услышал крик, от которого у него упало сердце:

— Всем прекратить, здесь гвардия императора!

Воцарилась тишина. В дверь вошёл офицер гвардии, затянутый в чёрно — жёлтый мундир. Он осмотрелся, дёрнул плечом и сказал негромким голосом:

— Прошу всех встать.

Из — за наспех собранных баррикад начали подниматься люди с закопчёнными лицами, покрытыми инеем волосами и в вымокшей насквозь одежде. Павел и Кочерыжкин тоже встали. Вслед за офицером в комнату стали входить бойцы императорской гвардии. Как помнил Павел из уроков по внутреннему устройству Империи, среди императорской гвардии встречаются маги, но их не так много. В гвардию набирают с учетом всего двух качеств: гибкого ума и преданности Его Величеству. Способности же к магии или физическому бою в расчёт не берутся, По мере необходимости недостаток способностей компенсируют орденами. Если общепринятой нормой считается награждение одним — двумя орденами, императорские гвардейцы обвешаны ими буквально с головы до ног. Но и это было не самым главным. Главным было то, то оказание сопротивление гвардии приравнивается к оскорблению Его Императорского Величества. А это, в свою очередь, автоматически означало исторжение из — под защиты закона и состояние войны со всей Империей. С таким изгоем, будь он хоть сильнейший маг, дел не станет иметь никто. Даже иностранцы.

Гвардейцы распределились по залу, офицер медленно подошел к трупу Друбецкого и внимательно осмотрел начавшую таять сосульку. Увидел орден, наклонился, подобрал его, рассмотрел выгравированный номер и сунул в карман.

— Рад приветствовать, Аристарх Феофилактович, — услышал Павел голос отца. Он появился непонятно откуда, и сейчас шёл навстречу офицеру гвардии с распростертыми объятиями, — благодарю, что прибыли так быстро!

— Мы были неподалеку, — офицер обнялся с отцом, — Его Величество приказал, мы в вашем полном распоряжении.

— Приказ привезли? — на глаза отцу попался труп Друбецкого, он поморщился.

Вместо ответа офицер сделал знак, к нему подбежал адъютант, извлек из кожаного тубуса лист бумаги, развернул перед офицером.

— Приказ Его Императорского Величества! — провозгласил офицер. Все присутствующие мужчины вытянулись в струнку.

— «С прискорбием узнав о возникшей между благородными родами неприязни и желая лично разобраться в причинах оной, а так же во избежание смертоубийства и прочего вреда, кой может быть нанесен моим возлюбленным подданным в ходе разногласий, Мы повелеваем всем услышавшим это незамедлительно явиться в специально для этого случая подготовленные апартаменты и ожидать дальнейших наших распоряжений. Безопасность лиц, коих наша воля касается и исполнение указаний возлагаем на верную нам гвардию». Ясна ли всем присутствующим воля Императора?

Нестройный хор голосов подтвердил что да, императорская воля ясна.

— Господин офицер, — послышался девичий голосок. Все посмотрели на говорящую юную деву с лицом ангела и закопчёнными до локтей руками, — сколько у нас есть времени чтобы привести себя в порядок?

— Пока Его Величество вас не вызовет, будете здесь. Думаю, времени вам хватит. Но прямо сейчас все в этом зале выходят и рассаживаются по каретам. По прибытии в апартаменты всё необходимое будет вам предоставлено. Вас, Пётр Павлович и вас, Кирилл Павлович, это так же касается. В ваше отсутствие за монастырем и его подопечными я

прослежу лично. Так, господа и дамы, прошу!

Пока офицер говорил, гвардейцы образовали коридор от выхода из зала до карет. Отец, подавая всем пример, пошёл первым. Князь Валицын последовал за ним, а после потянулись остальные. Некоторые дамы кутались в мужские куртки, поскольку им, в отличие от кавалеров, появляться на публике в обгоревшей и потому не способной прикрыть тела одежде, либо же вымокшей и от этого излишне подчеркивающей округлости им было никак нельзя.

Павел вышел на улицу и задержался там немного. Погода испортилась, низкие тёмные вытянутые тучи неслись над горизонтом со скоростью курьерского поезда. Полная Луна сияла ярко, светло почти как днём. Похолодало. Стоящий рядом гвардеец деликатно кашлянул. Павел посмотрел на него. Тот молча указал глазами на ожидающую карету.

— Пошли, Паша, — подхватил его под локоть Кирилл. Павел подчинился и они сели в карету, неведомо откуда взявшийся Дилмурад запрыгнул на козлы рядом с гвардейцем, правившим лошадьми. Карета сразу тронулась, освобождая место следующей. Краем глаза Павел успел заметить, что на крыльце появились обе княжны, Друбецкая и Валицына. Он выглянул в окно. Хоть карета и успела отъехать, но он смог рассмотреть на щеке у бледнокожей Друбецкой свежую царапину. У Валицыной волосы растрепаны, на щеках играет румянец, а глаза метают молнии. Она нашла взглядом брата и бросилась к нему на шею. Что произошло дальше, князь рассмотреть не успел — их с дядей карета выехала из ворот.

— Да, весело получилось, — у Кирилла был такой вид, словно только хорошее воспитание мешало ему почесать в затылке.

— А что вообще случилось? Я как приехал с юга, так словно в водоворот попал. Раньше такого не бывало.

— Бывало, да ещё как, просто ты в этом не участвовал. Отец тебя ограждал от всего этого. Знаешь, ведь когда связь с тобой пропала после той заварушки в пустынном лагере повстанцев, мы решили что тебя вместе со всеми на кол посадили.

— На кол!? — Павел был поражен.

— Да. Обычно за такое у них принято отправлять на особо опасные миссии. Кто выживает, тот считается оправданным их богами. Но в этот раз островитяне настояли на поголовном колосажении. Несколько сотен человек посадили, даже, представь себе, колья по несколько раз приходилось использовать. С деревьями в пустыне туго.

— А зачем такие зверства?

— Они думали, ты под личиной одного из пустынников сбежал.

— Но они меня гнали до самой границы, да и после... Я довольно долго от преследования уходил, и с немалыми трудами.

— Знаю, я читал твой доклад, но у островитян борьба партий идет погорячее нашего. Запутанное дело вышло. Но это всё в прошлом, сейчас у нас есть множество других дел. Нам удалось привлечь внимание Императора. Правда не знаю, хорошо это или плохо.

— Раз гвардейцев вызвал отец, значит это хорошо.

— Далеко не факт. Я знаю твоего отца с рождения, но до сих пор не всегда понимаю, зачем он делает то или иное. Но я верю в него. Всегда как — то само собой получается, что всё оборачивается так, как он планировал, и к общей пользе Империи. Он не отделяет свою судьбу от судьбы Империи. И от своих людей ждет того же.

— Своих людей? То есть от тайной службы?

Кирилл посмотрел на Павла как то странно.

— Свои люди это ты и я.

Карета покачивалась на ухабах. По крыше забарабанил мелкий дождик. Кирилл посмотрел в окно и издал звук, более всего похожий на кряканье раздосадованной утки. Во всяком случае, именно такое сравнение Павел вычитал в одной из книг и сейчас оно показалось ему наиболее точно отражающим ситуацию. Сам же он с утками имел дело только в виде паштета или жаркого. Не очень птицы. Курицы много вкуснее.

— Что — то не так, дядя? — спросил он.

— Да. Если бы нас не взяла гвардия, я бы решил что везут нас на убой.

— Отчего так?

— Мы свернули со столбовой дороги и теперь едем окольным путем.

— Возможно, гвардейцы фальшивые?

— Нет, — немного подумав ответил Кирилл, — все ордена подлинные, такого количества более ни у кого нет. Думаю, мы свернули потому что гвардейцы повезут нас через императорские земли. Значит, смута зашла слишком далеко, если императорские слуги опасаются ехать через земли дворян.

Павел помолчал, переваривая информацию.

— А почему орденов ни у кого не может быть в таких больших количествах, кроме как у императорской гвардии? — спросил он. Если нечего делать — спи или образовывайся, учил его отец.

— Изготовление орденов это процесс, покрытый тайной, — начал рассказ дядя Кирилл, продолжая внимательно вглядываться в окно на проплывающие унылые поля и перелески, — им владеют очень ограниченное количество людей. Если говорить совсем уж откровенно, никто в точности и не знает, кем, каким образом, а главное — где производятся ордена. Все попытки изучить их и раскрыть секрет кончались весьма плачевно для тех, кто пытался это сделать. Возможно, об этом знает что — то твой отец, хотя я в этом совсем не уверен. Возможно, он говорил тебе, Паша, но я на всякий случай повторю: никогда не иди против Императора. Он не зря занимает свое место. Он знает все твои фокусы наперёд. Ты не придумаешь того, чего он не знает. И самое главное — он всегда и во всем прав. Потому он и Император.

— Но ведь...

— Замолчи, — резко сказал Кирилл. Он понял о чём хотел спросить Павел, и Павел понял, что о чем промолчал Кирилл.

Однажды, когда он был ещё ребенком, но уже достаточно подрос для того чтобы уметь отличать по — настоящему важные вещи от всего остального, отец спустился с ним в семейную усыпальницу, подвёл к саркофагу их прадеда и рассказал историю свержения тогдашнего Императора. Отец недвусмысленно дал понять, что они никогда более не будут говорить на эту тему. Заговор против Императора был делом столь невыносимым, что все сведения о нем являлись тайной короны.

Карета резко остановилась, Павел с трудом удержался чтобы не ткнуться дяде лбом в бороду. Кирилл открыл окно, высунул голову наружу, посмотреть в чём дело.

— Князь, у нас найдётся место для вас, прошу в гости! — выкрикнул он, и прибавил потише, обращаясь к кучеру:

— Давай в объезд. К лесу прижмись.

Карета двинулась в бок, сильно закачалась, Павел начал всерьёз опасаться, что экипаж

завалится на бок. Возница проявил сноровку, и все обошлось благополучно. Они объехали другую карету. Увязшую в огромной луже. Князь Валицын преодолел водно — грязевую бригаду форсированным маршем, выбрался на твёрдую землю и поспешил воспользоваться приглашением Кирилла. Он вскочил на ступеньку, взглянул на свои сапоги, с которых продолжала ручейками стекать жидкая грязь. Кирилл рявкнул:

— Человек! Сними сапоги и отдай князю!

Возница на козлах забурчал что — то и принялся стягивать с ног сапоги. Валицын прервал его:

— Братец, это ни к чему.

Он вытащил из нагрудного кармана платок, протер им сапоги — ничуть, впрочем, не очистив их, а лишь размазав грязь — и влез в карету. Он сел рядом с Кириллом и сказал:

— Прошу прощения за беспокойство, господа.

У князя Валицына голос был хрипловатый. Волосы с проседью, а кожа покрыта сеточкой мелких морщин. Он выглядел намного старше своего возраста. Павел с ужасом подумал, что у него были все шансы превратиться в такого же уставшего человека. Если бы не получилось спасти отца, тогда бы Павел стал главой семьи и главой тайной службы.

Если Плечеевы традиционно возглавляли тайную службу, то Валицыны заведовали службой пресечения беспорядков. Дел у молодого князя было, вне всякого сомнения, невпроворот.

— Хорошая земля у Его Императорского Величества, — прервал затянувшееся неловкое молчание Валицын, — поля ухожены, стада тучны, крестьяне довольны.

— Возможно это потому что Император не выжимает со своих крестьян последние соки, подобно некоторым дворянам, — Павел постарался подпустить в свой голос немного желчи.

— Думаю, вы правы. Его Императорское Величество имеет возможность не слишком душить население своих земель налогами. Некоторые дворяне, как вы верно заметили, дерут со своих крестьян семь шкур, а мои полки потом наводят порядок, призывают бунтовщиков к порядку.

— На наших землях бунтов давненько не бывало. Я бы даже сказал — никогда.

— И снова соглашусь. Вас, Плечеевых щедро поддерживает Феофан Домидов, вот на его заводах волнения случаются регулярно. В позапрошлом году, помнится, мне лично пришлось выезжать на подавление.

— Отчего так? Войска не справились с бунтующими работниками?

— Среди смутьянов появился колдун. Точнее, прошёл такой слух. Ведь, как известно, церковь справляется с незаконной волшбой, не так ли? — Валицын в упор смотрел на Кирилла.

— Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, — спокойно ответил на выпад Кирилл. Валицын вежливо улыбнулся.

— Да, это правда.

— Замечу лишь, что вы весьма жестко подавляли те беспорядки, — сказал Павел.

— Князь, а вы бывали на заводах своего друга? Или хотя бы в своих деревнях?

— Не до того как — то было.

Валицын ухмыльнулся.

— Эти люди... Вы плохо понимаете, как и чем живёт большинство населения Империи. Вы проезжаете мимо их поселений в карете, и не смотрите в окно. Тем более, что

дворянские кареты часто ездят по тем дорогам, на которые крестьянам с их телегами проход с некоторых пор закрыт. Кстати, закрыт моим отцом. По соображениям безопасности, а вовсе не для того что бы не портить вам аппетит картинами крестьянского убогого быта.

— Я проехал почти всю центральную и южную части Империи по железной дороге, — возразил князь.

— Это тоже самое, что преодолеть её на новомодном дирижабле. Князь, вы живете в своем мире, а ваши крестьяне и рабочие Домидова — в своем. И знаете, что я вам скажу? Это очень хорошо. Наш мир, мир образованных людей не должен пересекаться с их миром.

Кирилл откашлялся и вставил:

— Помимо нашего мира и мира крестьян — а он не столь уж страшен, как вы его описываете, князь, уверяю вас. Я, знаете ли, бывал, как вы сами понимаете, в самых медвежьих углах Империи. Всякого повидал. Так что судить могу. Так вот, есть и третий мир. Тот самый, что породил дирижабли и поезда. Его тоже подавлять будете?

Валицын дёрнул подбородком.

— Да, буду, если понадобится. Теперь, после гибели Друбецкого это станет проще. Кстати, ваших рук дело?

— Моих, — сказал Павел. Валицын поблагодарил его кивком головы, — я скажу гвардейцам, что старик ошибся с заклинанием и сам уронил на себя ледяную стрелу.

Более они не разговаривали до самого прибытия в Александровскую слободу.

Рассвет застал их в дороге, но Павел его не увидел. Его убаюкало в раскачивающейся карете, и он уснул. Разбудил его неделикатный шлепок по колену. Он открыл глаза. Кирилл смотрел в одно окно, Валицын в другое.

— Глянь, Паша, — сказал Кирилл и немного подвинулся, освобождая место у окна.

Павел выпрямился, потер глаза и взгляделся, щурясь от неяркого, холодного света, пробивающегося через хмурую пелену облаков. Пейзаж в мертвенно — бледном освещении казался несколько потусторонним. Колонна экипажей стояла, ожидая проезда. В обычное время даже гвардейцы, охранявшие границы Александровской Слободы, не рискнули бы навлечь на себя гнев высшей аристократии, заставляя их ожидать проезда. Значит, происходит что — то из ряда вон выходящее. Князь осмотрелся, гвардейцев видно не было.

— Дилмурад, братец, ты здесь?

Слуга спрыгнул с козел, вопросительно уставился на князя.

— У тебя выпить не найдется? — спросил князь нарочито громко, знаками украдкой показывая, чтобы Дилмурад подошел поближе, — знаю тебя, мошенника, у тебя всегда есть!

— Да, барин, найдётся, — в тон ему ответил Дилмурад, запуская руку под рубаху и делая пару шагов вперёд.

— Что происходит? — шепнул князь. Громко же сказал:

— Да не беспокойся, не оставлю я тебя без выпивки!

Князь буквально спиной чувствовал напряженные взгляды Валицына и Кирилла.

— Слобода в плотном кольце охраны, — быстро шепнул Дилмурад.

— И мне дай, — басовито сказал Кирилл.

— На мою долю останется? — спросил Валицын.

— К сожалению, нет, мой дядюшка пьёт как и положено монаху!

— Так отправьте своего слугу на поиски, — вскричал Валицын, столь умело играя роль избалованного аристократишки, что у свободолюбивого сына пустыни рука рефлекторно легла на рукоять кинжала. Павел жестом успокоил его.

— Братец, пока мы тут время теряем, поищи-ка в окрестностях чего-нибудь бодрящего.

Дилмурад склонился поближе и тихо сказал:

— Будем стоять недолго, гонец уже выехал в императорский дворец за личным разрешением на въезд. Я не успею вернуться до того как вы отъедете. Нагоню позже. Разузнаю, что в народе говорят.

Князь кивнул. Это был их излюбленный приём, опробованный во многих городах юга. Пока князь сводил знакомство с местной верхушкой, Дилмурод исследовал настроения простого люда. После они обменивались полученными знаниями, и получали целостную картинку.

Дилмурод ушёл, Павел опустил на окно плотную штору. Валицын поступил так же.

— Что думаете, молодёжь? — спросил Кирилл.

— Думаю, хорошо что мы сейчас не в Слободе, и что вчера там не были, — сказал Валицын.

— Согласен, — кивнул Кирилл. Павел смотрел на них непонимающе.

Кирилл снисходительно улыбнулся и пояснил:

— Если слобода окружена гвардейцами, значит случилось что — то выходящее из ряда вон. Ну а нас в это время там не было, а значит перед Его Величеством мы чисты.

Павел собрался было сказать что-нибудь глубокомысленное и ничего не значащее, но карета тронулась, и все трое прикинули к окнам.

Слобода с давних времён была окружена изгородью. Чисто символической с виду, но на самом деле очень хорошо охраняемой. Никому и в голову не приходило даже пытаться пересекать её иначе кроме как через ворота. Считалось само собой разумеющимся, что периметр зачарован мощнейшими заклятиями. Наиболее достоверным свидетельством небывалой мощи заклятия считался тот факт, что ни один маг не мог учуять этих заклятий. Время от времени в какую — нибудь горячую молодую голову приходила мысль проверить магический барьер. Кончалось это неизбежно тем, что дурака ещё на подступах к ограде перехватывали гвардейцы.

Сейчас карета проезжала мимо полосы скошенной травы, глубиной в сотню шагов кольцом охватывающей ограду. Сама ограда была невысокой, меньше человеческого роста. Аккуратные каменные столбики, вкопанные через равные промежутки времени, между которыми натянуты сплетенные из неизвестного материала канаты. Глянуть со стороны, так ограду можно пересечь не снижая скорости шага. Ограда отделяла Империю, на территории которой действовали законы, от Слободы где всё управлялось волей Императора. Колонна карет, возглавляемая гвардейцем верхом на коне, проехала сквозь ворота и завернула во двор расположенной в непосредственной близости от ограды гостиницы «Приворот». Павел поморщился. Не по рангу гостинишка — то. Она подходит для провинциала, прибывшего в Александровскую Слободу, дабы показать детишкам ежегодный императорский бал, копивший для того денежку в течение нескольких лет. Или для купца, выслужившего себе право на малозначимый орден. Но уж никак не для высшей аристократии. Тем не менее, выбирать было особо не из чего. Гвардейцы ничего не делали по прихоти и без необходимости. Раз уж они решили, что передравшимся между собой родовитым господам и дамам следует ожидать императорского суда в низкопробной гостинице, значит, так тому и быть.

Кареты заняли весь двор гостиницы. Хозяин стоял на крыльце, пребывая в очевидном восторге от визита столь высоких гостей. Теперь — то его дело пойдёт на лад! Столько высокородных гостей за один раз! Да одного князя из столбовых Рароговичей или Витеничей хватило бы с головой, а тут! Забегали туда — сюда слуги, обряженные в ливреи, своей

вычурностью должныствующие подчеркнуть фешенебельность заведения, но в действительности говорящие лишь о дурном вкусе владельца. Аристократы выходили из карет, не обращая ровным счётом никакого внимания на склонившихся слуг. Они игнорировали все попытки указать им, куда именно следует идти. Павел усмехнулся. Владелец гостиницы, подобно всем людям, не знакомым изнутри с жизнью высшей аристократии Империи, не имел ни малейшего представления о том, какие неписанные правила регулируют эту жизнь, а главное — насколько они её регламентируют. Эти правила нигде и никем не были не только записаны — их никто и никогда не проговаривал вслух. Большая часть аристократов очень удивилась бы, выскази кто мысль о самом существовании каких — то правил. Они впитывались с молоком матери, вбивались в мозг воспитанием в монастырях, а после — в закрытых школах.

То, где кто из прибывших в гостиницу аристократов поселится было predeterminedено складывавшимися на протяжении столетий взаимоотношениями благородных семей, клубком союзов, обязательств, вражды и затаённых обид. Павел в силу специфического воспитания мог взглянуть на происходящее со стороны, в отличие от большинства, действовавших сейчас абсолютно неосознанно, практически инстинктивно. Он прекрасно знал как это происходило всегда и как будет происходить сейчас. Вот князь Валицын небрежно спрыгнул с кареты и заложив руки за спину принялся прохаживаться возле крыльца, но не поднимаясь на него. Из кареты Друбецких два молодых человека вынесли заключённое в глыбу льда тело старого князя, и понесли его ко входу в гостиницу. Юная княжна следовала за ними, отставая на полшага. Она уже успела раздобыть вуаль и прикрыть лицо. Традиционно считалась что жены и дочери благородных домов скрывают во время траура лицо вуалью, дабы никто не видел их слёз. Павел думал, что это делается ровно наоборот, чтобы никто не видел, что слёз нет. За княжной пристроилось несколько молодых и не очень людей. Это заявляют свои притязания кандидаты на руку и сердце княжны. Они же претендуют на место во главе могущественного Ледяного Дома. Павел выждал положенную паузу и тоже пошёл к крыльцу. За его правым плечом шествовал Кирилл, далее несколько менее значимых персон. Немного в стороне от процессии Плечеева, тактично отставая на пару шагов, шёл Валицын с сестрой. Подходя к крыльцу они ускорились на ступеньки вступили практически одновременно с Павлом. Это была серьёзная заявка. Если Друбецкие имели преимущество как дом, только что утративший предводителя, то Валицын никаких оснований для такой дерзости не имел. Он фактически заявляет права на равный с Плечеевым статус, то есть на главенство в ветви Витеня.

Павел вошёл в гостиницу, мысленно прикинул где находится восток и пошел в том направлении. Пройдя несколько дверей, он остановился у той, что выглядела более прилично, открыл её и вошёл. Друбецкой наверняка расположился в северном крыле, Валицын неподалеку. Остальные — согласно неофициальной табели о рангах. Как только дверь за спиной Павла закрылась, он упал в кресло и вытянул ноги. Ему совсем не хотелось участвовать в светской карусели. Отец, как назло, опять исчез, перевалив на его плечи эти заботы. Сам же, наверняка, занимается сверхважными делами.

Павел вызвал колокольчиком слугу, потребовал завтрак и ванну. С аппетитом поел, вымылся и прилег отдохнуть. Под гул голосов переполненного отеля он уснул. Ему снились ярко — зеленые глаза.

Разбудил его Дилмурод, сумевший пробраться в заблокированную гвардейцами Слободу одному ему известным способом.

— Всех собирают в обеденном зале. Прибыл какой — то важный человек.

— Как выглядит? — хриплым спросонья голосом спросил Павел.

— Рыжая борода.

— Домидов?

— Нет. Этот старый. Борода раздвоенная на конце. С ним ваш отец.

Сон как рукой сняло. Личный камергер Императора в компании отца. Неужели что — то случилось с Его Величеством?

Наскоро умывшись и одевшись, Павел быстрым шагом пошёл за Дилмуродом указывающим путь в обеденный зал.

Столы были убраны, как и стулья. Все присутствующие выстроились вдоль стен. Друбецкие даже своего замороженного патриарха притащили. Ну а что им остается делать, главы семьи по факту нет, а княжна руководить домом по закону не может. Вот и приходится делать вид, что старик Друбецкой не мертвая ледышка, а живой глава дома. Впрочем, среди высшего света и не такие кульбиты бывают.

Камергер Императора вошел в зал в сопровождении Петра Плечеева. Они встали у камина и рыжебородый камергер без предисловий произнес срывающимся от волнения голосом.:

— На Его Императорское Величество было совершено покушение.

Воцарилась тишина. Лица присутствующих замерли каменными масками. Сердце у Павла упало. Проблема в том, что у Императора нет наследника, имеющего полные права на престол. Его Величество слишком много уделял времени и сил государственным делам, и слишком мало вопросу престолонаследия. Да и был он относительно молод, в особенности по меркам Императорского Дома...

Тишина готова была взорваться от витавшего в воздухе напряжения. Отец цепким взглядом наблюдал за реакцией присутствующих. Старая ищейка выискивает возможных будущих заговорщиков уже видящих себя на троне. Плечеев готовится к неминуемой гражданской войне.

— Прошу не беспокоиться, жизнь и здоровье Его Величества вне опасности. Я лично говорил с ним, — сказал он неожиданно.

— Тогда я не понимаю, почему нас держат здесь! — воскликнул молодой человек, фамилию которого Павел никак не мог запомнить. Что — то связанное с лошадьми.

Пётр Плечеев смерил парня взглядом.

— Собравшиеся здесь не являются прямыми участниками покушения, ведь все присутствующие, включая меня, в момент покушения находились далеко за пределами Слободы. Мы все вне подозрений — в отличие от остального населения Слободы. Вызваны же мы сюда, позволю себе напомнить, по личному распоряжению Императора. Он примет решение сразу после того как будут установлены исполнители. И, самое главное — заказчики этого немыслимого злодеяния.

— Нельзя ли поподробнее о злодеянии? — подала голос княжна Друбецкая.

Отец посмотрел на гвардейца. Тот откашлялся и начал рассказ:

— Его Императорское Величество прогуливался по площади у дворца. Мои люди, естественно, сопровождали. Император изволил гулять всегда по одному и тому же маршруту, и в этот раз на него было совершено вероломное нападение.

Гвардеец прервал рассказ, всем своим видом демонстрируя, что подробностей от него ждать не стоит. Тем не менее, присутствующие пытались задавать ему вопросы, он

решительно отказывался давать больше информации, в конце концов по — военному отдал честь и вышел, а сопровождавшие гвардейцы забрали с собой тело Друбецкого, что вызвало у его дочери вспышку ярости. В зале резко упала температура. Сухие острые снежинки принялись носиться со страшной скоростью. Надо отдать должное гвардейцам, дело они своё знали. Соппротивление княжны было подавлено быстро и без фатального ущерба для её чести. Последовавшие за этим несколько вызовов на дуэль они проигнорировали, ибо в гвардию дворян отродясь не брали.

Началась неразбериха. Все громогласно высказывали свое мнение, предлагали пути выхода. Кто — то порывался отправиться в город и незамедлительно найти, а после собственноручно покарать мерзавца. Однако ж, единственный кто решился не ограничиваться только словами, и выпрыгнул в окно был спустя совсем немного времени введён в зал двумя дюжими гвардейцами. Действовали они, надо сказать, без излишней обходительности. Перед уходом объявили, что любой, кто попытается покинуть гостиницу без разрешения, будет препровожден в темницу и выпущен лишь после личного распоряжения Императора, а оно во ввиду сложившихся обстоятельств дожидаться придётся долго.

Отец подхватил Павла по руку и повел в его номер. Как только они зашли внутрь, он запер дверь на замок, который достал из кармана, а после раздавил в руке печать безмолвия. Павлу по ушам словно шлепнули огромной ладонью.

— Паша, у меня для тебя и твоего Махмуда дело есть.

— Он Дилмурод, — автоматически поправил Павел, — к тому же я, честно говоря, не знаю где он.

— За дверью стоит. Он за нами шёл. Так вот, я его, конечно, впускаю, но перед этим надо нам с тобой кое-что обсудить.

— Что обсудить, отец?

— Моё отравление, всё произошедшее в монастыре, смерть Друбецкого и покушение на Императора — это всё взаимосвязано.

— Я это уже понял.

— Умный мальчик, весь в мать. Потому тебя и выбираю для важнейшего дела — расследования покушения на Его Величество.

— Отец, это большая честь и я благодарен тебе за доверие, но неужели у тебя нет никого более подходящего для этой миссии? Я, в конце концов, военный диверсант, а не сыщик.

— Талантливый человек талантлив во всём. Точнее сказать, должен таковым быть. Так что, коли ты мой сын — будь добр соответствовать. К тому же не думаешь же ты, что я возлагаю все надежды на тебя? Можешь не отвечать. Это был риторический вопрос.

Отец опустил в кресло и на краткий миг превратился в уставшего старика, но тут же взял себя в руки.

— Паша, покушение на Императора это сложнейшая операция. Его очень хорошо охраняют. Мои люди, гвардейцы. Да и не стоит забывать о том, что Императорский Дом располагает своими ресурсами и даже мне в точности неизвестно каковы они. Его персону охраняют по высшему разряду.

— Тогда каким же образом удалось на него напасть?

— Два базовых уровня защиты, быстро.

Павел удивился, но ответил как на занятиях по личной безопасности:

— Защита любой персоны либо группы оных подразделяется на ментальную и физическую. Под физическим уровнем безопасности подразумевается предотвращение атак материальными предметами направляемыми силами немагического характера.

— Следовательно, физическая опасность исходит от простолюдинов? — спросил отец со столь раздражающей Павла хитрецей.

— Нет. Благородные так же способны атаковать физическим оружием. Более того, магические атаки наносят такой же урон, как и физические атаки, поскольку лёд, пламя, вода и воздух есть проявления физического мира. Отдельную опасность приносят атаки тёмными искусствами. Это и обуславливает ограничение свободы передвижений для тёмных магов.

— То есть проживание в резервациях. Ладно, будем считать, что теорию ты сдал. Однако, теория теорией, а практика — практикой!

Отец оседлал любимую лошадку. Павел призвал на помощь всю силу воли. Надо выдержать, как и всегда.

— Гвардейцы, занятые охраной особы Императора, знают в лицо всех магов Империи, обладающих достаточным могуществом, чтобы иметь возможность нанести урон Императору. И всех иностранных гостей они знают. Более того, за передвижениями таковых лиц постоянно следят, благо их не так уж много. Словом, охрана особы Императора поставлена хорошо, да и я регулярно взбадриваю их проверками. Осечек не было пока.

— Пока, — со значением повторил Павел.

Отец тяжело вздохнул.

— Паша, Императора атаковал маг, в Бархатной Книге не значащийся, и при этом не иностранец.

— Тёмный?

— В том — то и дело, что нет. Воздух. Точнее — его отсутствие. Чуть не задохнулся Император. Кто это мог сотворить, ума не приложу. Так что, Паша, пока гвардия, императорские люди, мои, Валицына и много какие ещё будут носом землю рыть, в поисках благородного мужа или женщины, покусившегося на особу Императора, ты втайне ото всех будешь искать с другого конца. Снизу, я бы сказал. Потому как подсказывает мне чутьё, появился у нас маг неблагородных кровей. Напортачил Кирилл, словом. И тебе за дядюшкой подчистить надо.

— А как же я...

— За ограду выберешься? Да Дилмурад тебе пособит. Он мерзавец, разнюхал уже ходы. И вот ещё, — отец порылся в карманах, извлёк перстень, и протянул его Павлу. Он присмотрелся к гербу — это фамильный перстень Друбецких. Знак главы рода!

— Отец, ты пил с утра, что ли?

— Нет. Хотя, врать не буду, пару раз очень хотелось. Больно суматошное утречко выдалось. Бери давай. Чует моё сердце, покойный князёк имел отношение к покушению. Так что я его незавидную участь втайне пока подержу, а ты выдай себя за его доверенной лицо. Ну что, готов в путь?

Павел взял перстень, надел его, перевернув гербом вовнутрь.

— Благодарочка, папаня, — сказал он и сам себе удивился. Отец тихонько по — старчески рассмеялся.

— Ну — ка, скажи ещё чего —нибудь? — его глаза озорно поблескивали.

— Чё эт происходит — то, папань, а? Не пойму...

— Хороша работа, не подвел Феофан.

— Дык это тёмный наговор? — у Павла даже произношение стало как у простолюдина.

— Дык да! — отец явно наслаждался его замешательством, — поможет тебе выдавать себя за простолюдина.

Он подошёл к двери, открыл её.

— Входи, Дилму...как там тебя? Входи, словом.

Южанин вошёл с мешком за плечами. Они с отцом обменялись короткими поклонами.

— В одежде ты найдёшь грамоту с высочайшей подписью и кое-что ещё, — Сказал Пётр Павлович и ушёл, прикрыв за собой дверь.

Дилмурад поставил мешок на пол, развязал его и принялся доставать одежду. Наверное, такую носят простолюдины, подумал князь, рассматривая довольно яркие штаны и куртку. Сам Дилмурад нимало не стеснясь принялся переодеваться в такой же костюм.

— Мой акцент не скроешь, — сказал он, — потому я буду молчать, как немой.

— Слушай, а вы с каких пор стакнулись? Чёрт, — князь снял кольцо и сказал нормальным тоном:

— Давно ты с отцом знакомство свёл?

— Около трёх лет назад, — спокойно ответил Дилмурад.

— Что!?

— Я работаю на него. И в яме тогда я оказался выполняя его задание.

Павел пораженно молчал, не находя слов.

— Не беспокойтесь, молодой господин, ваш отец хитер как все демоны пустыни, но даже он не способен предусмотреть всего. В яму я попал не по его плану и вас тогда я не знал. Но после побега, как только представилась возможность, я связался с ним и получил новое задание — присматривать за вами.

— Отец всё ещё считает, что мне нужна нянька?

— Нет, он считает что вам нужен друг. Думаю, он ошибается, но говорить ему этого я не стал. С вами безопаснее, чем в пустыне.

— Да уж, — только и смог сказать Павел. Ну что ж, веди. Нам надо в Посад, если я всё правильно понимаю.

— Да, в Посад. Хорошо что вы не учились в одном из лицеев.

— Это почему же? — не понял его князь.

— Выпускники лицеев имеют осанку. А вы сутулитесь, словно простолюдин.

Павел ничего не сказал в ответ на это, но запомнил.

Дилмурад прошёл в ванную комнату, примыкающую к спальне, открыл расположенное под самым потолком окно, выглянул в него и ужом скользнул наружу. Павел подтянулся за подоконник, и последовал за своим проводником. Вместе они проползли к ограде, скрываясь в пышных клумбах от патрулирующих задний двор гостиницы гвардейцев, после чего Дилмурад указал на вход в конюшню и жестом дал понять что надо подождать. Спустя полчаса из двери показалась голова гвардейца. Он воровато огляделся, никого подозрительного не обнаружил и пошёл к зданию гостиницы, увлекая за собой закутанную в плащ женскую фигуру.

— Князю Веренитскому не терпелось встретиться со своей возлюбленной, — шепнул Дилмурад. Он встал и спокойным шагом прошел к конюшне. Павел последовал его примеру. Внутри Дилмурад ощупал заднюю стену и нашёл отодвигающуюся доску. Конюшня задней стеной выходила в узкий переулок. Князь глазам своим не поверил, узрев, насколько тут было грязно.

— Никогда раньше такого не видел, — произнес он шепотом.

— Вы много чего не видели, князь.

— Это почему же? Я внимательный.

— Да, внимательный, но — князь. Вы не бываете в местах, подобных этому. Потому и не знаете об их существовании. Это другой мир.

Князь пожал плечами.

— Тогда командуй ты.

И они пошли к опоясывающей Александровскую Слободу ограде.

Павел ранее и не подозревал, что у ухоженных улочек Слободы, нарядных фасадов особняков знати и фешенебельных ресторанов есть обратная сторона. Точнее, он просто об этом не думал. Для него свежие, ещё теплые булочки, подаваемые к завтраку, незадолго перед тем как попасть к нему на стол неведомым образом попадали на серебряный поднос, рядом с горячим кофейником. Такими же неведомыми путями куда — то девался мусор, несвежие рубашки превращались в чистые и безукоризненно выглаженные. Всё это происходило как — то само собой. Оказалось — нет. Князь, следуя следом за Дилмурадом,

попадал всё дальше и дальше в неведомые ему ранее земли. Улиц здесь не было — лишь узкие извилистые проходы, проложенные между оград особняков и время от времени ныряющие под землю. В сущности, они в основном и располагались под землёй. Проходы эти были полны торопливо семенящими людьми, молчаливыми на поверхности и начинающими болтать без умолку как только оказывались под землёй. Полуподземная система скрытного перемещения слуг, представшая перед изумленным взглядом князя, лишь на первый взгляд казалась хаотичной. Присмотревшись повнимательнее и оправившись от первоначального удивления, Павел понял что эта система была построена централизованно и скорее всего в столь же давнее время, как и сама Слобода.

На него и Дилмурода никто не обращал внимания. Дилмурад шёл явно зная куда идти, он спускался всё ниже. Навстречу им попадалось всё больше людей, нагруженных мешками и ящиками, некоторые тащили носилки и катили тачки. Вскоре они оказались в огромном подземелье, в котором разгружалось множество повозок. Здесь стоял шум и гам, приказчики выкрикивали сочетания букв и цифр. Из осаждающей телеги толпы отвечали люди и дюжие грузчики передавали им груз. Дилмурад подошел к одной из телег и окликнул возницу.

— Иннокентий, я вернулся! — выкрикнул он. Бородатый, стриженный в кружок широкоплечий мужик посмотрел на Дилмурода из — под густых бровей.

— Тебя — то я вижу, а обещанное где? — пробурчал он, поигрывая кнутовищем.

Дилмурад извлёк из глубин кафтана пару серебряных ложек и протянул вознице. Тот принял товар, поднёс к глазам. Оскалился, рассмотрев герб.

— Это ты, чертяка, самого Плечева обнёс? Красавец, ничего не скажешь.

Павел с трудом удержался чтобы не уставиться на Дилмурода. Тот совершенно не смутившись кивнул на Павла:

— Это он сделал. Я говорил тебе, ловкий человек.

Возница глянул на Павла, сказал:

— Ну раз пролез в Слободу, и я про то не знаю, значит или действительно ловкий человек, или кто — то из наших скрытничать вздумал.

Павел выдержал взгляд, по — волчьё оскалился, и сказал растягивая шипящие:

— Если б кто из твоих скрытничал, так и меня б он сам тем же путем вывез, каким привёз.

— Дело говоришь, — согласился возница, — ну, чего встали столбом? Полезайте в телегу. Мне ехать пора, время выходит.

Дилмурад запрыгнул в телегу, Павел последовал за ним. Они улеглись на дощатое дно телеги. Возница сверху накрыл их тёмной плотной тканью. Телега качнулась и покатила. Какое — то время они двигались под землёй. Павел сделал вывод что они поднимаются вверх по спирали. Спустя какое — то время сквозь борта телеги начал пробиваться дневной свет, и телега остановилась.

— Иннокентий, ты что ль? — судя по звону подбитых железом сапог к телеге подошел гвардеец. Павел подметил, что с возницей он говорит совсем не так, как с благородными.

— Я, кто ж ещё.

Скрипнул борт телеги — это гвардеец заглянул внутрь.

— А что там у тебя? — спросил он.

— Двое благородных господ, — буднично ответил возница. Павел похолодел. Он не был готов к тому что его так быстро и глупо поймают.

— Кто хоть на этот раз? — совершенно спокойным тоном поинтересовался гвардеец.

— Поверь, лучше тебе не знать.

— Ну, раз лучше. Значит лучше. Брату привет передавай.

— Передам. И ты племяннику мои пожелания здоровья передай.

— Он вполне здоров.

— Твой брат тоже.

Закончив этот странный диалог возница цокнул языком и телега двинулась дальше. Павел припал к борту. Они выезжали не через те ворота, через которые въезжал в Слободу он. Дорога тоже не была той идеально ровной, вымощенной тесаным камнем, а обычной, каких в Империи бесчисленное множество. Они пересекли поле, прогрохотали по брёвнам, которыми неизвестные благодетели забросали огромную лужу. Наконец дневной свет померк — телега въехала в лес. Павел вспоминал: неподалеку от Слободы есть несколько лесных массивов, некоторые довольно большие и используются для пикников знати, прогулок и иногда для того чтобы побыть в одиночестве. Павел слышал множество историй о том как тот или иной благородный муж скрывался на время в лесной хижине, дабы отдохнуть от светской жизни. Павел подозревал, что на самом деле лесные хижины не такие уж и хижины, а скорее загородные дома, в которых почтенные отцы благородных семейств отдыхали от трудов, сопряженных с исполнением своих почётных обязанностей.

В некоторых из лесов вокруг Слободы специально обученные люди разводили дичь. Время от времени среди знати возникала мода на охоту или рыбалку, да и просто любители поохотиться не переводились. Но сейчас телега ехала не в один из этих лесов, поскольку все они окаймляли Слободу с северо — востока, а они, судя по солнцу, ехали на запад. Там тоже имелся лес, он был невелик. Даже не лес, а скорее узкая полоса высаженных специально деревьев, отделяющая благопристойную Александровскую Слободу от её темного двойника. У этого поселения было и официальное название — Посад. Об этом селении говорить и даже думать было не принято. Но оно существовало и, судя по запаху, телега к нему приближалась.

С тех пор как Иоанн Великий покинул древнюю столицу и избрал своим местом жительства Александровскую Слободу, это небольшое на тот момент поселение навсегда изменилось. Со временем туда перебралась вся высшая знать Империи. Туда же переехали иностранные посольства и чиновничий аппарат. И все эти люди ели, пили, одевались и так далее. Торговым же людям, ремесленникам, актерам, управляющим поместьями и прочим спутникам знати жить в пределах Слободы жить было воспрещено, дабы не смущать своим непристойным видом юных благородных. Они начали обживать окрестности. Со временем вокруг Слободы образовалось несколько поселений, они стремительно разрастались и грозили со временем охватить резиденцию Императора сплошным кольцом лачуг, кабаков, складов, борделей и торговых рядов. Прадед нынешнего Императора, дабы предотвратить это, велел снести к чертям все эти селения, сжечь, перепахать и засадить освободившееся пространство деревьями. Гвардия и несколько князей справились с этим поручением государя в несколько дней и какое — то время Александровская Слобода жила так. как того желал Император, а он к старости сделался форменным монахом и всех своих приближённых заставлял следовать своим у примеру. Его сын, дед нынешнего Императора, оказался человеком гораздо более разумным, хоть и взошел на трон почти ребенком. Он выделил место под жительство обслуживающего Слободу персонала, за лесом. Выстроил дома, разметил улицы и благословил всех желающих жить там. Гвардия и прочие блюстители законности не слишком вмешивались в происходящее в Посаде, следя лишь за

тем чтобы кипящая клоака не выплескивалась за обозначенные Императором границы.

И вот в эту клоаку сейчас въезжал князь Плечеев, укрытый шкурой на дне телеги.

— Дилмурад, а чего мы под этой рогожей прячемся? — спросил он. Ответа не последовало.

Он повторил вопрос, погромче. Возница обернулся на голос:

— Чего шумишь? — пробасил он. Пошевелил рогожу, молвил:

— Спит твой Дилмурад. Вылезай давай, и его буди. Я подрядился вас к окраинам Гнилушки доставить, на том расстанемся.

Павел растолкал Дилмурода, тот выбрался из — под рогожи, снял с пояса фляжку, полил себе на руку воды, протер лицо. Телега выехала из леса и их взору предстал Посад, или, как его называли местные, Гнилушка — темный антипод благородной Александровской Слободы. Выстроенные по приказу Императора здания либо давно были снесены, либо перестроены до неузнаваемости. Здесь уже не было просторных прямых улиц — лишь извилистые тесные улочки, наполненные народом. Не было ограды, опоясывающей населенную местность. Телеги въезжали на территорию не через ворота, а там, где вознице было удобнее. Что удивительно, сама Гнилушка была застроена сверх всякой меры, дома словно карабкались друг другу на головы. Князь мог бы поклясться, что видел шестиэтажную халупу, сколоченную из грубо отесанных подгнивших досок. Верхние этажи выступали над нижними, а кое — где по соприкасающимся крышам народ ходил словно по проспектам. Да что там люди, по крышам разве что телеги не ездили. И при всем этом кипящая бурной деятельностью Гнилушка словно обрывалась на невидимой, но четко соблюдаемой границе. С приказами Императора даже здесь не рисковали спорить.

— Всё, благородные господа, приехали. Вылазьте из моей телеги. Ты, молодой, — обратился возница к Павлу, — если работа нужна будет, обращайся. Меня можно найти в кабаке Чернобая. Меня не будет — обратись к хозяину. Скажи что к Иннокентию дело имеешь. Для человека, которому хватило смелости облегчить мощну Плечеевых, работа всегда найдётся. А теперь прощайтесь.

Возница отвернулся. Слегка хлестнул лошадей и направил телегу к складу, расположившемуся на окраине Гнилушки. Дилмурад взял Павла за рукав.

— С непривычки здесь легко заблудиться, Павел.

Князь устался на него с изумлением.

— Прости, но здесь я буду называть тебя Павлом и обращаться на ты. По другому в Гнилушке никто не разговаривает.

— Ладно, что поделать. В чужой монастырь...

— Меня здесь следует называть Чернышом, — продолжил наставлять его Дилмурад, увлекая за собой в уличную сутолоку.

— Так куда мы идём, Черныш?

— Ваш отец велел мне привести тебя сюда, сказал, дальше довериться твоему чутью.

Павел вертел головой совершенно ошарашено. Что ж, если отец сказал довериться чутью...

— Ладно, идем куда — нибудь, где можно посидеть. Здесь же есть кабаки?

Дилмурад кивнул и потащил Павла сквозь толпу. Пройдя около сотни шагов, трижды уклонившись от казалось бы неминуемого столкновения с несущейся во весь опор лошадьёю. Они наконец — то попали в пункт назначения. Таковых оказался кабак, расположенный на втором этаже — на первом была конюшня. Уселись за стол расположенный прямо над

улицей, на балконе, с которого открывался вид на суетливую Гнилушку. Павел привычно бросил через плечо:

— Принеси покушать чего — нибудь, братец.

— Чё сказал? — услышал он в ответ.

Обернулся на звук и увидел оскалившегося гнилыми зубами мордоворота.

— Прости, брат, моего друга вчера по башке приголубили свинчаткой. До сих пор в себя прийти не может, — встрял Дилмурод. И куда пропал его тягучий густой южный акцент? Он вообще кто на самом деле?

— Бывает, — щербатая ухмылка превратилась в немного менее угрожающую. Мордоворот вернулся к поглощению кусков плохо прожаренного мяса из деревянной миски, размеры которой вполне позволяли постирать в ней одеяло.

— Павел, здесь не так это делается, — с этими словами Дилмурод встал и пошёл к стойке, представляющей из себя пару толстых досок, положенных на ряд пустых бочек. Он некоторое время беседовал со стоящим за стойкой хозяином заведения, принял у него поднос с кувшином, парой кружек и тарелкой. Вернулся к столу и поставил все перед Павлом.

— Ешь. На самом деле это вкуснее, чем выглядит.

Павел никогда не придавал большого значения тому что ест, да и во время странствий ему случалось пробовать всякое, так что он почитал себя за человека, которого едой напугать трудно — если она, конечно, не стремиться сбежать с тарелки. Он отщипнул немного от куска мяса из тарелки, плеснул в кружку из кувшина и принялся жевать. Запивая кисловатым напитком. Дилмурод тоже взялся за еду.

— С чего начнём. Павел? — спросил он, — твоё чутье что — нибудь тебе подсказывает?

— Никакого чутья не существует, — ответил князь, — потому прежде всего следует подумать.

— Только не вслух, — предупредил его Дилмурод.

Князь понимающе кивнул и принялся рассуждать. История Империи учит, что покушения на правителей случаются, и не так чтобы уж очень редко. В древние времена это вообще был нормальный и едва ли не единственный способ передачи власти. Своего пика дворцовые заговоры достигли в прошлом веке, но впоследствии императоры смогли призвать к порядку дворянскую вольницу. Правители Империи создали систему власти, которая всех устраивала и выступили её гарантом. Сейчас недовольных хватало, как и всегда, но борьба придворных партий шла за место поближе к трону, но никак не за сам трон. Витеничи в ходе текущего заговора претендуют на место Рароговичей. Тогда вопрос: зачем же старик Друбецкой пытался убить князя Валицына? Очевидно, боролся за власть. Аристократы вообще убивают других аристократов в двух случаях: в ходе борьбы за власть и защищая свою честь. Очевидно, Друбецкой желал устранить соперника, можно предположить что недавняя смерть старшего Валицына тоже не была случайностью. Не просто так он разбился на карете. Кони поскользнулись на спуске. Целую ведь бригаду дорожных рабочих за это повесили, а князя Лагова, начальника сухопутных путей сообщения, Император личным письмом упрекнул за ненадлежащее исполнение вверенных ему попечению обязанностей. Похоже, ледяной князь приложил к этому происшествию руку. Решил убрать главу Огненного Дома, заменив на его сына, в надежде что молодого князя удастся приручить. Однако, Валицын ожидания Друбецкого обманул, и старик решил его убрать с дороги. После снести Рароговичей, списать всё на склоку среди молодёжи... Но как

это всё связано с покушением на Императора?

Покушался маг воздуха, то есть это был кто — то из Рароговичей. Можно было бы предположить, что это один из многочисленного клана Витеничей применил чуждую его роду магию. Подобно самому Павлу, но есть один момент. Неродовая магия, применяемая магом, всегда слабее родовой. Намного слабее. Недостаточно сильный удар Император попросту бы отбил, даже усилия воли не потребовалось бы. Значит, действительно Императора атаковал кто — то из союзных Плечеевым семей. Так, а что если в деле замешаны купцы? Друбецкой был им должен. Возможно, для него заговор был попыткой расплатиться с долгами. Возможно даже, в должниках у богачей ходит кто — нибудь из воздушных магов первого сорта? Павел быстро в уме перебрал всех известных ему воздушных магов, обладающих достаточной мощью. Таковых немного, по пальцам одной руки пересчитать. Никто из имеющих достаточно сил чтобы представить угрозу Императору, не имел долгов, проблем с азартом или слишком дорого обходящихся любовниц. К тому же, по большей части они все были в монастыре во время столкновения. Остаётся один вариант...

— Любезный мой Иван! — услышал он манерный голос, каким разговаривали юные модники при дворе в прошлом году. Павел повернул голову в направлении голоса. Его обладатель, молодой человек даже младше с виду чем сам Павел, был закутан в плащ, а лицо его скрывала широкополая шляпа. Князь чуть было не расхохотался, до того у манерного парня был потешный вид. Однако, окружающие похоже придерживались совершенно другого мнения. Стоящий за стойкой стянул с головы шапку и заискивающе улыбнулся:

— Чего изволите, господин?

— Вино достал, которое я заказывал?

Кабатчик мелко закивал, скрылся на мгновение под стойкой и вынырнул оттуда с бутылкой темного стекла, закутанной паутиной, которую он начал тут же счищать грязной тряпкой:

— Простите, господин, сам не понимаю. как мои дураки ухитрились испачкать паутиной и пылью сей драгоценный продукт! — он нервно хохотнул.

Закутанная в плащ фигура угрожающе склонила голову. Воцарилась тишина, сидящие за столиками люди втянули головы в плечи.

— Я прощаю тебе твоё невежество, дурак, — парень забрал бутылку у кабатчика. Бросил на стойку монету и обернулся к залу:

— Хорошей вино, да будет вам, невежам, известно, всегда хранится столь долго, что пауки успевают сплести на них паутину. Это не грязь, дурачьё, а признак благородства напитка.

Он презрительно вздернул подбородок и прошествовал к выходу, нарочито громко топая.

— Дилмурад, у меня появилась кое — какая догадка, — сказал Павел. Дилмурад посмотрел на него вопросительно. Павел не удостоил его ответом. Он смотрел вниз. Закутанный в плащ юноша всё так же вышагивая, направился в сторону центра Гнилушки.

— За мной, — бросил Павел и двинулся к выходу. Дилмурад последовал за ним, походя бросив кабатчику монетку.

Они спустились по лестнице и двинулись следом за молодым парнем.

— Павел, чего тебе этот парень?

Они лавировали между идущими по своим делам пешеходами, стараясь не упустить из виду манерного парня. Благо, тот никуда не торопился, а шагал размеренным шагом, исполненным того, что должно было по его задумке изображать благородство.

— Это ж сынок какого — нибудь местного бандита или скупщика уворованного слугами благородных домов золотишка.

— И серебришка, — метнул на Дилмурода недовольный взгляд Павел.

— Ложки ваш отец разрешил взять. А вот к старухе — управляющей советую присмотреться повнимательнее. Она нечиста на руку.

Павел встал как вкопанный и уставился на Дилмурода.

— Слушай, а ты кто такой вообще?

— Павел, мы так парня упустим.

— Значит, не тяни время, а отвечай.

— Ладно. Можно на ходу это делать?

Вместо ответа Павел продолжил преследование.

— Я давно работаю на вашего отца. Князь умный человек. Он, в отличие от большинства знатных господ, понимает что вокруг вас, благородных, существует целый мир слуг, лакеев, управляющих и так далее.

— И он выстроил среди простолюдинов свою сеть, — продолжил мысль Павел.

— Пытался. Подземные головорезы быстро расшифровали его агентов. Один я и выжил, да и то, пришлось на юг бежать. Там занимался...всяким. Потом вас встретил. Морда у меня чёрная, наверняка у мамыши в чулане прятался торговец с юга. Акцент подделать нетрудно. Встреча в яме была случайной, князь и велел мне с вами дальше идти.

— Понятно. И как тебя зовут на самом деле?

— Дилмурод. Другого имени больше нет.

Павел помолчал.

— Так что такого в этом пареньке? Чего мы за ним увязались?

— Увидишь, — князь ускорил шаг.

Парень, которого они преследовали внезапно нырнул в малозаметный переулок. Дилмурод хотел сказать что — то, но Павел, не слушая его, пошел следом, не замедляя шага. Он увидел парня в плаще, выходящего из другого конца переулка и сворачивающего за угол, но пойти за ним не смог — путь ему преградили трое здоровых мужиков самого разбойничьего вида. Сзади послышалась возня, болезненный вскрик и серия глухих ударов. Князь не стал оборачиваться. Дилмурод похоже, тёртый калач, может сам о себе позаботиться.

Павел создал тоненькую пленку воды на уровне глаз, чуть левее головы. Глянул на отражение — сзади него стояли ещё двое громил. Третий лежал на земле, рядом вытянулся Дилмурод. Ну, хорошо хоть одного вырубить успел.

С неприятным металлическим звоном из рукава одного из бандитов выскользнула цепь с шипастым грузиком на конце. Остальные поблескивали кастетами, сжимали в огромных мозолистых кулачищах короткие толстые дубинки, покрытые неприятно выглядящими темными пятнами.

— Стоим мы значит тут с приятелями, дожидаемся гостей нашего городка. Местные — то к нам не заходят почти, подношения у переулка оставляют. Уважают нас, — неожиданно приятным баритоном проговорил один из бандитов, тот что с кистенем.

— А мы, — вторил ему гнусавый голос из — за спины Павла, — скучаем тут. Никаких

развлечений. Как нашу деревню пожаром пожгло, мы сюдой на заработки подались. Тута, прямо в переулке и поселились.

— Комнаты — то дорого в Гнилухе снимать, — вступил третий. Они двигались по кругу, словно волки, сжимающие кольцо вокруг жертвы.

— Да, дорого, мы в переулке и поселились. Иногда вот заглядывает к нам дурак.

Павел слушал их вполуха, сосредоточившись на волшбе. Сзади свистнула дубинка. Удар должен был прийтись не по затылку, а в плечо. Похоже, обитателям переулка действительно хотелось поразвлечься. Удар дубинкой не достиг цели. Бандит взвыл от боли в отшибленной руке. Да, блок водяным кнутом штука болезненная. Павел крутнулся на пятках и раскинул руки со струящимися от ладоней водными кнутами. Они, словно щупальца морского чудовища, острыми кончиками слегка касались лиц бандитов. Кровь брызнула на стены. Кнуты окрасились красным. Один оборот вокруг своей оси и лишь двое бандитов остались на ногах. Главарь сделал шаг назад, в его глазах на мгновение появился испуг, но он быстро совладал со страхом.

— А, так ты из этих... Что молчал? Мы уговор чтим.

Он посторонился, уступая дорогу. Павел не тронулся с места. Главарь кивнул:

— Понимаю. Слугу твоего, как в себя придёт, куда отвести?

— Он как в себя придёт, сам скажет.

— Лады.

Мордовороты отступили, давая Павлу пройти. Он вышел из переулка и двинулся направо, туда повернул преследуемый им парень в плаще. Прошло слишком много времени и отыскать его в уличной суете Гнилушки не представлялось возможным. Что удивительно, он не испытывал брезгливости, ступая по грязи. Не содрогался от омерзения, ощущая вонь из придорожных канав. Он даже думал как — то по — другому. Например, ловил себя на мысли, что вот у этого бородатого крестьянина рубашка на груди слишком сильно оттопырена, наверняка выгодно продал зерно или сало и сейчас решил поглазеть на городскую жизнь, перед возвращением к скучной однообразной жизни в деревне, наполненной тяжким трудом и бедной на развлечения. Можно подойти к нему, дружески поздороваться, улыбнуться располагающе. Лопух уши и развесит... Князь с брезгливостью одернул себя. Похоже, наложенное на него при помощи отца темное заклинание не только меняло его речь, но изменило само мышление. Внутренне он оставался прежним, но поверх его личности словно накинули тонкую вуаль чужих мыслей. Он мог без труда подавлять их, но мог и позволить им помогать ему с расследованием. Воспользоваться чужим чутьём.

Оно и подсказало ему следующий ход: Павел направился в район, даже по меркам разудалой и не слишком чтящей императорские законы Гнилушки считавшийся опасным. Хоть князь и не был знаком с внутренним устройством поселения, но выработал метод. Метод заключался в бесцельном брожении, и на каждом перекрестке он спрашивал себя: в какой из поворотов следует войти? Слушал внутренний голос и поступал ему вопреки. Таким образом он вскоре оказался в местах, куда по доброй воле не пошел бы. Они ничуть не напоминали то, что он читал о трущобах в авантюрных романах, не так давно пользовавшихся популярностью среди молодежи Александровской Слободы.

В том, что он видел вокруг себя, не было и тени романтического флёра. С одной стороны, даже описание красноречивейшего из авторов не может передать жутких запахов улиц, населенных людьми, для которых вода это лишь средство для утоления жажды, не более. С другой, в проститутках и уличных бандитах нет ничего красивого и интересного

при ближайшем рассмотрении. Совсем ничего.

Павел вышел на что — то вроде местной площади и, повинувшись наитию, поднёс правую ладонь к лицу, демонстрируя всем окружающим перстень с гербом Друбецкого. Большинство тут же отвело глаза, многие даже начали бочком двигаться к выходам с площади. Из — под навеса, защищавшего от дождя ил слишком яркого света, выдвинулся сутулый тип угрожающего вида. Он прокашлялся, сплюнул. Посмотрел в глаза князю тяжелым взглядом. Пожевал губами. Павел терпеливо дожидался, когда мужчина отыграет все необходимые согласно местному этикету действия. Мужик сделал ещё шаг в его сторону, мотнул головой в сторону, развернулся и пошёл к тяжелой двери. Павел последовал за ним через опустевшую площадь.

За дверью он обнаружил зал с низким потолком, скупо освещенный свечами и пробивавшимися через окна лучами солнца. Зал был в хаотическом порядке заставлен столами и скамейками. Создавалось впечатление, что они регулярно играли роль баррикад при драках, а после того как бои завершались, столы ставили на ножки там где они застали воцарение мира. Проводник Павла скрылся в глубинах кабака. Князь сел за один из столов спиной к стене. Ждать пришлось недолго. К его столу подошли трое, их лица оставались скрыты тенью, непонятно умышленно это сделано или нет.

— Могу я рассчитывать на приглашение присесть? — один из них изобразил церемонный поклон. Придворные манеры, которым он пытался подражать, бандит явно изучал по устаревшим на несколько десятилетий учебникам. Ему, похоже, было невдомек, что актуальный этикет никогда не имеет письменного изложения. Лишь когда он из дворцов Александровской Слободы приносится в провинцию возвращающимися с императорских балов дебютантами, этикет становится известен широкому кругу мелкого дворянства. А вот когда дебютанты становятся почтенными отцами семейств и уездными предводителями, тогда они наконец, от скуки принимаются за написание автобиографий, пособий по охоте и сводов бального этикета. Именно одно из таких сочинений и служило источником манер, демонстрируемых сейчас таинственным незнакомцем. Павел напрягся, припоминая, каким образом отвечали на сказанное собеседником во времена его детства.

— Благородному не требуется разрешение, — наконец процедил он сквозь зубы.

Похоже, и с формой и с подачей он угадал. Все трое уселись за столом, дружно приняв немного развязанные позы. Услужливый служка трусцой принёс корзину с запыхлёнными бутылками и поднос с серебряными стаканами. Весьма неплохой работы, отметил про себя князь. Похоже, хищения слугами предметов роскоши из особняков знати и последующая их перепродажа в Гнилушку имела гораздо более широкий размах, чем Павел мог предположить.

Похоже, его гость правильно догадался о мыслях князя:

— Вы не представляете себе, каким спросом пользуется такая утварь среди провинциального дворянства. Александровская Слобода паразитирует на простом народе, а Гнилушка паразитирует на Александровской Слободе. Небольшая компенсация получается, в некотором роде.

Он хохотнул. Его спутники тоже пару раз подхалимски хихикнули. Павел не изменился в лице. Он протянул руку к корзине, взял бутылку и резким ударом о край стола отбил горлышко. Налил себе в стакан, взял его и начал цедить.

— Так что ж вы за персонаж такой? Не припомню я, чтобы о вас что — то слышал раньше, — произнес второй. Крепко сбитый, невысокого роста. Голос ровный, как и

дыхание. Говорит бесцветно. Ничем не примечательный — именно таков каким и должен быть лихой человек, промышляющий в трущобах. Незапоминающийся. Жертва, коли в живых останется, и тогда не сможет вспомнить каких — либо отличительных черт злоумышленника. Не по причине аффекта или плохой памяти, а потому что таковых черт не имеется.

Вместо ответа князь положил на стол ладонь печаткой вверх.

— Немногословен ты, — сказал третий, — дай как я на тебя посмотрю, — с этими словами он вытянул ладонь. На ней расцвело пламя, осветив лица собравшихся за столом людей.

Павел криво улыбнулся, стараясь скрыть удивление. Уже второй встреченный за сегодня в Гнилушке маг. Либо их здесь очень много, либо он на верном пути. Маги без роду — племени. Небывалое дело, и ведь не слишком — то они и скрываются.

— Знаешь, чем мы тут занимаемся? — спросил у Павла третий. Угрожающим его тон не сочла бы даже юная впечатлительная дева. Незнакомец своим видом внушал доверие и прямо — таки излучал доброжелательность.

— Боретесь, — коротко ответил князь.

Доброжелательный расплылся в улыбке. Крепыш повернулся к нему и посмотрел безразличным взглядом.

— А с чем и за что боремся, знаешь? — продолжил незнакомец.

Павел вместо ответа слегка шлепнул по столу. Перстень издал звонкий стук.

— Намек понял, — склонил голову добряк, — проводите его.

Манерный и крепыш поднялись из — за стола. Павел последовал их примеру. Добряк заглянул ему в глаза и сказал:

— На досуге подумай над смыслом слова «справедливость», и над тем, стоит ли она принесённых жертв.

Как только он договорил, крепыш бесцеремонно сгреб Павла за плечо и потащил в сторону барной стойки. Обогнув её, они попали в темный чулан, из которого имелся выход в грязный и захламленный даже по местным меркам переулок. Павел дернул плечом, сбрасывая руку крепыша. Они обменялись угрожающими взглядами.

— Хватит, — пресек грозившую вот — вот разразиться ссору манерный. На солнечном свете стала заметна его жуткая бледность и тёмно — красные круги вокруг глаз. Да он болен, подумал Павел, смертельно болен. Любопытная компания: незаконный маг, профессиональный бандит и умирающий от чахотки псевдоаристократ. С кем же связался старик Друбецкой для совершения покушения на Его Величество? Нет, персонажам, подобным этим, решимости не занимать, а возможностей им хватает, но для такого серьезного дела, как нападение на самого Императора, нужна организация.

Он по — прежнему хранил молчание, поскольку не был уверен, за кого его принимают: за заговорщика из высшего света — тогда ему следует говорить так как он привык, или же его считают подобным себе. В сложившейся ситуации лучше помолчать, дабы не навлекать подозрений.

Они вышли за пределы Гнилушки и отошли достаточно далеко, почти к самому лесу.

— Обожди, — бросил ему крепыш и осмотрелся. Он сунул руку под куртку и князь, повинуясь инстинкту, нырнул вправо, стремясь уйти от удара. Метательный нож прошёл над самой его головой, задел волосы. Он с шипением втянул воздух. Для быстрого применения заклятий не стоит использовать высшие мыслительные функции, боевые заклинания следует оттачивать до автоматизма и привязывать к жесту, или ещё чему — нибудь, что будет служить спусковым крючком. Резкий вдох сквозь зубы для князя Павла Плечеева означал водяной взрыв. Трудное в исполнении и тяжкое с точки зрения затрат энергии заклинание. Стоило немалых трудов всю последовательность мыслеформ запаковать в подсознание, сделать их воспроизведение лёгким и быстрым. Но всё равно, ощущалось это примерно как вывернуться наизнанку и ударить по врагам собственными кишками. Удар получается чрезвычайно мощный — но не избирательный. Применяется такое только в полном окружении, как крайнее средство. Сейчас был именно такой случай. Неясно, где князь допустил ошибку. Возможно, он должен был назвать пароль или иметь оговоренную заранее особенность в одежде. Это уже неважно. Его раскололи и собирались убить. Хотя куда им до прирожденного мага. Он — Плечеев, сын Плечеева, в конце концов.

Никто его сейчас не видел, потому скрывать торжествующую улыбку Павел не счёл нужным. Глянул на грязно — красное пятно, в которое превратился крепыш и повернулся к мокрому месту, которое должно было остаться от второго мерзавца.

— Силён, ничего не скажешь, — встретил его звериным оскалом анемичный молодой человек, — судя по силе и характеру заклинания, я имею честь оппонировать самому князю Плечееву?

Сила аристократа не в происхождении и силе, а в умении владеть собой, вспомнил наставления отца князь и ответил:

— Рад знакомству. С кем имею честь?

Бледная кожа, круги под глазами и обвисшие мокрые лохмотья придавали молодому человеку inferнальный вид. В его глазах разгоралось оранжевое пламя:

— Мне повезло не попасть в лапы вашему многоуважаемому дядюшке, князь. Я был похищен и воспитан в духе свободы, равенства и братства!

Князь выгнул бровь. Где — то он раньше уже слышал этот лозунг, или читал... Впрочем, не важно.

— *En garde!* — воскликнул он, словно на тренировке, и ударил.

Самым сильным из имеющихся в твоём арсенале бить можно только в самом крайнем случае. Когда совсем уж край и скрывать своих возможностей больше не имеет смысла. Сейчас явно не этот случай. Поэтому Павел применил простейший шар из сжатой до плотности камня воды. Создать такой быстро практически невозможно, потому любой водяной маг хранит его внутри своего тела. Не постоянно, разумеется, поскольку природа создала человеческое тело очень компактным, и хотя в нем есть полости, но они предназначены для всяческих поддерживающих жизнедеятельность процессов. Но когда собираешься идти навстречу приключениям, следует подготовиться к возможным неприятностям. Например, припрятать в желудке водяной шар.

Удар водяным шаром со стороны выглядит вовсе не как...ну, не как удар шаром,

состоящим из воды. Точнее, у большинства водяных магов он именно так и выглядит, однако, Павел обучался не в лицее, потому его атака хоть и выглядела как обычный водяной шар, но урон наносила способом, отличным от общеупотребительного. Стандартный шар применялся совершенно таким же образом, как обычный камень. Спрессованная вода, удерживаемая в ограниченном объёме волей мага, использовалась как метательный снаряд. Такова инерция человеческого мышления, любил говаривать его учитель по теоретическим основам магических воздействий. Человеческий разум пытается всё новое свести к уже известному — включая магию. Если мальчишка с детства привык бросаться камнями, он и огненными или водяными шарами будет бросаться точно так же. Девочки, что интересно, гораздо меньше склонны придавать своим атакам геометрически правильные форму.

Водяной шар Павла был не камнем. Он не ударялся о тело противника, ломая кости. За мгновение до удара Павел создавал в непроницаемой оболочке шара маленькое отверстие, через которое в сторону противника вырывалась тонкая, но чрезвычайно мощная струя воды. Она прошибала даже толстые листы железа. Вот и сейчас, атакуя смахивающего на упыря огненного мага, князь рассчитывал именно на такой эффект. К сожалению, ничего не вышло: огневик выдал мощный сполох пламени, но направил его не на Павла, а в сторону. Его самого отдачей отшвырнуло в сторону, таким образом он ушел с линии атаки. Павел тут же призвал водный кокон, намереваясь если не утопить противника, то хотя бы заставить того закашляться. Такая атака была бы успешнее, если бы Павел создал воду прямо в дыхательных путях врага, но точно прицелиться в боевых условиях было невозможно.

Бледнокожий успел задержать дыхание и поджёг воздух вокруг Павла. Пламя опалило брови князя, он закрыл глаза и припал на одно колено. Сильно закашлялся. Из рта у него вылетело несколько капель крови.

— Ха! Я не ожидал, что это будет так просто! — воскликнул огненный маг, — князь, да вы, оказывается, слабак!

Он сплюнул в пыль.

— Я знаю, что заклинания, применяемые против мага, становятся намного слабее, чем обычно, но против вас моя магия работает весьма неплохо.

Он опустил руку возле отплевывающего кровью князя на корточки. В руке его пылало ярко — оранжевое бездымное пламя.

— Вы подобны цветку, выращенному в оранжерее, князь. За вами ухаживали, вас пестовали.

Он опустил руку к лицу Павла. Тот ощутил боль в и без того обожженном лице.

— Вам, тепличная вы орхидея, не приходилось выживать зимой на улице. Ваши нежные лепестки не обжигал мороз, и потому вы слабее меня! Гххх...

Павел сел на задницу и осмотрелся. Только что толкавший триумфальную речь огневик лежал в пыли. Вокруг его головы расплывалось кровавое пятно. Он хрипел, ноги подергивались в агонии, от руки пахло палёным мясом — вырвавшийся из — под контроля огонь принялся жадно пожирать своего порабощателя. Павел с криком поднялся, опрокинул на огонь содержимое тяжёлой кадки, разбившей голову его противнику. Он заметил её в самом начале, выдолбленная из цельного куска бадья стояла возле угла дома. В неё, похоже, собрали дождевую воду.

Павел потер щёку. Поморщился от боли. Пришлось надкусить её, чтобы начать правдоподобно харкать кровью.

— Тебя научили магии, но тебя не научили тактике, — сказал он, обращаясь к трупу.

— А ещё, — он склонился над ним, вытаскивая из кармана орден, — тебе не приходилось драться на дуэлях с лучшими магами этого мира, и уж тем более, у тебя нет доступа к ресурсам тайной службы Его Императорского Величества.

С этими словами он всунул труп в рот пятиконечную звезду из темного металла. Орден Скалига. Очень непростая штука. Мало кто про её существование знает, а уж чтобы заполучить такую, надо быть очень непростым человеком. Например, сыном главы тайной службы Его Величества и другом самого могущественного тёмного мага в Империи, который имеет проблемы с азартом.

Павел осмотрелся. Убедился что его никто не видит, ухватил труп за ноги и оттащил в ближайšie кусты. После вернулся за вторым. Если за ним кто —нибудь наблюдает, он не увидит применения запретного колдовства. Павел уложил огневика на спину. Сел рядом. Несколько раз глубоко вдохнул. Нервишки всё же пошаливали. До этого момента некромантия для него оставалась делом сугубо теоретическим. Даже тёмные практиковали её редко, и не только потому что к этой части их искусства даже терпимые имперские чиновники относились с плохо скрываемым неодобрением. Разговоры с мёртвыми были делом малополезным. Да, этот вид колдовства в древности сослужил темным немалую службу. Трудно обычному человеку не испугаться, когда убитые противники встают и продолжают бой, пускай и весьма неуклюже. А уж когда на тебя нападает только что убитый врагами товарищ по оружию... Потому семей, практикующих это искусство осталось мало. Когда началось истребление темных, некромантов преследовали особенно жестоко. Даже в Империи они предпочитали отсиживаться по медвежьим углам.

Павел засунул орден труп в рот, не без труда преодолев отвращение. Орден сменил цвет, став светло — серым. Пора действовать, понял князь. Он с размаху хлопнул мертвого огневика по груди, метясь в то место, где располагается сердце. Потом ещё. И ещё раз. Стандартный протокол ритуала требовал так же несколько раз выдохнуть труп в рот, но этого князь делать не собирался. Во —первых это противно и негигиенично. Даже живому юноше он эту услугу оказывать бы не стал, коли б тот захлебнулся. Чахотка хоть и излечима, но неприятна. А уж рта трупа князь касаться губами точно не собирался. К тому же, как шепнул ему по секрету Домидов, данная процедура была придумана нарочно для того, чтобы решившийся на неё подумал трижды прежде чем приступить к воскрешению.

Мертвый огневик судорожно дёрнулся. Открыл глаза, повернул голову к князю и посмотрел на него.

— Где я найду того кто может распоряжаться твоими действиями?

Говорить с мертвым как с живым не имеет смысла. Он не оживает в прямом смысле того слова. Разум к нему не возвращается, но знания, хранившиеся в голове при жизни. какое — то время сохраняются. Но обращаться к мертвецам следует как можно более буквально.

Труп со свистом втянул в себя воздух и ответил:

— На Цветочной площади.

— Где расположена Цветочная площадь?

— На пересечении улиц Третьей и Оранжевой.

— В Александровской Слободе? — недоуменно спросил князь.

— Да.

— В каком здании на Цветочной площади живёт тот, кто может распоряжаться твоими действиями?

Труп принялся часто дышать. Прекратившая было течь из головы кровь потекла снова.

Он не может ответить на это вопрос. понял Павел. Наверное, начальник огневика работает слугой.

— Как зовут того кто может распоряжаться твоими действиями и где этот человек спит?

— Человека зовут Мария. Она спит в шестом доме от начала Гряной улицы.

— В Гнилушке? — уточнил Павел, косясь на вытекающую из трупа кровь. Времени для расспросов оставалось совсем немного.

— Да.

— Как давно она стала руководить твоими действиями?

— С тех пор как я её увидел.

Речь трупа с каждой секундой становилась всё тише и всё менее разборчивой. Павел сглотнул. Он с самого начала задавал неправильные вопросы. Похоже, парень при жизни был влюблен в служанку, живущую в Гнилушке, но работающую в одном из особняков на Цветочной площади. Хотя, слуги живут в домах хозяев, значит, она просто торговка цветами.

— Где я могу найти сегодня того, кому бы ты сказал о том что убил меня, если бы убил?

— Пустырь за кабаком Страшного Пуркаса. На закате они будут там говорит с...

Он обмяк и закрыл глаза. Павел двумя пальцами вытащил у него изо рта орден, обтер о траву и зашвырнул подальше в кусты.

Что ж, на закате он продолжит свое расследование.

Он вернулся в тот кабак, где впервые увидел босяка, говорившего как аристократ, и не без удивления нашёл там Дилмурода. Тот выглядел заправским обитателем опасных закоулков Гнилушки: перевязанная окровавленной тряпкой голова, кривой нож на поясе, вызывающий взгляд и полупустая бутылка на столе перед ним. Павел сел напротив.

— Я нашел зацепку. Ты в порядке, драться сможешь?

Дилмурод кивнул.

— Парни из переулка тебя не обижали?

— Похоже, у меня теперь есть друзья в Гнилушке. Хотя на обед к ним я ходит не советовал бы.

— Не думал, что ты такой брезгливый. Запечённых в горячем песке ящериц, помнится мне, ты ел с удовольствием.

— В пустыне грязи нет.

Павел усмехнулся.

— Ладно, ближе к делу. Сегодня на закате на пустыре за кабаком некоего Страшного Пуркаса состоится важная встреча. Мы не приглашены, но присутствовать будем. Инкогнито.

— А где это находится?

— Где находится инкогнито? — попытался пошутить Павел, но под серьезным взглядом Дилмурода осекся.

— Я не знаю, — сказал он серьезным тоном.

Дилмурод сделал небрежный жест рукой. К нему тут же подскочил мальчишка, сидевший на низкой скамеечке в углу.

— Где тут у вас обретается человек, именуемый Страшным Пуркасом? — тоном скучающего аристократа осведомился у мальчишки Дилмурод.

Мальчишка, явно подражая аристократическим манерам, как их понимали в Гнилушке, ответил:

— Шагов триста отсюда, встречу солнцу, — он сопроводил свою речь столь потешным жестом, что Павел с трудом удержался от усмешки. Дилмурад же был серьезен как похоронный служитель:

— Благодарю, — он кивнул парню, и тот вернулся на свой пост.

Дилмурад посмотрел на солнце, с трудом пробивающееся сквозь низкие, заволокшие всё небо тучи.

— Закат скоро. Ты понимаешь, куда надо идти?

— Что? — ответил Павел. Ему так резануло слух это панибратское «ты», что он не уяснил, что там сказал Дилмурад.

— Я хочу сказать, понимает ли молодой господин, где расположено место, которое указал мальчик?

Иногда Дилмурад мог быть донельзя догадливым и при этом крайне неприятным типом. Павел кивнул ему.

— Тогда я, пожалуй, пойду. На месте буду к закату, а пока немного запутаю следы, на случай если за нами следят. Вы сможете уйти от слежки при помощи талисмана.

— Ордена, — машинально поправил его Павел.

— Прошу простить. Я слишком долго пробыл на юге.

Дилмурад встал и направился к выходу. Павел немного посидел за столом. Тоже встал, подошёл к стойке. Спросил:

— Где тут отлить можно. Хозяин?

— А там вот, на заднем дворе.

Князь проследовал в указанном направлении, немного поплутал в хаотичном нагромождении надворных построек, наконец нашел искомое. Сделал глубокий вдох и вошёл в покосившийся от времени и непогоды храм задумчивости. Там он быстро активировал орден Алексея Тишайшего и неспешно направился на свое место. На него, как и должно было произойти, совершенно никто не обращал ни малейшего внимания. Даже случайно столкнувшийся с ним слуга не извинился, подумав что споткнулся на ровном месте. Павел сел на своё место. Перед тем как пойти на тайную встречу, следует убедиться, не следит ли за ним кто — нибудь. Дилмурад же скинет с хвоста любого преследователя безо всякой магии. Павел во время совместных странствий пытался перенять у него это весьма полезное при его роде занятий умение, но тщетно. Дилмурад как — то в приступе откровенности высказался на эту тему в том духе, что с детства привитая привычка получать желаемое посредством магии и права крови сделало Павла плохим учеником. Чушь, конечно. Просто этот полудикарь обладает врожденным чутьём, вроде того, что имеется у зверей.

К стойке подошел какой — то тип, с лицом, укрытом капюшоном. Он принялся расспрашивать кабатчика о чём — то. Тот в ответ указал на столик, за которым сидел Павел. Тип уставился на него неузнавающим взглядом. Мотнул головой и сделал знак стоящим неподалеку мужикам. Те начали обходить зал, заглядывая каждому в лицо. Они осмотрели и Павла, но само собой, не узнали его. Следят за ним, значит. Что ж, пускай ищут. Сейчас они выяснят, что он зашёл в туалет и не вышел. Небось, подумают, что ушел преодолев брезгливость. Через задний, так сказать, ход. Что ж, кому — то из них не повезёт. Главарь определенно отправит туда одного из своих людей на розыск беглеца.

Павел встал и двинулся к месту встречи. К вечеру на улице похолодало, но народу меньше не стало, скорее напротив. Повсюду зажигались лампы и свечи. Начал

накрапывать мелкий дождь, и тусклый свет многочисленных светильников, отражающийся в каплях, превратил Гнилушку из жутковатых трущоб в немного таинственный городок. Если не знать, где находишься, и какие тайны скрывают эти декорации, можно даже счесть его симпатичным.

Вскоре князь увидел кабак над входом в который красовалась вывеска с намалеванной на ней страшной рожей. По бокам от входа стояли самые настоящие языческие идолы — бородатые и усатые. Губы вырезанных на поставленном торчком бревне личин блестели. Павел аж языком цокнул от удивления. Похоже, тут темные чувствуют себя совершенно свободно. Князь прошел мимо распахнутой двери кабака. Оттуда пахнуло кислым спертым духом, послышался гул пьяных голосов. Павел свернул в следующий переулок, сделал несколько шагов. Прислушался. В узком переулке, а скорее даже — крытом переходе, ведь верхние этажи смыкались у него над головой — было темно. Он закрыл глаза. Постоял немного. Открыл и всмотрелся в темноту. Никого. Только грязь, мусор и всяческий хлам. Павел пошёл вперед, мягко ступая. Подойдя к концу переулка, опустил на корточки, склонился до самой земли и осторожно выглянул из — за угла. Его взгляду предстал небольшой задний двор, утопающий в пыли, под редким дождем потихоньку превращающейся в грязь. Павел решил, что здесь и будет его наблюдательный пост. В крайнем случае, если кто — то пойдет переулком, он не обратит на скорчившегося на земле князя ровным счётом никакого внимания. Орден Тишайшего — очень мощная штука. Да, и против этих чар есть средства, но вероятность того, что в распоряжении у его противника окажется подходящее приспособление, крайне мала. Примерно как вероятность прилёта небесного камня.

Задняя дверь кабака распахнулась, на задний двор пролился дёрганный свет от масляной лампы. Дверь закрылась. На крыльце стоял дородный мужчина с окладистой бородой. Брюки он заправил в сапоги. От противоположной стены отделилась тень. Павел от неожиданности вздрогнул. Получается, пока он тут изображал из себя пластуна — разведчика, в десятке шагов от него стоял человек, оставаясь незамеченным.

— Приветствую слугу золотого тельца, — услышал князь знакомый голос. Загадочная фигура оказалась тем самым манерным парнем, преследуя которого они с Дилмуородом угодили в лапы к обитателям переулка.

— И тебе не хворать, — спокойно ответил человек с лампой в руке. Его голос производил приятное впечатление. На ум сразу приходили крепкие стены, надежные замки и трезвый расчет. Так говорят уверенные в себе, крепко стоящие на ногах купцы. Похоже, Павел действительно напал на след заговорщиков.

— Вы принесли причитающуюся плату? Я не корыстен, как вы знаете, но интересы дела требуют затрат — и немалых.

— Я не плачу за невыполненную работу.

— Мы договаривались о покушении — и оно было совершено, разве не так? — вкрадчивым тоном спросил парень.

— Мы договаривались о смерти известного лица. Вы должны были это обеспечить. Вы этого не обеспечили.

Павел почувствовал как упала температура. Парень, похоже, ледяной маг и собирается атаковать. Значит, на Императора покушался не он.

— Не дури, парень, — голос купца был спокоен, даже бесстрастен. Он совершенно не боялся ледяного мага, — ты знаешь, как всё устроено. Вся ваша подпольная империя существует на наши деньги. Пока вы, колдуны, не научитесь создавать из ничего еду и

одежду, ну или хотя бы золото, без нас вы не обойдётесь. Разве землю пахать начнёте. Ну, или на заводы подадитесь. Огневики, к примеру, там очень даже пригодятся.

— Мы не крестьяне. Мы берём то, что захотим!

— Это в древние времена было — если было вообще. Так что не дури, мальчишка. Ты взялся за работу и не выполнил её. Платы не будет.

Маг некоторое время стоял, вперив взгляд в купца. Наконец, он поднял правую руку. Купец напрягся. Павел заметил, что у него оттопырен левый карман. Должно быть, орден какой имеется у торгаша. Прикупил у разорившегося дворянина или за долг забрал. А может и легально получил по протекции императрицы. Её Величество занимается благотворительностью. Финансировать её безумно дорогие проекты зачастую берутся известные богатеи, в надежде что он замолвит словечко Императору. Официально считалось, что императрица до такого не опускается. Но кто проверит? Разве отец, но его рядом нет.

Маг махнул рукой, из двери за спиной купца вышли люди. Торгаш, стоит отдать ему должное, даже не шелохнулся. Люди несли в руках громоздкие предметы. Павел понял что это стол и два стула только когда они поставили мебель на землю. Последний раскрыл огромный зонт и водрузил его возле стола. Маг сел на стул и жестом пригласил купца занять место напротив.

— Давайте обсудим всё как цивилизованные люди. Серьёзные дела ведь вершим, что нам ссориться как детям за пирожное.

Купец не удостоил его ответом, однако от приглашения не отказался. Дождь усилился. Плащ Павла начал протекать.

— Мы недооценили Императора, — сказал маг.

— В этом вы не одиноки, — ответил торговец.

— Вы знаете, что глава дома Друбецких мёртв?

— Знаю.

— Думаю, теперь его место в нашем небольшом заговоре займу я.

— Тогда и долг его на вас.

Маг фыркнул:

— Вы говорите как торговец!

— Должно быть это потому что я и есть торговец, — по — прежнему спокойно ответил ему бородач.

— Дело не в том, что вы так печётесь о деньгах. Я хоть и стараюсь свести себя соответственно происхождению, но я не такой дурак, как все эти князьки. Деньги вещь важная, и я это очень хорошо уяснил. Мне ведь пришлось выкарабкиваться с самых низов.

— Мне тоже.

— Вот видите, у нас много общего!

— Насколько я знаю, Друбецкого ухлопали глыбой льда во время встречи в школе Кирилла Плечеева.

— Официально это монастырь.

— Я предпочитаю называть вещи своими именами.

— Как угодно.

— Не перебивайте, — на мгновение в голосе купца проскользнула угроза, — это вы его?

— Нет.

— Кто тогда?

— Неизвестно, — ответил маг, но, почувствовал недовольство собеседника, спохватился и поправился:

— Пока неизвестно.

Некоторое время они молчали.

— Что ж, — заговорил купец, — раз князя больше нет, придётся мне работать с вами. Но как вы справитесь с заданием?

— Мы изыщем способ. Для этого мне нужны списки всех прошедших обучение в ваших школах.

— Зачем?

— Я соберу команду. Разработаю план. Ну, и выполню заказ.

— Я и сам смогу это сделать.

— Нет. Не сможете.

— Отчего же?

Маг слегка наклонился вперёд:

— Вы же управляете огромным предприятием, и не одним. Если вы будете лично вникать во все процессы, у вас не хватит времени и сил уследить за глобальными вопросами. Доверьте эту работу мне.

— Боюсь подумать, что вы считаете глобальным вопросом, если покушение на Императора для вас мелочь.

— Не мелочь, а сложнейшая операция. Кстати, мне понадобятся деньги — много денег. Вы, уж извините за прямоту, держите учеников в черном теле. Я дам им почувствовать вкус сладкой жизни, и они пойдут на всё.

— Чтобы после выполнения задания они вообразили о себе невесть что? Увольте.

— Зарвавшиеся юнцы, у которых голова пошла кругом от успехов и роскоши... Такие всегда живут ярко — и очень недолго.

Собеседники смотрели друг на друга испытывающе. Капли барабанили по ткани зонта. Дождь всё усиливался, грозя превратиться в ливень. Павел лихорадочно соображал, что делать. Он не смог бы опознать купца, да и лицо мага он не рассмотрел.

В этот момент он услышал звук, которого в Гнилушке быть не могло. Крик пустынного ночного охотника.

— Это что за? — спросил купец.

— Да птица какая — то, — беззаботно махнул рукой маг и тут же повалился на землю без сознания.

Павел не теряя времени взял купца в водяной кокон — благо погода стояла более чем подходящая.

Лампа зашипела, но не потухла — купец не скупился на новомодные штучки. То ли увлекался новомодными изобретениями, то ли — что было более вероятно, втайне кичился богатством. Имперские купцы, как правило, вели нарочито аскетичный образ жизни. Они одевались скромно и дома обставляли так же, но в мелочах частенько демонстрировали имеющуюся возможность тратить безумные суммы на прихоти.

Дилмурад грациозно, словно кошка, прыгнул с крыши, но поскользнулся при приземлении и потерял равновесие. Уперся обеими руками в грязь, чтобы не растянуться в ней во весь рост. Выпрямился. Подошел к лежащему без сознания магу и от души врезал ему ногой.

— Недостойно благородного мужа вымещать свою злобу на беззащитных, — тоном

проповедника сказал Павел. Дилмурод малопочтительно усмехнулся.

— А этот не захлебнется? — указал он пальцем на пучащего глаза торговца, заключенного в вытянутый сфероид воды. По поверхности сфероида шла рябь от ударяющихся об неё капель дождя.

Павел подошёл вплотную, едва не касаясь кончиком носа вертикальной поверхности воды, посмотрел купцу в глаза. Ни капля смирения в них он не увидел — да и не ожидал увидеть. Люди могут решиться на столь радикальный поступок, каковым является покушение на главу царствующей фамилии, только от отчаяния или под давлением чудовищных размеров эго. Даже шпионы конкурирующих держав ни за что на такое бы не решились. Чувство общности у аристократов разных стран всегда было даже сильнее чувства патриотизма — или, по крайней мере равно ему. Высшие же маги, держащие престолы, не посягали на жизнь равных себе никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже когда подвластные им страны вступали в прямое военное противостояние. Они запросто встречались и вполне мирно беседовали.

Купец, похоже, достиг высочайших вершин в своей сфере деятельности, и решил что пора бы прыгнуть выше головы. Сдаваться он не собирается. Разумнее всего такого убить при первой возможности, ведь он пересек ту грань, за которой нет прощения или возможности для переговоров. Но убивать его пока рано. Он должен предстать перед отцом и Императором.

Князь ослабил волю, удерживающую воду внутри заданного им объёма. Начиная от макушки купца вода начала стекать на землю. Его голова до уровня чуть выше рта освободилась. Дышать сможет, а вот болтовню его слушать у князя нет никакой охоты.

— И что, в таком виде и понесём его? — не отставал Дилмурод.

Князь освободил купцу ноги чуть выше колен.

— Пойдешь добровольно? — осведомился он у купца. Тот прикрыл на мгновение глаза.

— Ну тогда пошли. Дилмурод, ты сзади.

— А с этим что?

Павел повернулся и уставился на своего слугу недоуменным взглядом. Тот вместо ответа ещё раз пнул так и не пришедшего в себя мага.

— С собой возьмём, разумеется, — ответил князь, развернулся и пошёл. Увлекаемая волей князя вода потянулась за ним, купец засеменял ногами. Дилмурод вздохнул, поднял тщедушного мага с земли, взвалил его себе на плечо и присоединился к процессии.

Гнилушка никогда не спит, но зарядивший холодный дождь загнал её обитателей в укрытия. Странная процессия, состоящая из измазанного в грязи Павла, закованного в водную броню купца и Дилмурода с магом на плече без происшествий добралась до выхода в поле. До ворот Александровской слободы добрались на повозке, которую князь не особо задумываясь присвоил. Попробовавшему было возразить прислужнику незамедлительно прилетел в лоб водный шар размером с кулак. Промокший и продрогший до мозга костей князь не имел желания пускаться в объяснения.

У ворот их остановили гвардейцы. Князь в нескольких словах объяснил им ситуацию — не вдаваясь в подробности, разумеется. Предъявленная им отцовская грамота возымела нужное действие. Глава дежурной смены распорядился пропустить их без проволок и досмотра. Осведомился, не требуется ли сопровождение и не стал настаивать, получив вежливый отказ.

Казалось, сами камни мостовой брезгливо морщились от прикосновений копыт

плебейской лошадейки, а уж когда по ним катились обитые железом колеса крестьянского тарантаса, в скрежете мостовой слышалась с трудом сдерживаемая ярость. Редкие прохожие пялились на странный экипаж во все глаза. Да, подумал князь, сегодня в уважаемых салонах Александровской Слободы только и будет разговоров что о странной процессии. Купца, правда, никто не мог заметить — князь заблаговременно скрутил водные оковы винтом, уменьшив их в объеме и уложил купца на дно телеги, рядом с магом. Дилмурад расположился на задку повозки и развлекался тем, что ухмылялся белозубой бандитской улыбкой робко выглядывающим из — за занавесок молоденьким благородным барышням. Барышни заливались краской, испуганно попискивали и прятались. Правда, каждая вторая перед тем как в испуге задернуть штору, бросала на скалящего зубы южанина многообещающий взгляд.

Наконец, им встретился не гвардейский, а обычный патруль. Троица затянутых на все пуговицы храбрых вояк как по команде положила ладони на висящие у пояса шпаги. Однако, устав ничего не говорил о том, что делать в таких случаях. Павел решил было, что сможет просто проехать мимо, не вступая в переговоры, как вдруг из повозки послышалось:

— Тимофеич! Это я, Анфим! Спасай!

Глава стражников выхватил шпагу и направил остриё на Павла. Остальные последовали его примеру, а один дунул в свисток.

— Стоять!

Павел послушно натянул поводья. Обычные стражники, ничего страшного. Максимум что ему грозит — неприятная короткая беседа и небольшой урон кошельку.

— А ну, не баловать, — рявкнул стражник. Он заглянул в повозку и охнул.

— Это ж маги — заговорщики, что государя — императора сгубить пытались! — выдохнул он. В спину Павлу уперлось острие шпаги. Он неторопливо поднял руки. Как бы он не относился к стражникам, но попытайся сейчас сотворить заклинание — и его проткнут как куропатку, можно даже не сомневаться. Сейчас они скорее всего...

Додумать он не успел. Стражники поступила так, как обычные люди всегда поступают с магами, стоит им только дать волю, а именно — бьют по голове, да посильнее, что б злобный колдун потерял сознание, а вместе с ним и способность творить волшебство.

Он пришёл в себя от того, что кто — то облизывал ему палец. Павел открыл глаза и столкнулся с взглядом неказистого мужичка, зачем — то засунувшего себе в рот его палец и усилено его мусолящего.

— Ты чего делаешь, срамец? — выкрикнул он.

Мужичок тут же выпустил палец изо рта.

— Вы чего там? — услышал Павел смутно знакомый голос.

Он не без труда сфокусировал взгляд. Оказалось, он сидит в небольшой камерке казенного вида, прислонившись спиной к стене. Помимо него в комнате имеется стол, два стула, на одном из которых сидит глава задержавших его стражников. Павел повернул голову, пытаясь рассмотреть кто лежит на полу слева от него, в глазах полыхнуло красным, он застонал.

Мужичок обернулся на стражника.

— Да вот, как вы приказали, досматриваю содержимое карманов.

Речь его отчего — то была очень невнятной.

Стражник привстал и протянул руку ладонью вверх:

— Отдай.

Мужичок что — то сплюнул себе на руку, протянул стражнику. Тот отдернул брезгливо ладонь. Вынул из кармана тряпицу и уже в неё принял предмет. Поднёс к глазам, осмотрел. Глаза его расширились:

— Гаврила! — заорал он. Павел снова почувствовал как в голове что — то разорвалось. Приложили его, похоже, от души.

За дверью каморки послышался топот. В помещение влетел стражник и вытянулся в струнку.

— Толстопузого Анфима увезли домой, как я велел? — грозно насупив брови пророкотал главный стражник.

— Н — нет, — выдавил из себя второй. Он выглядел так, словно ожидал удара.

— Молодец! — неожиданно провозгласил главный, — Хвалю! В камеру его!

Стражник протянул было руку к Павлу.

— Не его, дурак! Анфимима!

— К — как, Анфима в камеру?

— Не рассуждать!

Стражник опрометью вылетел из каморки. Оставшийся посмотрел на любителя сосать пальцы, тот тоже ретировался.

— Прошу меня простить... — обратился он к Павлу совсем другим тоном, — если соблаговолите, предлагаю вам стул. С виду неказист, но надежен, как слободская стража.

Он помог Павлу подняться. Усадил его на стул.

— Вы уж извините, служба. Кто ж мог знать, что вы по поручению самого, — он многозначительно подмигнул Павлу и протянул ему платок.

Князь принял платок, развернул его и увидел перстень с гербом Друбецких. В голове снова щёлкнуло, но на этот раз не от боли. Все несуразности, случившиеся с ним сегодня в Александровской Слободе, объяснялись крайне просто.

Он слегка улыбнулся, распрямил плечи. Кольцо, однако, надевать не стал. Сейчас ему надо говорить так, как и положено человеку его положения. Благо, стражник похоже не знал его в лицо.

— Представьтесь, пожалуйста, — обратился он к стражнику.

Тот открыл рот, собираясь отрекомендоваться по форме, но Павел остановил его жестом:

— Хотя, пожалуй, это без надобности. Наше дело, как сами понимаете, пока не терпит огласки участвующих в нем.

Стражник со значением кивнул.

— Вы невольно прервали выполнение моей миссии. Что с Анфимом?

— Я хотел отпустить его, будучи осведомлен о его роли. Как я мог поступить иначе, ведь я принял вас...

— Нет нужды, нет нужды, — успокаивающим тоном сказал князь, — Он предал дело. Его надлежит содержать в надежной камере до дальнейших распоряжений. Вы поступили разумно. Догадливость ценное качество. Мы не забудем вас.

— Рад стараться!

— Я должен сейчас выехать в императорский дворец. Купец подвел нас, но мы ожидали этого и разработали план на этот случай. Вызовите сюда наряд императорских гвардейцев.

— Будет исполнено!

— И приведите в порядок моего слугу. Он поедет со мной. Мне тоже надо переодеться. У вас найдется что — нибудь подходящее?

Стражник пошевелил усами.

— Разве только свежий мундир стражи могу предложить...

— Сойдёт. Будьте добры распорядиться.

Пока Дилмурода приводили в чувство, пока Павел отмывался от грязи и облачался в парадный мундир стражи Александровской Слободы — весьма недурственный, следует заметить, прибыл отряд императорских гвардейцев. Павел встретил их на крыльце. Было уже темно, дождь прекратился. Потеплело. От луж и наполненных водой уличных канав поднимался туман.

— Велите привести купца, — бросил через плечо князь, — только велите заткнуть ему рот. У меня от его голоса несварение скоро делается.

Пока купца вели из камеры. Запястья его были перехвачены прочной с виду верёвкой. Анфим зыркал по сторонам словно посаженный в клетку дикий зверь.

Павел подошел к спешившейся страже и продемонстрировал им перстень Друбецкого.

— У меня было ещё кое-что. Документ, но я отдал вашим коллегам у ворот.

— Мы знаем кто вы. Император ждет, — был ответ.

Павла, Дилмурода и купца Анфима усадили в карету с прочными решетками на окнах. С ними внутрь уселись двое гвардейцев. Карета снаружи выглядела обыкновенно, на таких разъезжали по служебным делам чиновники средней руки, не имевшие герба. В отличие от

личных экипажей аристократов, соревновавшихся между собой за звание самой богато украшенной, служебные кареты выглядели скромно и функционально. Во всяком случае, снаружи, с внутренним же убранством этого вида транспорта Павел ранее не был знаком, возможности не представлялось, да и желания не возникало. Сейчас, с немалым любопытством рассматривая интерьер кареты, он решил для себя что эта конкретная карета не совсем обычна. Внутренняя поверхность была буквально изрисована странно выглядящими письменами, знаками, узорами и прочей мишурой.

— Любопытствуете? — поинтересовался у него один из гвардейцев. Второй, с пышными бакенбардами посмотрел на него неодобрительно, но вслух ничего не сказал.

— Да, неожиданно, — ответил Павел, — не могу назвать себя специалистом в области создания орденов и вообще предметной магии, но кое — какое образование имею.

— Кх — м, — стражник выразительно посмотрел на своего украшенного бакенбардами коллегу. Тот принял преувеличенно невозмутимый вид.

— Да ладно тебе, Кириллыч, барин вишь, интерес имеет. Давай, не стесняйся.

— Вы разбираетесь в предметной магии? — заинтересовался князь.

— Немного, — буркнул бакенбардоносец.

— Скажешь, немного! Не скромничай, Кириллыч. Он у нас по этому делу голова. К тому ж сам понимаешь... — с этими словами он указал на князь взглядом.

— Будет вам интересничать, — улыбнулся князь как можно благожелательней.

Стражник немного помялся, вытащил из кармана тонкую цепочку, накинул её Анфиму на голову, так что та легла вроде диадемы.

— Теперь не услышит ничего, не увидит да и болтать не будет, — объяснил он свои действия, — тут, князь, видите какая штука: ежели карету снаружи письменами покрывать, то она примелькается. Письмена срисуют, и тогда заблаговременно злоумышленники подобрать к ним могут ключик.

— Потому вы и расписали её изнутри. Умно, — похвалил его князь.

— Да, неплохая идея, но не моя. Потому и не сработала. Попавши сюда любой толковый умелец предметной магии быстро среагировать может, — гвардеец явно оседлал любимую тему, начал говорить увлечённо, — Проблема предметной магии в том, что она всегда многогранна. Помимо основного эффекта обязательно имеет побочный. Иногда полезный, а иногда — нет.

— Ты барину про диадемку — то расскажи, — пихнул его в плечо напарник.

— Да баловство это, — попробовал было отмахнуться от него бакенбардоносец, но тут уже не утерпел Дилмурод:

— Да рассказывай уже, что ты как девке мозги крутишь!

Гвардецы немало удивились.

— Эх ваш басурманин — то по — нашему ловко говорит! Чудеса, да и только. Так вот, у диадемки есть побочка. Да, неприятная довольно — таки для того, на кого её наденут. Дело в том, что после снятия жуткий зуд начинается в самом для зуда неподходящем месте. В таком, я хочу сказать, что и почесать при людях неудобно.

— Любопытно, — отметил князь, — но вы, кажется, говорили о вот этом.

Он выразительно постучал костяшками пальцев по росписи на стенах экипажа.

— Да, действительно. Отвлекают тут всякие, — гвардеец гневно глянул на своего напарника, — Любой разбирающийся в предметной магии колдун...

— Может разобраться в том как их обойти, это я уже понял, — Павел начал терять

терпение.

— Ну так я и нарисовал здесь многое множество просто рисунков. Для отвода глаз, так сказать.

Павел немного опешил. Ход мыслей простолюдинов его иногда ставил в тупик. Он открыл было рот, намереваясь сказать что — нибудь одобрительное, но вместе с тем не оставляющее сомнений в том что это обычная простолюдинская хитрость, а аристократ придумал бы что — нибудь поизящнее, но не успел.

В левый бок кареты словно великан кулаком ударил. Послышалось испуганное ржание лошадей, карета опрокинулась набок, и её потащило вперёд.

— Режь упряжь! — слышался крик возницы.

Карету мотнуло ещё раз. Она собралась было встать на крышу, но в последний момент словно передумала и вернулась на бок. Павел оказался сверху образовавшейся мешанины из тел. Карету сотрясали удары, кто — то пытался вломиться внутрь. Из — под тел ужом выкарабкался Анфим, проявивший неожиданную для своего телосложения прыть. Оказавшись рядом с князем он с удивительной для человека ничего не видящего и не слышащего меткостью боднул Павла точнехонько в переносицу. Перед глазами князя вспыхнули разноцветные круги, в носу и горле стало тепло и невкусно. Анфим не успокоился на этом, а продолжил мотать головой из стороны в сторону, непонятно кого ещё собираясь забодать. Наконец, с его головы слетела диадема, что по — видимому и было целью его действий, а удар князю по носу был лишь сопутствующим успехом.

— С два вершка книзу от ручки бери! — заорал купец. Тут же последовал удар в указанное место, но стены кареты не поддавались. Анфим вертел головой, шарил глазами по магическим узорам, выискивая слабое место в защите.

— Хе — хех. — закричал гвардеец с бакенбардами, — будет вам, господин Анфим, не взять вашим спасителям нашу каретку. Ох не взять.

Купец зарычал. Карета сотрясалась от ударов. Снаружи доносились полные ярости крики. Вскоре крики усилились, полилась площадная брань, а по карете тем временем бить перестали.

— Ну вот и всё, Анфим, — отплевываясь кровью, сказал князь, — гвардейцы отбились. Дилмурод, прости.

— Да ничего, — ответил слуга, оттирая кровь со щеки. Он поднял руку с зажатой в ней диадемой.

— Можно, я себе возьму. На память? — спросил он у гвардейца.

— Да бери, мил человек, я ещё сделаю. Ты вместо этого мешка приспособить хочешь?

— Какого мешка?

— Который вы своим бабам на голову напяливаете, когда замуж берете.

Дилмурод досадливо поморщился, ничего не ответил.

Вскоре карету дверь кареты открылась, их вытащили на улицу. Павел стоял на дороге и поражался тому, насколько же им повезло. Ещё немного — и карета свалилась бы с обрыва. Они уже успели въехать на спиральную дорогу, ведущую на рукотворный холм, увенчанный императорской резиденцией. Ещё один поворот кареты и лететь бы им крышей вниз с высоты. Может и выжили бы. Кто ж знает, от чего защищают нарисованные гвардейцем знаки.

Рядом с каретой прямо на мощёной полированным камнем мостовой сидели несколько человек — мятежные маги, пытавшиеся отбить своего покровителя. Скорее всего, делали они

это не из благодарности за добро, а из опасения, что он начнет болтать. Гвардейцы успели скрутить им руки, вставить кляпы и приставить к затылкам острия коротких копий. Немного поодаль стояли, кутаясь в темные плащи, двое придворных магов. Хоть шелестел дождь, но маги были сухими. Павел повел плечами. Он, как врожденный водяной маг, находил дождь уютным.

Послышалось цоканье копыт. От ворот дворца спустилась украшенная императорскими гербами карета, запряжённая тонконогими чистокровными конями. Подарок островитян, лучшие кони этого мира — по мнению самих островитян. Павел улыбнулся, вспомнив своего скакуна южных кровей.

По приглашению придворных магов Павел уселся в карету и в гордом одиночестве — Дилмуроду было указано ждать карету соответствующего ему уровня — направился во дворец.

Павлу приходилось бывать в императорской резиденции, точнее — в резиденциях. И в официальной, расположенной в Александровской Слободе, и в южной, и в лесном охотничьем домике. Но он всегда бывал там во время официальных приемов или балов, то есть тогда, когда во дворце было много людей и царила атмосфера праздника или официоза. Сейчас же дворец был угрюмо тих, насторожен и малолюден. Павла провели через основной вход, приоткрыв ради него гигантские створки дверей, правда лишь настолько чтобы мог протиснуться один человек. Внутри его встретила пара человек: придворный маг и гвардеец, вооруженный взведенным арбалетом. Он целился Павлу прямо между глаз. Во всяком случае, Павлу так казалось. Маг холодно улыбнулся и сказал:

— Прощу за мной. Вас ожидают в малом кабинете.

Он развернулся и двинулся к лестнице, ведущей наверх. Павел последовал за ним, гвардеец замыкал строй. Шли в полном молчании. Широкие коридоры дворца были непривычно для Павла безлюдны. Если, конечно, не считать лакеев и гвардейцев, дежурящих на каждом углу и провожающих Павла подозрительными взглядами.

Они подошли к богато украшенной двери, у которой застыл вооруженный коротким копьем гвардеец. Он поднял копьё, которым перекрывал вход. Дверь отворилась и Павел вошёл в святая святых Империи — кабинет Его Императорского Величества.

Здесь, в кабинете, обставленном предметами мебели не имевшими цены, вершил свои немисливо важные дела Император. Здесь составлялись планы, рассчитанные на много лет вперёд. Здесь распутывались изощреннейшие заговоры. Здесь принимались судьбоносные решения. И всё это делал Его Императорское Величество собственной персоной. Павел чуть не зажмурился.

— Вы что столбом стоите, молодой человек? — продребезжал старческий голос.

У тлеющего камина в обширном кресле сидел старичок небольшого роста, седой как лунь и с аккуратно подстриженной бородкой. Только по мундиру и сияющей на цепи алмазной звезде и можно было понять, что Павел предстал перед Императором.

— Вот всегда так. Стоят с отвалившейся челюстью и не знают что сказать, — посетовал старик, обращаясь к своему собеседнику, занявшему второе кресло. Его лица Павел не видел.

— Я же говорил Её Величеству, что все эти косметические ухищрения и иллюзионные чары дают эффект, но провоцирует вот такие вот неудобства. Но с ней разве поспоришь!

— Женщины, что с ними поделаешь, — подал голос его собеседник. Это был отец Павла, ну а кто же ещё, — сынок, ты действительно, давай уже приходи в себя. Перед Его Величеством стоишь, как никак.

— И моё величество исполнено нетерпения. Давай, выкладывай, какой ты там заговор раскрыл, мой мальчик.

Павел расправил плечи, набрал воздуха и начал:

— За покушением на Ваше Императорское Величество стоят следующие лица: покойный князь Друбецкой, известный негодичант Анфим Луцчапагин, а так же несколько подвластных им магов, прошедших обучение в тайной школе, местонахождение которой пока остаётся неизвестным.

— Ну что ж, неплохо, весьма неплохо, — равнодушно молвил Император, — а эти тайные школы, это те, про которые ты нам рассказывал, да, Петя?

— Они самые, Ваше Величество.

— Что ж, молодежь подрастает славная, да. Удалась твоя задумка — то. Я, признаться, не очень рассчитывал на успех. Даже запасной вариант готовил кое — какой.

— Такова императорская доля: готовить на всякий случай запасные варианты. Даже такие рискованные, как вывод из тени темных родов. Кстати, достопочтенная госпожа Воронова имеет непосредственное отношение к прискорбным событиям в монастыре.

— Всё — то ты знаешь, Петя. Скучно с тобой.

— Такова моя доля, — Павел не слышал в голосе отца и малой толики сожаления. Петр Павлович даже не пытался изобразить верноподданнических чувств.

— Тебе барон доложил?

— Он. Ваше Величество.

Император помолчал какое-то время. Наконец, он произнёс, обращаясь к отцу, но глядя в глаза Павлу:

— Ну так, думаешь готов твой отпрыск?

— Нет, ваше величество, не готов.

Император поднёс к глазам лорнет, внимательно, но без особого интереса осмотрел Павла. Словно экспонат в провинциальном музее.

— Ладно. Идите, молодой человек. Мой референт вам всё объяснит.

Князь собрался было уходить, как его окликнул отец:

— Пашенька, ты перстенёк — то верни.

Павел подошёл к отцу, передал ему перстень Друбецкого, развернулся и вышел, пребывая в полном недоумении.

За дверью его поджидал молодой человек, одетый в партикулярный костюм, по которому совершенно не представлялось возможным понять, к какому ведомству он относится и насколько влиятельный пост в оном занимает.

— Прошу пройти за мной, — голос молодого человека был подобен его одеянию — красив, в высшей степени приличен, но совершенно лишен малейших признаков индивидуальности.

Павел последовал за ним. Он прошли по паркету, их шаги отдавались неуютным эхом из — под избыточно высоких потолков. Вскоре они достигли нужной двери. Молодой человек приоткрыл её перед Павлом и жестом пригласил войти. Внутри за столом, заваленном бумагами восседал небольшого роста толстячок со сверкающей лысиной. Молодой человек указал Павлу на стул напротив толстячка, а сам остался стоять у дверей.

— Здравствуйте, Павел Петрович. Вот, извольте ознакомиться. Это проект вашего письма Императору. Прошу просмотреть внимательно на предмет правок стиля. Письмо попадёт в газеты, и его скорее всего прочтут люди, знакомые с вами лично. Не хотелось бы,

чтобы они заподозрили что автор не вы. Мои люди, разумеется, изучили вашу корреспонденцию и постарались выдержать стиль, но никто не совершенен, так что прошу не судить строго.

Павел чувствовал что совсем перестал что — либо понимать. Его письмо государю? Он что, стал жертвой наведенного морока? Это колдовство запретное, полуполюгендарное. Однако, в связи с последними событиями он вполне допускал что где — то в глуши восточных лесов сохранилось нечто подобное и сейчас вылезло наружу...

Он поднес письмо к глазам и принялся читать:

«Ваше Императорское Величество! Не видя иного выхода, я вынужден воспользоваться своим положением и обратиться к Вам минуя установленные мелкими столоначальниками препоны.

Положение дел в Империи никогда не было идеальным и совершенным, и Вы, вне всякого сомнения, как и любой мыслящий и образованный человек, это понимаете. Положение дел в государстве и не должно быть идеальным, ведь застывшая конструкция есть конструкция мертвая, не развивающаяся. Но именно таковой, лишённой жизни конструкцией наше государство постарались сделать столоначальники. Они выстроили между Вами и действительным положением дел стену, и не пропускают сквозь неё сведения, которые привели меня к нижеизложенным мыслям, и к каковым, я надеюсь, приведут и Вас. Если же я ошибаясь, то как потомок древнего рода и столбовой дворянин я готов принять любые последствия.

Итак, изложив свои неупорядоченные мысли, приступаю к основной части своего послания.

Государь! Империя нуждается в изменениях. Но я не призываю Вас к слову государственной машины, ведь сломанная машина останавливает свою работу, и её опережают другие. Надлежит не ломать до конца уже сломанное, но чинить.

В нашем государстве назрели изменения, и некоторые незрелые умы вознамерились провести их самолично, посягнув тем самым на Ваше священное право руководства. Это неприемлемо, но я призываю Вас не судить их строго, ведь они послужили лишь инструментом для воплощения злонамеренных планов. По поручению отца, я провёл расследование покушения на Вашу священную особу и выявил зачинщика преступного заговора. Им был князь Александр Друбецкой. Злоумышленник пал жертвой собственных сообщников. Целью заговора было смещение Августейшей Фамилии с престола Империи и установление самовластного правления князя Друбецкого, вознамерившегося взять единоличную власть на правах диктатора и тирана. Своим же сообщникам князь внушил, что власть они разделят между собой, и будут управлять Империей так называемым советом семей. Когда его умысел раскрылся, благодаря усилиям вашего покорного слуги, заговорщики сами устранили своего лидера.

На службу себе заговорщики привлекли несчастных юношей и девушек, вследствие благородного происхождения обладавших магическими дарованиями. Сии молодые люди были похищены во младенчестве и воспитаны в тайных убежищах заговорщиков. Их вовлекли в заговор обманым путем. Прошу Ваше Императорское Величество отнестись к ним снисходительно и не карать смертью.»

— Это что вообще такое? — недоуменно спросил Павел у толстяка.

— Это ваш отчёт. Поданный лично Его Императорскому Величеству. Вы пробрались во дворец тайно, пали Государю в ноги и подали сие прошение. Император прочёл, смилостивился. Неразумных простил. Виновных покарал, а вас отругал, но впоследствии смилостивился. Такова правда.

Толстячок смотрел на Павла сквозь тонкое стекло очков. Об его взгляд можно было карандаши затачивать.

Павел перечитал письмо ещё раз.

— Тут, — сказал он деловым тоном, — не хватает упоминания о темных родах и их роли...

— Раз в письме о чём — то не упомянуто, значит, этого и не было, — ровным тоном ответил толстячок.

— Понятно. Других претензий нет.

— Ну вот и славненько, — взгляд толстячка сразу потеплел, — тогда извольте незамедлительно отправиться в Орешек.

— Куда? — Павел едва рот не разинул от удивления.

— В Орешек. Крепостица такая. Слыхали?

Павел, разумеется, слышал об Орешке. Тюрма для особо опасных государственных преступников. Если судить по разговорам среди аристократов, ведущихся полупрошепотом и за закрытыми дверями, Орешек состоял в основном из капающих низких потолков, мрачных казематов и куч гнилой соломы вместо кровати, а населяли его молчаливые мрачные тюремщики и чрезвычайно изобретательные палачи — изуверы.

— Да что ж вы, молодой человек, — толстяк засуетился.

Павел хотел было осведомиться холодным тоном, что, собственно, так беспокоило этого смешного человечка!? Он, что вообразил себе, что потомок древнего благородного, да что там — благороднейшего из имперских родов, может начать волноваться из — за того что его заключат в страшнейшую из тюрем!?

Лицо толстячка отчего — то казалось обрамленным нимбом. Князь попробовал было отогнать наваждение, но оно не прогонялось. Прогналось почему — то лицо, а вот нимб остался. Он издавал теплый свет, отчего — то раздражавший глаза. Толстяк появился снова, сунул под нос князю ватку, издающую отвратительный запах. Князь немедленно возмутился, что выразилось в слабом писке. В голове у него прояснилось. Нимб превратился в хрустальную люстру, в которой искрился отраженный свет восходящего солнца. Князь сел. Похоже, он позорнейшим образом упал в обморок, словно чувствительная девица на балу, впервые услышавшая признание в любви.

Толстячок отложил ватку и пузырьёк, источавший резкий запах и протянул Павлу руку. Тот не стал скромничать, ухватился за неё, встал. Толстяк оказался значительно сильнее, чем это можно было предположить судя по внешнему виду. Он ещё раз взглянул на Павла и вытащил из выдвижного ящика фляжку, два маленьких серебряных стаканчика, плеснул в них понемногу и протянул один Павлу. Тот опрокинул содержимое стаканчика в рот. Кровь тут же побежала по венам быстрее.

— Как всегда, молодёжь остается молодёжью. Колдуете без раздумий, не спите целыми днями, носитесь как угорелые...

— Не думаю что причина в этом, — Павел смог совладать с собой. Даже голос не дрожал, — это весть об Орешке выбила меня из колеи.

— Да что ж вы, — толстячок улыбнулся по — отечески тепло, — батюшка так и не сказал вам? Орешек вовсе не тюрма на самом деле. Раньше была таковой, а сейчас это что — то вроде места, где можно немного отсидеться. Бывал я там...Знаете, не задумываясь бы сейчас махнул туда. Порыбачить, воздухом подышать...там хорошо, спокойно.

— Так зачем мне туда, от кого скрываться? Заговор ведь раскрыт.

— Ну разумеется раскрыт. Всё согласно утвержденному Его Величеством плану. Но он ведь Император, а вы излишне смелый молодой дворянин. К тому же, известного

происхождения. Разумеется, со временем вы унаследуете место отца, но что б излишней зависти к вам не плодить, мы вас для виду покараем. А потом, когда дворцовое общество преисполнится к вам сочувствия, да видные персоны за вас ходатайствовать начнут — помилуем. Думаю, недельки в три, самое большее в пять уложимся. Так что — прошу подписать сей документик и вот эти бумажки тоже. Тут протоколы допросов.

— Чьих допросов?

— Ну молодой человек, вам действительно пора отдохнуть. Понимаю, наслышан о ваших похождениях на южных рубежах. А как вернулись — так сразу в водоворот, так сказать, дворцовых интриг с головой окунулись. Немудрено и растеряться немного, однако ж, вам следует привыкать к такой жизни. Так что давайте подписывайте показания. Вы там отпираетесь от всего, отказываетесь называть имена и даже — хе — хе, обзываете меня дурными словесами. Вот тут, — пухлый палец ткнул в одно место на исписанном убористым почерком листе.

Князь пробежал глазами и сказал:

— Разумнее будет заменить «держиморда» на «сатрап». Сейчас так не говорят.

— Принимается, — толстяк решительно вымарал указанное слово, — Что — то ещё?

— Нет, на этом всё.

— Ну, тогда пойдёмте, князь?

Павел успел забыть о присутствии бесцветного молодого человека. Даже вздрогнул от неожиданности, услышав его голос. Действительно, пора подлечить расшатанные нервы.

Он встал и пошел к выходу.

Прошло немногим больше двух месяцев, и карета с дверцами, украшенными гербом Плечеевых остановилась у заставы на въезде в Александровскую слободу. Возница, чернобородый мужик в надвинутой на глаза меховой шапке, по которой стекали капли моросящего дождя, проорал:

— Отворяй ворота, гвардия!

Из сторожки высунулся русоволосый молодой гвардеец. Он взглянул на герб и направился к воротам.

— Ничему не учатся, — буркнул Павел, — как были беспечными, так и остались.

— Да будет нудеть, барин, — Дилмурод повернулся к окошку, расположенному у него за спиной. Его специально проделали по просьбе князя. Ехать предстояло в одиночестве, а разговоры с Дилмуцродом помогал скоротать время.

— Нет, ну он же только мельком взглянул на герб и сразу бросился открывать.

— Он вас в лицо знает. Да и меня, наверное, тоже.

— А вдруг со мной в карете сидит какой злоумышленник?

— Ну, может быть...

Высказать свою догадку у Дилмурода не получилось. Пока один гвардеец отворял ворота, второй подошёл к карете и протянул Павлу конверт, опечатанный сургучом. Вручив конверт, гвардеец отсалютовал копьём и отправился назад.

Павел глянул на печать. Герб Плечеевых. Значит, писал отец. Он погрузился в чтение.

— Ну, чего там пишут? — нетерпеливо спросил Дилмурод, как только они отъехали немного.

Павел отложил письмо.

— Как прибудем домой, меня пригласят на бал. Император даёт бал.

— Ну значит, повеселитесь. В Орешке — то не особо с развлечениями.

— Кто бы говорил. Ты ж каждую ночь в деревню бегал. Только вот к дочке мельника или жене старосты я так и не понял.

— А я к обеим. По очереди.

— Хорош.

Павел думал о содержимом письма. Отец вводил его в курс произошедших в его отсутствие перемен. Практически все воспитанники нелегальной школы, созданной Друбецким, были выловлены и переданы на воспитание в благородные семьи. В какие именно не оглашалось. По официальной версии — для сохранения тайны, но, судя по довольно прозрачным намекам отца. Они будут проведены через процедуру отсечения памяти. Как правило, её проводят в детстве, и среди известных исследователей магии разразилась нешуточное соперничество за право произвести сей ритуал над взрослым человеком. К счастью, отсечению подвергнутся не все, многие с радостью согласились войти в элиту Империи на правах потерянных и впоследствии найденных детей благородных семейств.

Части юных магов — нелегалов удалось сбежать. По крайней мере, от их имени был распространён манифест неких цареворцев, которые объявили себя защитниками простого народа и выдвинули совершенно безумные требования, вроде запрета частной собственности на магию. В случае отказа в исполнении своих хотелок они угрожали начать террор против аристократии.

Кроме того, высший свет Империи потрясла новость: Император своей волей провозгласил княжну Друбецкую главой семьи, что было совершенно немыслимой дерзостью и повергло в шок почтенных отцов благородных семейств. Однако, любая императорская прихоть по определению носила характер закона, так что на императорском бале княжна, то есть уже княгиня Друбецкая займёт причитающееся её новому положению место. Ну а после бала её ожидает кресло в Сенате.

Кроме всего этого, явно желая поуменьшить количество старцев среди благородного сословия путем нанесения их чувству достоинства неприемлемого ущерба, Император даровал право личного дворянства нескольким купцам. Геральдическая служба как — то очень вовремя обнаружила в их жилах капельку древней колдовской крови. Поговаривали, что у их детей при должном воспитании магический дар будет раскрыт в полную силу. Павел усмехнулся. Будет для дяди Кирилла работа.

В последних строках письма отец написал:

«Я знаю, ты сблизился с Дилмуродом, и я одобряю эту дружбу. Он человек проверенный и ловкий. Ему можно доверять, но, как я тебе уже говорил, доверие должно носить ограниченный характер. Так что на обороте этого листа есть пара слов, предназначенная тебе лично. Будь добр, попроси Дилмурода не подглядывать тебе через плечо. И не посвящай его в подробности дела.

Мы одолели Друбецкого, и его планы по утверждению в Империи режима управления коллегии высшей аристократии сорваны. Планы купеческой старшины по утверждению правления богатейших людей и низведения магов до уровня обслуги интересов золотых мешков так же сорваны — на время.

Пока что власть Императора и верных ему благородных фамилий незыблема. Осталось последнее, и, возможно, самое опасное. Я говорю о тёмных родах. Именно их сила стала одной из основ мощи Империи. Их вполне удовлетворяло то положение которое они занимали — пока перед их глазами был пример обращения с ними за границами Империи. К

сожалению, их собраты в чужих землях уничтожены под корень, либо скрываются так глубоко, как только можно. Умы молодёжи тёмных фамилий одолевают мысли о том, что они называют справедливостью. Я же называю это жаждой превосходства. Тебе предстоит разобраться с ними. Думаю, ускользнувшие от нас смутьяны со временем придут к мысли, что союз с темными магами будет полезен для них. После бала начни работать в этом направлении. Тем более, что ты после обнародования неизвестными лицами твоего письма к Императору и новостей о том, как ты отвечал допрашивающим тебя «псам режима» и кратковременному заключению в Орешке, пользуешься репутацией вольнодумца»

Павел смотрел на ласковое солнце и чувствовал одновременно беспокойство и предвкушение.

В то же самое время с другой стороны Александровской Слободы выезжала другая карета. Чёрные лакированные двери её украшал стоящий на четырёх лапах оскалившийся медведь, попирающий змея.

Феофан Домидов, глава самого влиятельного тёмного рода в Империи, а значит — и во всём мире, держал путь в своё поместье. Он ехал долго, презрев новомодную железную дорогу, к сотворению которой он сам приложил руку. Тем более, что добраться до его родного селища по железной дороге было невозможно. Колеса кареты грохотали по вымощенным булыжником мостовым, после с чавкающим звуком катили по грязи проселочных дорог, переваливались по выстланным бревнами гатям. Наконец, карета остановилась у деревянных ворот. Князь Домидов вылез из кареты, взглянул на увязшие в грязи сапоги из тончайшей кожи. Прихлопнул широченной ладонью комара, впившегося в шею.

— Добро пожаловать домой, княже.

— И тебе не хворать, — ответил он не оборачиваясь.

— Не посмотришь на меня?

Грудной, чарующе прекрасный голос. Истинно ведьмовский.

Феофан медленно развернулся к ней. Светящиеся зеленым светом глаза, холодная улыбка, короткие чёрные волосы...

— Велемира.

— Госпожа Велемира, — промурлыкала Воронова. Она потихоньку перебирая ногами обходила Феофана по дуге.

— Ты помог своему дружку избавиться от проклятия. И не выполнил моего поручения.

— Да, не выполнил.

— Ты слишком отдалился от корней, Феофан.

— Князь Феофан.

Воронова слегка скривила губы и повторила:

— Ты слишком отдалился от корней.

Она посмотрела на его сапоги, утонувшие в грязи. Подняла глаза. Домидов смотрел на неё в упор, не мигая. Она подошла ещё ближе.

— Мы поможем мятежникам. Ты возьмешь на себя заботу о деньгах.

— Они лишь хотят нас использовать.

— Знаю. Но мы поступим как в старой сказке о рыбаке и рыбке.

Домидов наморщил лоб.

— Не уверен что понимаю аллегорияю.

— Да, ты же воспитывался в культуре завоевателей. В истинной сказке рыбку вытащили

на берег и она сожрала рыбака. Так и я сожру тех, кто хотел сожрать меня. Использую тех, кто хотел использовать меня.

Домидов протер ладонью лоб. Сказал устало:

— Какие завоеватели? Мы живём в одной стране уже тысячу лет. Все уже перемешались. Только вы сидите в своих болотах и живете памятью о давно минувших днях.

Она заглянула ему в глаза и прошептала:

— Мы ждали, и мы дождались.

Велемира сделала шаг назад, её фигура стала полупрозрачной, потеряла плотность и её сдуло порывом ветра, словно облако дыма. Феофан опустил глаза. Следов на грязи не было. Видел ли он хоть раз её во плоти? Нет уверенности.

От опушки леса напал туман. Домидов поежился и пошёл в терем, чавкая по грязи сапогами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net